

Лина Чаплина

Цветение

Green Academia

Лина Чаплина

Цветение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70610797

SelfPub; 2024

Аннотация

Суви – наследница самого влиятельного рода чародеев, у нее есть способность – управлять растениями. Только вот для Суви это не дар, а большая ответственность. Когда умирает Астрид – ее мама, и весь мир начинает давить, Суви понимает, что должна стать сильней, доказав свою ценность в мире. В этом ей помогает Адам, полуоборотень. Обратней презирают, а полукровки и обращенные чародеи, обычно, не выживают. Астрид не выжила. Адам выжил. На пути к силе Суви не замечает, как теряет себя в чужих амбициях и целях, совершая ужасные ошибки. Ведьме нужно научиться цвести среди ненужной лжи и осколков сердца, иначе тьма навсегда поглотит ее.

Лина Чаплина

Цветение

Глава 1. В густой траве пропадешь с головой
2008 год.

День похорон ее матери был наполнен жарким солнцем и переливом голосов птиц. Мягкий ветер, в предчувствии прохлады, обдувал ведьму. Суви шла по молодой траве, ощущая, как она трепещет от ветра, и как растет, прорывая дерн.

Суви Адельхейд несколько месяцев назад исполнилось шестнадцать. Это был ее очередной день рождения, когда папы и мамы не было рядом. Вот только Суви больше их не ждала.

Каждый день рождения маленькая Суви просыпалась рано утром и тут же бежала к двери. Она стояла там, строго и решительно, как лучший из гвардейцев короля, как бы порой ей не хотелось убежать. Дядя и тетя безуспешно пытались увести Суви от двери. Она была готова кинуться в объятия людей, которых не видела так давно, что образы их медленно рассеивались, превращаясь в тень.

Когда Суви засыпала, прижавшись к стене, дядя Эдвард бережно поднимал ее на руки, нес в детскую. Он укладывал племянницу на кровать, укрывал одеялом и шептал: «мне очень жаль, моя милая». В такие моменты он, неожиданно для себя, хотел овладеть магией. Только бы прочитать заклин-

вание: родители бы приехали к своему ребенку, или девочка забыла бы о них.

Во сне Суви улыбалась первый раз за день. Эдвард засыпал у ее кровати, а Матильда не решалась будить мужа. Она долго стояла, смотря на них, и в ее груди растекалось тепло.

С каждым днем рождения Суви стояла у двери все реже и реже. Пока и вовсе каждый день рождения не начала обходить дверь стороной.

Лес вокруг шумел, звал в свои объятия. Но Суви окружали незнакомые ей люди. Они были печальны, точно это их плечи согнулись под непосильным грузом потери. Суви медленно шла, пропуская незнакомцев вперед. Она казалась самой себе выдуманной, совершенно лишней в этот день, в этом месте. Как и в свои последние дни рождения.

Она знала, эти люди здесь не из-за ее матери, а всего лишь из-за древнего рода Адельхейд.

Суви могла похвастаться не только древним родом, но и семейными рыжими волосами: ей достались светло-рыжие волосы, которые она стригла чуть ниже плеч. Образ довершали светло-карие глаза и мягкая улыбка. От Суви пахло смесью жасмина и полевых трав.

Чем ближе было кладбище с семенным склепом Адельхейд, тем короче становились шаги ведьмы.

Рядом с Суви шла ее подруга – Прия Хатри. Суви бы давно упала, если бы ее не поддерживали руки Прии.

Прия напоминала Суви дочь великого царя Индии из

древних сказок, с ее идеальной осанкой, строгим и гордым взглядом черных глаз. Суви считала ее лицо таким идеальным, что даже не тронутые ветром длинные волосы казались невозможно правильными. От Прии пахло легкой, едва уловимой астрой.

Сквозь шелест листьев до Суви доносились голоса членов Совета:

– Я был на похоронах великих чародеев, а теперь должен быть тут! – Сказал первый голос.

– Тебя никто не заставлял, это дело лично каждого. – Ответил второй голос.

– Эта Астрид – сестра Верховной Чародейки, как я мог не прийти? Жаль, что и в такой семье не без...

– Хватит! Имейте уважение. – Вставил третий голос.

– Понимаю, но...

– Подумайте о девочке.

На минуту голоса затихли.

– Думаю, хорошо, что девочка уже несколько лет растет с дядей и тетей, а не с матерью. Я видела девочку – она милая, хорошая, и Верховная Чародейка говорила, что она подает надежды. – Сказал второй голос.

– Надежды? Мой брат учился с Астрид, какая надежда может быть у яблока от такой яблони? – Включился в разговор четвертый голос.

Суви отвернулась от них, смотря на подругу. В отражении стекол ее очков Суви видела печаль и всеми силами стара-

лась улыбнуться. Прия не могла понять, чего она хочет больше: увидеть привычную улыбку на лице подруги или видеть ее горе, ведь это значило бы, что она еще не очерствела от боли.

Строгие голоса дальних родственников вторили голосам членов Совета:

– Вся в мать, плетется сзади. – Сказал первый голос.

– Она хоть тут. Когда родителей хоронили, Астрид вообще не пришла. Девочке и так трудно. В конце концов, что это за мать, которая отказалась от ребенка? – Ответил второй голос.

– Мы не знаем, как все было... – Сказал третий голос.

– Что тут знать? Что вообще происходит с родом Адельхейд, если его главные наследники такие? На Фриде все и закончится! – Запричитал первый голос.

– Знаю, о чем ты... ее мать, хоть и не сделал ничего выдающегося, но была, я вам точно скажу, достойной ведьмой. А дети их что?

– Ну почему же? Их двоюродный братец – почитаемый в Германии и во всем мире, – напомнил третий голос.

– Но он отвернулся от всего рода. Да и сынок его ни о чем... – Ответил первый голос.

– Это все потому, что наследования рода свернуло не туда...

– Да брось ты, какие ваши предки наследники? Говорю вам, только Фрида – достойная Верховная Чародейка, как

ни как. Но детей у нее нет, кому род продолжить? Тильда похожа на мать, но и тут тоже провал... сплошной провал. Будь у нее хоть дети...

– Какие дети от простого человека, брось ты! И правильно, что нет! – Возмутился первый голос.

– Я считаю, это не было бы так важно... – заметил третий голос.

– Какой абсурд!

– Но, если подумать, эта непутевая Астрид вышла за чародея из хорошей семьи, и что? Только свои сломанные гены дочке передала, вот увидишь! Это надо же до такой жизни опуститься...

Суви протянула руку, и под ее ладонью распустился бальзамин. Он успокаивающе коснулся ее пальцев розовыми лепестками.

– Не слушай их. Ты все равно этих людей больше не увидишь. – Прошептала Прия Хатри.

Суви кротко кивнула ей. Их она больше не увидит...

– Как и мать.

– Суви!

Слушая их разговоры, Суви все чаще смотрела по сторонам. Но не среди огромной толпы, ни среди старых деревьев, не было видно так нужной фигуры.

– Он не придет, – вздохнула Суви.

– Не придет, – согласилась Прия.

И все же Суви показалось, что среди деревьев она видел

кого-то. Сердце ее быстро забилося, а руки стали холодными.

Высокая, темная фигура не смела приближаться, издалека наблюдая за процессией. Суви шла так медленно, что смогла различить его тонкое, бледное лицо, длинные черные волосы и глаза. Грустные глаза, отдающие фиолетовым свечением. Суви вздохнула и со злостью сжала пальцы. Это не был ее отец.

И тут Суви поняла: незнакомец плакал. Губы Суви первый раз за день по-настоящему дрогнули в улыбке. Суви захотелось кинуться к нему и обнять так крепко, как мечтала обнять маму после долгой разлуки. Смотря на слезы незнакомца, искренние и горячие, Суви полюбила его, кем бы он ни был.

Сейчас, среди могил и безразличных чародеев, незнакомец казался единственным по-настоящему живым.

Суви протянула руку и у ног незнакомца выросла роза. Он благодарно улыбнулся тонкими губами, потянулся, чтобы сорвать бутон, но убрал руку и наклонился, вдыхая сладкий аромат цветка. Его слезы упали на розу и скатились вниз. Суви вздрогнула, точно его слезы скатились по ее щекам.

Суви не хотелось отрывать взгляд от незнакомца, но Прия повела ее вперед.

У обвитых плюющим ворот Суви замерла. Теперь ее мама, которой не было рядом столько лет, будет покоиться здесь. Ком сдавил горло Суви.

– Идем, – спокойно сказала Прия.

Суви отрицательно покачала головой.

– Останься со мной.

Девочки стояли, а люди проходили мимо, что-то шепча друг другу. Их колкие взгляды то и дело касались Суви. Ей не нужно было больше подслушивать, она знала, о чем они говорят.

Суви так и не смогла зайти, провожая взглядом чародеев, несших тело матери, без магии, на плечах. Среди них были тети Фрида и Тильда, дядя Эдвард.

Эдвард не смотрел на Суви, но она знала, что дядя хотел бы стоять рядом и держать ее за руку, чтобы дорогая племянница была спокойна. Но Эдвард полностью доверил это дело Прийе.

Стоя на похоронах, Суви не ощущала себя живой, но слезы, как лучшее из доказательств жизни, неумолимо текли из ее глаз.

Суви хотела закричать в след гробу:

– Ты предала меня, ты меня бросила!

Но она тихо сказала:

– Я так скучала.

Незнакомец за деревьями смотрел прямо на Суви. Он снова улыбнулся ей и ушел. Суви ринулась за ним, но так и не смогла догнать.

– Что это было? – Спросила Прия.

– Там был человек... я уверена, он знал маму и знает, как так она... умерла.

– Ты и так знаешь: она не вынесла обращения в оборотня.

– Да... но почему... почему она вообще была обращена?

– Зачем тебе это?

– Чтобы ее понять. Что, если обо мне будут говорить так же? Я не думала, никогда, что будет, если мама вернется, если нет... Что вообще будет со мной, кем я буду? Но кто я есть?

Прия надавила на очки так, что они врезались в переносицу, и просверлила Суви взглядом.

– Ты – Суви Адельхейд. Все остальное – не важно.

Суви вздохнула, смотря на уходящую толпу.

– Это уже слишком много.

Чья-то рука легла на плечо Суви. Это был парень с рыжими семейными волосами. Его, как и многих, Суви видела первый раз, но она знала, что это был ее троюродный брат, тот самый, которой, по мнению еще более дальних родственников, был ни о чем.

– Когда я хоронил мать, лет в десять, я тоже никак не мог... решиться, подойти к ней, увидеть... понимаешь? – Сказал Хорст Буш, кивая в сторону родственников.

– Но ты потом смог прийти?

– Да. Однажды, одним осенним днем, я просто пришел на кладбище и сел рядом с ее могилой.

Незаметно для Суви, Хорст повел ее вперед. Суви слушала его и в ее сердце теплилась надежда, что однажды и она сможет попрощаться с матерью.

Когда лето начало подходить к концу, но осеннего холода еще не было рядом, Суви лежала под сенью старого тиса. Прислоняясь к нему, Суви могла слышать, как проносятся мимо тысячелетия, а беря сухую кору, Суви в пальцах покручивала время. Ведьма протягивала руку и ветки, повинуюсь, тянулись к ней.

Недалеко шумела река. Оттуда к Суви подлетали стрекозы. Они садились на ведьму, позволяя ей рассмотреть свои цветные тела и прозрачные, легкие крылышки.

Последнее время Прия редко отходила от подруги. И в этот раз тоже не смогла оставить ее одну.

Девочки решили прогуляться, в тишине они дошли до пристани. Но обе скучали по частым разговорам. Просто слов уже было мало.

Дул прохладный ветер. Говорливые чайки, освещенные ярким солнцем, кружились над головами ведьм. В их головах слышался рокот прибоев, зов дальних, неизведанных берегов. Запах пряностей с кораблей и холод острых льдин.

Суви бы полетела за ними.

– Скоро в Академию. – С улыбкой напомнила Прия.

Суви любила Академию, но сейчас ей не хотелось никуда возвращаться. Несколько месяцев назад события, к которым Суви не готовила себя, обрушились на ее голову. И что теперь с этим делать Суви не знала.

От мыслей Суви отвлек знакомые голоса. К ним шли Эд-

вард и Матильда.

Эдварду и Матильде Адельхейд исполнилось по сорок пять лет. Волосы Матильды были темно-рыжими, а волосы Эди светло русыми. Голубые глаза Эди были добродушными, а улыбка скромной и солнечной. Тильда же отличалась строгими чертами лица и пронзительными серыми глазами.

Первый раз в жизни Суви познакомилась с дядей и тетей в восемь лет.

Задолго до рождения Суви, ее мама и Тильда поссорились, из-за чего Астрид отказалась знакомить старшую сестру с дочерью. Но однажды Астрид пропала без вести, оставив дочь Тильде и ее мужу, на лето, как было сказано в письме. Лето шло уже восемь лет.

Восьмилетняя Суви верила, что мама вот-вот вернется. Или папа ее заберет к себе. Но мама не возвращалась, а от отца приходили лишь письма с обещаниями. В тринадцать Суви, как и все чародеи, почувствовала в себе магию. Она поступила в Академию Чародеев, но от мамы все еще не приходили вести. А папа отделялся лишь открытками.

Этим летом тетя Фрида навестила семью, чтобы сообщить страшные новости: Астрид Адельхейд мертва. От нее осталось лишь измученное тело ведьмы, обращенной в оборотня. Ужасающее сочетание.

– Как ты, милая? – Спросил Эдвард, приобнимая племянницу, – готова к Академии?

– Да, очень хочу туда, – подмигнула Суви, широко улыб-

нувшись. Сердце ее последнее время не рвалось вниз, оно лишь ныло в груди.

– Я думал, ты будешь очень печальной, но ты такая радостная и много гуляешь с подругой, – заметил Эдвард, улыбаясь.

Суви крепко обняла Эдварда и уткнулась лицом в его мягкие плечи. Он не должен был видеть ее грустных глаз.

Прия отрицательно покачала головой, наблюдая за ними. Будь у Суви возможность, она и подруге бы не показала слез, но Прия часто была рядом, и замечала, когда Суви пыталась скрывать боль.

– Нам пора, – строго сообщила Матильда, – нужно еще успеть собрать вещи.

– Я собрала их заранее, не волнуйся, – ответила Суви, провожая взглядом птиц.

У Суви оставался только один план, который натерпелось выполнить.

– Опять пойдешь смотреть на это старье? Выросла уже. – Скривилась Тильда. – Ты ведь помнишь о своих планах?

– Оставь ты ее, – мягко сказал Эдвард.

Тильда смутилась под его взглядом, но все еще не сменила осуждающий тон.

– Что она сможет сделать великого с таким увлечениями, Эди? Это все от Астрид. Сколько мама не убеждала ее пойти в сборную после Академии, Астрид не соглашалась... и что вышло?

Суви рассмеялась.

– Не волнуйся, тетя, я построю карьеру в целительстве, травологии или спорте, стану лучшей из стрелков. Но я ведь могу оставить себе хобби?

Суви хотела добавить: «вы будите мной гордиться», но слова застряли в горле.

– Кончено.

Матильда все еще строго смотрела на племянницу. В лице Суви, похожем на лицо отца, легкой тенью улавливалась мать. Сердце Матильды ныло, вырываясь злостью. Как можно, думала она, так поступить со своей жизнью и со своим ребенком? Умереть так глупо, так рано, и все ради чего? Астрид не заслужила такую дочь, уверяла себя Тильда.

Попрощавшись со всеми, Суви решила прогуляться в одиночестве.

В центре города находился небольшой магазинчик с антикварными, старинными вещами. Люди обходили его стороной. Но Суви часто останавливалась рядом, прилипая к витрине. Карманные часы, куклы в платьях из муслина, потрепанные книги стремились в странном, но красивом танце к пишущей машинке в центре.

Прохожие с удивлением смотрели на девушку, прижавшуюся к старой, обветшалой витрине. А кое-кому на миг мерещилось, что пустые витрины наполнены вещами. Тогда эти люди ускоряли шаг.

В кармане, аккуратно сложенные, лежали разглаженные

деньги. Касаясь их пальцами, Суви улыбалась.

Эти деньги Суви заработала, помогая в магазине Эдварда продавать торты, пироги и другую сладкую выпечку, которую тот умело готовил.

– Зачем тебе деньги? – спросил в перерыве Эди.

– Прия так поддерживает меня...

– Мы же богатые, – заметил Эди, – ты можешь прорость денег.

– Нет. – Со строгостью, напоминающей Эди Тильду, ответила Суви.

Суви вошла в магазин. Тишину разбил легкий перелив колокольчиков над дверью. Стекланные клыки со звоном ударились друг о друга. Как медвежьи, подумала Суви, с теплотой вспоминая своего преподавателя.

Суви вдохнула затхлый запах, наполненный пылью и временем. Эпохи застыли в магазине. На шатких манекенах соседствовали шерстяной фрак девятнадцатого века, платье из коричневой шелковой тафты, и дамские шляпы с причудливыми перьями. На стендах рядом были разложены драгоценные пряжки, броши и запонки.

Отделенные китайской ширмой, спокойно ждали своих новых обладателей старинные часы и книги. Большие, маленькие часы, с кукушкой или без. Дорогие и безбожно дешевые. Старые, выдавшие множество рук, книги, с желтыми, сладко пахнущими страницами.

Ее взгляд упал на альбом, пристроенный на трюмо, слов-

но создавая вид легкой небрежности. Точно это не магазин, а чья-то квартира: хозяин листал альбом и оставил его, срочно убежав куда-то. Персиковый цвет все еще был красивым, даже под слоем разводов и грязи.

На фотографиях счастливая семья: мама, отец и их дети, сообщали открывшему их, как красиво, легко и беззаботно тогда жилось. Но в глазах блестела тоска.

Судьбы, лица, жизни, безразлично забытые, обретали в ее руках новую жизнь, дышали. И это казалось таким простым. Здесь Суви слышала язык вещей, такой сложный, окутанный мраком. История прорывалась сквозь трещины, отражалась в испорченных зеркалах, в глазах на портретах.

Суви не нужен был переводчик. Руки, касавшиеся вещей, так естественно и легко могли услышать их голоса.

Вон та серьга эпохи Ар Деко из платины, нефрита и огранкой розовыми бриллиантами с нескрываемой улыбкой в голосе говорила о восхитительном вечере, который посетила ее хозяйка. Там было много чародеев, а ночью даже приходили ши.

А вон та брошь из серебра и аметиста загадочно сообщала, что носила ее не просто ведьма, а сами цверги выковали ее в своих кузницах из лучшей стали, а камень – фиолетовое озеро, полное душ дриад. Суви охотно ей верила.

Суви могла, дотронувшись до вещей, увидеть судьбы, что они запечатлели. Увидеть историю, освященную тусклым светом керосиновой лампы, пойти следом, как за светля-

ками. Суви видела заросший дом в глубинке Англии, где сквозь предрассветный туман было еле различимо уханье ворчливой совы, а холодный ветер пускал под одежду стаю мурашек.

В том доме, на белой кружевной скатерти искусные тарелки из фарфора с рисунками по мотивам русских народных сказок, а рядом столовый сервиз в стиле барокко, ожидающий королеву Елизавету. На диване-канопе из синего шелка на игриво закрученных спиралью ножках сидел граф, пьющий чай ровно в нужное время. В жены ему обещали аристократку, и граф тому был несказанно рад.

А у украшенного изразцами окна застыла дама, мягкие плечи которой покрыла легкая шелковая вуаль. Она надеялась, что дождя не будет, тогда она точно навестит давнюю подругу. Впрочем, дама легко сможет найти оправдание не идти и в этот раз.

За ней стояла невысокая девчонка в простой крестьянской одежде. Она с увлечением крутила в грязных ладонях резную фигурку. Эта фигурка в ее руках, уложивших спать множество детей, смотрелась как никогда кстати.

Девочка подняла свои большие грустные глаза, смотря в душу Суви. Взгляд невозможно было отвести. С ней бы прыгать через огонь, пускать по спокойно глади озера венки из ежевики, розы, мяты, руты и резеды. Призывать весну, закрепив сладости на веточках. Весна придет, обязательно. Вот о чем шептали ее глаза.

– Ты выбрала себе что-то?

Суви вздрогнула, и магия тут же исчезла: вещи затихли, образы растворились. Перед Суви стояла Нарцисса Хортон. Это была старая женщина, с исцарапанным морщинами лицом и задорным, золотым блеском в глазах. Ее пышные волосы скрывали от всех слегка заостренные уши. На ее плече сидела небольшая красная лягушка, с интересом наблюдая за происходящим.

Нарцисса переехала из Англии в Эстонию очень давно, только окончив школу, ведь тут еще не было антикварного магазина для чародеев. К ее радости и удивлению.

Сама Нарцисса часто говорила, что было это так давно, что она еще качала на руках маленько Тильду. Суви, конечно, не верила в эти сказки.

– Как тебе сегодняшние истории? – спросила Нарцисса Хортон, подмигивая. Я долго их обдумывала.

– Это лучшее применение способности создавать иллюзии, которое я видела, – улыбнулась Суви.

Нарцисса покрылась красной краской.

– Давно ты не была в моем магазинчике, – заметила Нарцисса, – но я понимаю... Знаешь, дорогая, я знала твою маму. Не близко, но все же. Она была хорошей девочкой, помогала мне иногда. Она часто ходила танцевать с моими дочерьми в бар неподалёку. Так красиво танцевала...

Нарцисса замерла, внимательно наблюдая за Суви.

– Видно, этого было недостаточно. – Ответила Суви.

– Т-так... так что ты хочешь купить?

Выбежав из магазинчика, Суви направилась в парк, где ее ждала Прия. Прия выглядела взволнованной и испуганной, сжимая в руках записку с просьбой прийти.

– Что случилось?

– Прости меня, – пытаюсь ровно дышать, сказала Суви. – Я... я даже не поздравила тебя: с днем рождения!

Прия выдохнула.

Прия открыла коробку и чуть не выронила ее. В коробке лежала старая брошь из серебра середины девятнадцатого века в виде паука с тонкими лапками, его тельце было сделано из розового топаза. Паук приятно грел руки ведьмы.

– Суви...

– Это работа цвергов. – Сообщила Суви, обнимая подружку.

Глава 2. В душе растет разрыв-трава

Остров Туле, на котором находилась Академия Чародеев, согривало сентябрьское солнце. Это была земля древняя и таинственная, принявшая юных чародеев. Остров мерно плыл, окруженный балтийским морем.

Сам же остров был окольцован горами и лесом. Они защищали Туле от бурь и тех, кто не должен был обнаружить его. Ученики приплывали на кораблях к пристани, от которой не вела дорога.

По острову, в лесу и саду, мирно гуляли олени. Старшие ученики ходили мимо спокойных животных, гладили и подкармливали, точно в этом ни было ничего удивительного. Первокурсники не могли поверить своим глазам, постоянно переглядываясь и восхищаясь.

Не желая сидеть в душных кабинетах, ученики радовались возможности часто бывать на свежем воздухе: в тени лесов, на пестрых лугах и у скалистых гор.

Мягко улыбнувшись, Суви принялась за дело. В ее руке блестел небольшой ножик.

Но к Суви подошли друзья.

– Тебе не надоело заниматься работой для первых курсов? – Инна села рядом с Суви, лениво оглядев ее, как и у всех, темно-зеленую форму с вышитыми цветами, которые шевелились от дуновения ветра, сворачивались ночью и во время дождя.

– Тебе бы не помешало, – Прия поправила очки, хотя они и не сползли вниз.

– Только я учусь не хуже тебя, – самодовольно напомнила Инна, наблюдая, как подруга закатывает глаза.

Инна Ортега была ниже Прии, но могла гордо окинуть ее ехидным взглядом темно-карих глаз, и, улыбнувшись чуть пухлыми губами, напомнить богиню охоты, спустившуюся к людям за приключениями. От Инны пахло пряной лавандой, еле различимой за запахом множества зелий.

– Вы слышали про нового ученика? – спросил, точно не

обратив внимания на девочек, Давид.

Давид Олсон был единственным из компании, кто был таким же высоким, как Прия. Это было удобно, думала Суви, ведь так легче тонуть в спокойной глади его зеленых глаз. От него пахло сладкой жимолостью.

– Да-а, – лениво протянула Инна, – видел его уже?

– Еще нет, но его ко мне поделят. Но слухи о нем – правда...

Суви вздрогнула.

– Ты должен помочь ему. Уверена, ему так одиноко, – с грустью сказала Суви.

– Кончено! – согласился Давид, улыбаясь.

Суви кивнула, осторожно срезала кору дуба, повела рукой и трубочки полетели к стайке таких же, сушиться. Там же лежала и кора вишни.

Получив задания от профессора, друзья отправились обратно в Академию Чародеев.

Академия представляла собой белое здание с симметричными колоннами, напоминающее полумесяц. В центральной части занимались ученики, а в правом и левом крыльях располагались их комнаты.

Справа от Академии стояли оранжерея и теплицы, а также астрономическая башня, куда в плохую погоду можно было добраться через зачарованные двери. Заклятие придумал сам директор, и то, как его успешно использовать, никому не рассказывал. Рассказать хотя бы ему настоятельно умолял

покойный Верховный Чародей Флориан Адельхейд. Но Винцент Вальден боялся, что заклятием будут злоупотреблять.

Слева находился прекрасный сад из роз, внутри которого стояли статуи лучших мастеров Древнего Рима и их потомков, детей эпохи Возрождения, а сзади Академии росли дикие полевые травы и кустарники.

Вечерами Прия и Давид часто прогуливались там. Впрочем, как и другие парочки. Но и остальные любили этот сад, прохладный летом и теплый зимой.

Внутри стены были из зеленого мрамора, который искусно сочетался с темным деревом. На стенах весели картины знаменитых художников, среди которых находились и простые люди, и чародеи. В коридорах стояли книжные полки, цветы в горшках. А в главном холле можно было расположиться на мягких диванах.

– Я хочу есть, – сообщила Суви, направляя друзей в столовую.

Как только друзья зашли в столовую, многие ученики тут же кинулись к Давиду, предлагая сесть с ними. Прия крепко взяла его за руку и потянула за собой.

Лаура Селланд приветливо помахала им рукой и улыбнулась одними голубыми глазами, похожими на теплые воды океана. Друзья сели рядом с Лаурой. От нее пахло свежей сиренью.

– Как ты? – Спросила Суви.

– Все уже в порядке, меня выпустили из лазарета. – Отве-

тила Лаура и улыбнулась, от чего ее мягкие черты приобрели невероятную солнечность. – Это ли не главное?

Инна усмехнулась, растрепав ее светлые, подхваченные теплом, волосы, сделав их легкие кудри на миг более плотными, какими обладала сама.

– Отлично, тогда тебе срочно нужен торт с розмарином и тимьяном. – Сказала Суви.

Лаура была не против, и заказала предложенный подружкой торт, который тут же появился на зачарованной скатерти. Тогда Суви добавила:

– Себе я бы взяла запеканку с настурцией, салат из орхидеи, сыра и трюфелей.

На столе появился и заказ Суви.

Инна взяла себе чай из вербены и лепешку с сиренью. А Давид и Прия взяли себе по салату с фиалкой и орхидеей.

– А вот и моя вечная компания – Адельхейд, – раздался голос Иоланды за соседним столиком.

Суви улыбнулась ей, рассматривая завязанные в тугой хвостик белые волосы, светлые, точно кромка льда, глаза и тонкие черты лица.

Иоланда Линдберг, которую часто ставили в пару Суви на зельях, демонстративно покрутила пальцами – рядом с Суви образовалась иллюзия прекрасных георгинов. Суви провела через них руку, и георгины начали разрушаться настоящими цветами, прорастающими сквозь иллюзию. Корни цветов оплели стул.

– Надеюсь, в этом году не я одна буду работать? – спросила Иоланда, деловито поправляя белые волосы.

Суви лишь улыбнулась ей. Прия хотела вступить, но взгляд Суви заставил ее замолчать.

– Иоланда просто завидует твоей крутой силе. – Заверила подругу Инна, когда Иоланда отошла.

– Не бери в голову, это уже в прошлом, – ответила Суви и рассмеялась.

Радости четверокурсников не было придела: на старших курсах все занятия по астрономии стали практическими и проходили ночью в Астрономической башне. В обсерватории их ждал профессор Реген.

Парцифаль Реген считался долгожителем. Он родился в Кёльне в тысяча девятьсот третьем году, но все же был моложе профессора Вальдена.

Парцифаль Реген был высоким и к своим годам хорошо сложенным мужчиной. Его седые волосы были гладко зачесаны назад, острое лицо украшали тонкие губы и глубоко посаженные черные глаза. Парцифаль казался строгим, спокойным и угрожающе величественным. Одевался профессор всегда в дорогие, порой вычурные костюмы.

Элегантным жестом руки он указал на винтовую лестницу, по которой разрешалось подниматься только ученикам старших курсов и некоторым счастливчикам из младших, в число которых раньше входили Прия, Инна и Иоланда, по-

следние к сильному раздражению Прии.

– Надеюсь, вы выпались, – бархатный голос профессора Регена звучал, казалось, только в их головах. – Телескопы ждут вас.

Ученики поднимались вслед за профессором молча, боясь проронить хоть слово. У самой двери профессор Реген сообщил тихо, с придыханием:

– Вы уже знаете, нам никогда не приблизиться к магии, тающейся в звездах, в глубинах космоса, за черными телами, – в его глазах блеснула печаль, – но всегда стоит пытаться.

– Сколько бы он отдал, чтобы оказаться в космосе? – прошептала Инна.

Прия ткнула ее локтем, грозно посмотрела, а потом так же шепотом ответила:

– Слишком много.

Спустя два часа занятия учеников стало трудно оторвать от телескопов. Даже те, кто не любил астрономию, не могли сдержать свой восторг от звезд, таких далеких и пленительных. Раньше они могли наблюдать лишь проекцию.

И только выйдя за пределы астрономической башни, они почувствовали усталость.

Вторник начался с дождя. Суви любила гулять под дождем, но сейчас дождь так подходил к настроению, что это раздражало. Суви хотелось солнца назло всему. Назло новости, что все еще не давала Суви покоя. Слова, произнесен-

ные тетей Фридой, навсегда застряли в ее голове. И та мысль, которую Суви усердно старалась избегать, вырывалась наружу древним чудовищем.

Слова застряли так прочно, что мешали дышать. Но все, что Суви оставалась – думать об учебе.

Зелья вела профессор Ульвен. Это была полноватая женщина чуть старше пятидесяти с милыми ямочками, добродушными голубыми глазами и светлыми волосами. Она раскрыла руки в приветственном жесте, точно хотела обнять всех. Ученики, даже те, кто не смотрел на профессора, тут же замолчали.

Суви, к ее радости, в этом году в пару поставили Инну. Инна была самой успешной ученицей зельеварения. Как часто говорила профессор Ульвен, у Инны был невероятный талант. И как бы ни хотела Прия, она не могла с этим спорить.

На уроках Суви всегда завидовала Лауре, у которой была сильная аллергия на зелья. Чародеям, даже полукровкам, было все равно на человеческие аллергии, но вот от своих они страдали. Стоило Лауре вдохнуть пары любых зелий, так тут же она начинала задыхаться. Вместо практики она писала работы.

– Я уйду раньше, закончишь сама? Мне нужно к профессору Дюбуа. – Прошептала Суви. – Профессор Ульвен меня отпустила.

– И в этом году? Все снова плохо? – В голосе Инны по-

слушалась тревога.

Раньше Суви боролась с одной проблемой, ее сила не давала ей покоя: зелья, при варке, цвели положенными в них растениями, растения облетали парты и стены, как только Суви начинала колдовать. Даже когда она не колдовала, а просто отвечала на вопросы, но очень волновалась, то все равно украшала пространство цветами. Профессор Дюбуа решил помочь юной волшебнице. Профессор учил Суви тому, как примериться с редчайшей частичкой магии ши внутри себя и научиться ее контролировать.

– Нет, все в порядке. Конечно, профессор помог мне, – Суви перешла на шепот, – но у него тоже редкая сила, он должен знать больше.

От удивления Инна уронила в их общее зелье слишком много аконита: жидкость стала неправильного, бордового цвета. Суви никогда не говорила подругам, почему именно профессор Дюбуа, а не другой преподаватель, занимался с ней прошлые три года.

Расспросы вдруг стали совершенно не важными, нужно было исправлять зелье. Суви уже собралась все резать заново, но сосредоточенная Инна добавила в зелье листья осины и направила на горячий котел руку.

Инна сотворила заклятие, которым обычно заставляли светиться частички воды и другой жидкости, даже крови. Когда частички воды светились, создавалось впечатление, что в жидкости плавают звезды. Профессор Реген любил

подсвечивать руки, и тогда по его венам плыли созвездия.

Зелье засветилось. Котел слегка затрясся, а потом из него вылетели обожженные листья осины. Инна ловко схватила их над нежно лиловой жидкостью. А потом смущенно улыбнулась, увидев ошарашенный и восхищенный взгляд Прии.

– Потри корень аира. – Инна замолчала, ожидая увидеть разросшийся аир, но, к счастью, ничего не произошло, – Я придумала этот способ на каникулах, кстати, помогает отчищать зелье, как видишь... Мы все гадали, почему не Реген или сам директор... Дюбуа что, тоже управляет цветами?

– Нет, – Суви задумалась, – но он все еще не любит распространяться, так что...

Суви растерла корень аира в ступе. Добавила туда немного сушеной мандрагоры и снова повторила действия. Все это полетело в отвар из трав.

Инна высыпала в зелье пять когтей горного дракона. Жидкость стала похожа на сиреневую лаву.

Не добившись нужного результата, Суви осталась ждать историю магии в кабинете.

Хотя Гаспар Дюбуа был родом из Франции, а там предпочитали отдавать детей в местную школу, он закончил Академию острова Туле. Родители Гаспара были очень удивлены и настороженны, когда их сыну пришло приглашение лично от профессора Вальдена, но согласились, желая сыну лучшего будущего.

Профессор Дюбуа был высоким и крупным. У него были черные растрепанные волосы, смуглая кожа, внимательные карие глаза и густые брови, расположенные так, что его взгляд часто казался безмерно печальным. Гаспар Дюбуа обладал невероятно теплой улыбкой. От него пахло лесом и солнцем.

– Прости, что не смог помочь и на этот раз, – сказал Гаспар Дюбуа, разрушая тишину. Голос профессора Дюбуа был, как и улыбка, мягким, запечатлевшим в себе южное солнце.

– Как же вы знали, как учить меня? – Спросила Суви.

Гаспар пожал плечами и мягко улыбнулся.

– Я просто делился своим опытом. И, буду откровенен, ты меня превзошла. Когда я злюсь или волнуюсь, то все равно превращаюсь... частично. Но то, что ты хочешь, это другой метод. Понимаешь, – Гаспар старался подобрать слова, – я учил тебя справляться с силой не благодаря магии, а благодаря тебе, твоему сердцу и разуму. Это похоже на взлом. То, что хочешь ты, это пройти напрямую. Через магию ши. – Гаспар печально улыбнулся. – А они не делятся секретами.

– А если поискать книги в библиотеке?

– Там не будет. – С грустью сообщил Гаспар Дюбуа. – Тебе нужно обратиться к профессору Вальдену. Если он ничего не знает, то спросить в этом мире больше некого.

Суви подскочила на месте, круглыми глазами смотря на профессора. В них горела решительность.

Гаспар рассмеялся и его смех, как лучшая из магий, тро-

нул Суви. Они еще долго смеялись, пока не пришли другие ученики.

Задание профессора Дюбуа состояло в том, чтобы описать в виде эссе одно из значимых для ученика исторических событий, рассказать, почему они сделали такой выбор. Профессору Дюбуа были интересны чувства учеников, эмоции от событий, личностей, тронувших их души. Суви решила, что опишет одного из своих предков. В библиотеке им был посвящен целый стеллаж. А в главной библиотеке Совета их было и вовсе три, да и куда большего размера.

Урок профессор Дюбуа решил закончить раньше, чтобы поговорить, так как он являлся куратором четвертых курсов.

– В этом году, как уже вам сообщила Иоланда, вы будете углубленно изучать целительство и магическое право. Я не устану повторять, что очень рад, что в этом году являюсь вашим куратором. – Гаспар Дюбуа подмигнул ученикам, – Обычно такую практику не любят, но я бы хотел, чтобы Иоланда Линдберг передала свои полномочия. Я хочу во всех группах поменять старост, – он серьезно посмотрел на ошарашенную Иоланду, которая три курса ответственно выполняла обязанности, – новой старостой станет Суви Адельхейд.

Суви услышала, как в образовавшейся тишине выдохнула Иоланда от того, что не назначили Прию. Прия замерла и не двигалась. Инна, Лаура и Давид напряглись и переглянулись.

– Ты будешь отличной старостой, – сказала Лаура, взяв подругу за похолодевшую руку.

– Почему он не предупредил? – разозлено прошептала подруге Суви.

– Вы уверены, профессор? – с надеждой спросила Суви, косясь на Гаспара Дюбуа.

Профессор Дюбуа улыбнулся, говоря улыбкой: «Это тебе поможет. Я надеюсь». Но как это могло бы ей помочь, Суви не понимала.

– Конечно, – только и ответил профессор.

Суви взглянула прямо в глаза профессора и увидела в них скрытое волнение. Гаспар боялся, что ученица не выдержит это, и весь прогресс собьется, но он хотел вознаградить ее. От этого Суви стало только хуже.

Суви, Лаура и Инна вышли из кабинета в тишине.

– Прия ненавидит меня?

– Не думай об этом, – посоветовала Инна, – это всего лишь должность на год, два.

– Не для Прии, – Суви вздохнула, – но вот тетя Матильда будет в восторге!

Разойдясь с подругами, Суви дошла до библиотеки. Задание нужно подготовить к следующей неделе. Почему бы не начать сейчас?

В библиотеке было мало учеников. Суви поманила к себе книгу с верхней полки о своем предке, Флоренсе Адельхейд. Флоренс был ее прадедом и Великим Чародеем. Книга, медленно плывя в воздухе, спустилась к ведьме в руки.

– Зачем ты приплыл сюда, волчонок? – раздался голос за

стеллажом.

Ответом ему послужил сдавленный рык. Яцек Кински лишь нервно рассмеялся. Суви представила, как кривится его лицо со шрамом, оставшимся от ее удара два года назад.

– У нас и так куча нечистокровных, ты еще приперся. Они хоть не из дефектного мусора!

Яцек держал за шиворот Адама, нового ученика. Это оказался парень с кудрявыми волосами цвета пшеницы и печальными светло-серыми глазами. Адам словно сошел со страниц книг Байрона и Уайлда. От Адама пахло фиалками и луной. Адам вцепился в крепкие руки Яцека своими, покрытыми царапинами и краской.

Новый ученик слегка оскалился, обнажая клыки, из его горла вырвался рык. Яцек вздрогнул и скривил губы.

– Отпусти его! – грозно приказала Суви.

– О, смотри, наша лесная фея, – скрыв дрожь в голосе, Яцек обратился к Адаму, – это наша Суви из рода Адельхейд.

Суви повела пальцами, и пара книг упала Яцеку на голову. Тот вскрикнул и отпустил Адама. Яцек хотел ударить Суви, но вспомнил, что она натворила прошлый раз, когда он прижал к стене другого ученика. Один из шрамов так и не прошел.

– Если бы не твоя тетя, я бы тебе показал, – презрительно крикнул Яцек, уходя.

– Ты как? – Суви протянула Адаму руку, не обращая вни-

мания на Яцека, – меня зовут Суви. А тебя?

Адам посмотрел на Суви очень странным взглядом: будто он аристократ, к которому пристал прокаженный бродяга. Адам тяжело вздохнул. Ничего не говоря, он быстро схватил нужную книгу, даже не взглянув на Суви, и ушел. Он задержался лишь на миг, смотря на черную птицу, сидевшую у открытого окна.

Вернувшись из библиотеки, Суви долго не могла уснуть, вспоминая взгляд Адама. Как вообще кто-то мог так на нее смотреть?

Рядом с Суви оказалась кружка крепкого чая с ромашкой, жасмином, розой и бузиной и пара пряников с липовым медом. Еще в первый день приезда Суви подружилась с домовым, и теперь каждую ночь он оставлял ей сладости.

– Спасибо, хозяин, – прошептала ведьма в пустоту, но домовый услышал.

Лаура проснулась рано утром. Хлоя и Хортензия, ее соседки по комнате, еще спали. Хлоя, как и Лаура, была светлой блондинкой с голубыми глазами, а Хортензия обладала карими глазами и русыми, коротко стриженными волосами.

Лаура иногда думала, какого было бы как Прия, Суви и Инна, жить в комнате с двумя подругами. Да хотя бы с одной. Впрочем, Хлоя и Хортензия тоже не были дружны.

Лаура чуть постояла, внимательно осматривая комнату. Мысли, опасные, но пленительные, крутились в ее голове.

Но она дала себе обещание и должна была его выполнить.

Лаура тихо шла по молчаливым коридорам. С зелено-коричневых стен ее изучали картины великих художников. Проходя мимо, Лаура испытывала желание ответить им, окунувшись в бездну полотен.

Местом, куда шла Лаура, оказался кабинет профессора Сигве Селланда. Сигве был болезненно худым и высоким. Он, как и дочь, был кудрявым светлым блондином. На его лице сочетались аккуратно стриженная борода и лохматые волосы, полные жизни и печали глаза, впалые щеки, делающие небольшие скулы острыми, и теплая улыбка тонких губ.

Сигве не спал. Он сидел на кресле за столом, вырисовывая на старых работах учеников незамысловатые узоры.

Лаура тяжело вздохнула и подошла к нему.

– Папа?

Услышав голос Лауры, Сигве дернулся. Несколько секунд он смотрел на нее в замешательстве, а потом радостно улыбнулся. Он дотронулся до волос дочери, растрепал их и рассмеялся. Как в детстве Лауры. Смех Сигве был пронзительный и тонкий.

– Прости, я не спал... – Сигве начал перебирать стопки бумаг, что-то ища, – завтра столько дел... сегодня. Правда же, сегодня? – Сигве посмотрел на дочь, словно маленький испуганный котенок.

– Да, – мягко сказала Лаура. В ее голосе сквозила неприкрытая печаль. Похолодевший ветер дул из окна, наводя на

столе еще больший беспорядок. Но Сигве было все равно.

Лаура закрыла окно, Сигве отстраненно посмотрел на нее, а потом достал из ящика стола коробку леденцов.

– Будешь? Там есть лепестки орхидеи, а эти вот с фиалками, мои любимые с розой, о, а вот и твоя вишня, и я... а с чем еще? А какую я любил?

Лаура ничего не ответила. Она молча взяла леденцы, не глядя на них и с благодарностью улыбнулась.

– Ты снова не прибрался, а теперь стало хуже, – заметила Лаура со смесью укора и печали.

– Всю ночь был такой ветер сильный, а я окно открыл, – согласился Сигве. – Еще леденцов?

– У тебя же есть способность, – напомнила Лаура.

– Да? Ну ладно, я еще не решил, воспользоваться ли ей, – пожал плечами Сигве.

Способностью Сигве Селланда было манипулирование предметами: он мог заставить любые предметы выполнять различные действия, для которых обычно они нужны человеку. Лауру это злило, ведь отцу ничего не стоило убраться – просто пара взмахов руки.

Лаура заставила вещи вернуться на свои места, перенося и отталкивая их движением пальцев.

Но потом она взяла отца за руку. Тот вздрогнул и выдохнул. Лаура услышала свист, гулко спускающийся с его губ. Лаура легким жестом заставила швабру, веник и тряпки начать убираться, утюг гладить вещи, а поглаженное, склады-

ваться.

Способностью его дочери было копирование. Прикасаясь к другому человеку, Лаура могла использовать его способность. Дотронувшись до руки отца, Лаура почувствовала, как магия, легким покалыванием, проносится через его руку в ее. Каждый раз при этом она ощущала кислый привкус на губах и счастье.

Дотрагиваясь до других людей, Лаура могла прожить сотни жизней, поменять миллион одежд. Лаура знала, что чувствуют Инна и Давид, создавая иллюзии, что чувствует Суви, манипулируя растениями, что чувствует отец, манипулируя вещами. Мир заново оживал перед ней и наполнялся новыми красками.

У Лауры точно была своя собственная коллекция. Чужие способности наполняли ее, как вода наполняет легкие. Обволакивали. Становились родными. По ощущениям она точно понимала, какая у чародея способность еще до того, как использовала ее.

Сигве смотрел на дочь со смесью печали и тревоги. Когда она делала так: молча брала его за руку и начинала использовать его силу, он чувствовал себя потерянным и опустошенным.

Сигве резко выдернул руку из ладони Лауры, тряпки и швабры упали. Сигве встал, чтобы уйти, но, развернувшись, добавил:

– У меня скоро урок геологии. Если хочешь, все леденцы

– твои.

Лаура потупила взгляд.

– Прости.

Когда Лаура ушла, Сигве призвал своего фамильяра. Сова покружилась вокруг него и села на плечо, прикрывая своего чародея пестрыми крыльями.

Глава 3. Этим розам цвести еще долго

О том, что в Академию привезли грифонов, слухи ходили еще с августа. И все же, мало кто в это верил. Перевозка грифонов считалась опасной и требовала особых условий.

Но вот он – грифон, из шерсти и перьев, ходит по ромашкам. Грифон был крупным, коренастым, тело льва украшали мощные орлиные крылья. Грифон смотрел на учеников, не моргая, фиолетовыми пронзительными глазами.

Профессор Блэр со своим небольшим ростом казалась рядом с грифоном еще миниатюрнее. Она туго завязала черные волосы в хвост, чтобы они не мешались, и наклонилась к грифону. Потом аккуратно погладила его по клюву, и грифон издал слабый мурчащий звук, словно львенок, которому почесали животик.

Джасмин Блэр преподавала зоологию магических и обычных существ. К удивлению всего преподавательского состава, именно она из всех претендентов с большим стажем получила приглашение на должность.

Главным своим достоинством профессор Блэр считала

достаточно редкую способность, позволяющую ей понимать, что хотят животные и птицы, и быть понятой ими. Многие считали, что только лишь благодаря этому профессор Вальден обратил на Джасмин внимание. Джасмин это не нравилось, в конце концов, это у Гаспара редкая сила, а ее так – всего лишь обыкновенная.

– Не волнуйтесь, это Гилл, он совершенно домашний и ручной. Грифоны живут в горах, этого еще малышом нашли мои братья. Его вырастили в заповеднике.

Гилл расправил крылья, поражая юных зрителей красотой перьев, и перевернулся на спину, уставившись на голубое небо. А потом утробно заурчал.

– На нем можно полетать? – слышались восхищенные голоса.

– Если вы хотите, чтобы я лично вас за это убила, тогда «да»! – Джасмин Блэр прищурила черные глаза, – кто хочет?

В ответ ей прозвучала тишина. Только Гилл мурчал, наслаждаясь осенним солнцем.

Суви наколдовала у орлиной лапы белую розу. Грифон удивленно взглянул на цветок, уткнулся клювом в белый бутон и зажмурился, вдыхая сладковатый запах. Потом он открыл глаза и посмотрел прямо на Суви.

Гилл завилял львиным хвостом и бросился к Суви. Сбив ведьму с ног, он положил голову на ее живот, подставляя шею для того, чтобы она почесала. Суви рассмеялась, запуская пальцы в мягкие орлиные перья.

– Молодец, Адельхейд, – улыбнувшись, сказала профессор Блэр. – Грифоны созданы алхимиками. Более того, это самое первое выжившее и сохранившееся животное алхимиков. Когда грифоны находят клад, сокровища, они роют землю, радостно виляя хвостом и размахивая крыльями. Так что лучше рядом не стоять. Как вы видите, они вполне безобидны...

– Мой дядя выращивает таких, – перебила профессора Иоланда.

– ...пока вы не нападаете на них. – Точно не заметив, продолжила Джасмин Блэр.

Стоявшая ближе всех к грифону Лаура неустанно чихала.

– Почему ты все еще не ушла? – Возмутилась Прия, – ты ведь в курсе про свою аллергию на грифонов?

Лаура с умилением улыбнулась.

– Кончено. Но почему какая-то аллергия может мне помешать увидеть эту лапочку?

Все учителя бы запретили Лауре находиться на уроке, но профессор Блэр с одобрением посмотрела на ученицу.

Каждый раз, когда Джасмин Блэр приводила существ на урок, это событие срывало все последующие занятия, так как ученик не могли перестать обсуждать чудесных созданий.

Суви с трудом отошла от Гилла и даже помогла профессору Блэр завести его в загон, хотя обычно этим занимался Давид.

После часа отдыха учеников ждали занятия по полетам.

Вела занятия так же профессор Блэр.

Юные чародеи учились летать с третьего курса. А летали на гордых и прекрасных вивернах. Эти существа так же были выведены алхимиками, желавшими создать дракона. Животных создавали много, ведь алхимия официально была запрещена только в двадцатом веке Верховным Чародеем Флорианом, так как тот боялся, что алхимики однажды совершат свои самые невероятные открытия, создадут камни и эликсиры, сведя весь мир с ума.

Виверны были чуть меньше и легче драконов. Их гибкие тела темно-зеленого цвета странно, но красиво сочетались с мощными задними лапами и острыми крыльями. Виверны, обитавшие в Академии, не обладали шипами и относились к неядовитым. Их впалые фиолетовые глаза призывно блестели.

Ведьмы и ведьмаки очень любили виверн, которые всегда защищали своих чародеев. Но вот простой народ их невзлюбил и выдумывал небылицы о злостном характере ящеров.

– Так как ваша программа усложнится, – сказала профессор Блэр спокойным, тягучим голосом, – начиная с этого курса, вы можете отказаться от занятий.

– Кто откажется полетать на виверне? – удивился Давид.

Виверна по имени Хитер оттолкнулась крепкими лапами и взлетела в воздух. Остальные виверны полетели за ней, ловя могучими крыльями восходящие потоки ветра. Каждая виверна несла своего всадника. Те виверны, которым всад-

ника не досталось, летели следом, позволяя себе шалости и забавы.

Хитер не могла себе этого позволить. Она летела во главе и несла на себе Давида. Давид, единственный из всех учеников, был без седла. Профессор Блэр позволяла это, так как знала, что он не упадет. Давид чувствовал телом чешуйки ящера и смеялся.

Вокруг стоял гул и слабо доносящейся смех. Давид поминал Хитер вверх, но остальные виверны не последовали за ними. Мирте, на которой сидела Прия, заняла место Хитер, и повела стаю вперед.

На второе место за ней встал Смаури, всадником которого была Суви. Суви рассмеялась, прижимаясь к нему. Смаури заурчал, откликаясь на смех ведьмы.

Хитер и Давид скрылись за облаками, ни оставив на земле даже тени. Виверна ловко разорвала жесткими крыльями воздух. С виду ее крылья казались легче перьев сокола, прозрачной тканью, ловящей потоки ветра. Давид рассмеялся, ощущая холод и свободу. Виверна ответила ему утробным рычанием, с земли напоминающем гром.

Ветер бил в лицо так, что хотелось зажмуриться и уткнуться в чешую виверны. Давид подался вперед и Хитер спикировала низ, приземлившись на самый край отвесной скалы, куда никто из учеников не добирался даже на вивернах. И многие цверги не решались туда выйти.

Давид спрыгнул с Хитер. Огромные волны, не переста-

вая, били о скалы, покрывая виверну и ведьмака холодными брызгами. Они стояли в тишине, наблюдая за бескрайним морем. В его бушующий волнах Давид находил покой.

– Полетели назад, солнце, – мягко сказал Давид, не желая отводить взгляд от моря.

После урока, приведя своих виверн к загонам, Суви и Инна отправились в лес. Прия с Давидом пошли с Лаурой в лазарет. Суви и Инна оказались у подножия гор. Одинокое дерево ползти вверх, желая покорить их вплоть до вершины.

– И что мы тут делаем? – Спросила Инна, а потом уточнила, – по нашей версии.

– Собираем немного минералов для профессора Ланской.

– Она еще не задавала.

– Не наши проблемы, – пожала плечами Суви. – Да и если еще поймают, чего думать? Разве нас ловили?

– Меня – да. – Рассмеялась Инна.

Перед ведьмами появилась женщина метр ростом, похожая одновременно на немощную старуху и на молодую воительницу. Она оглядела ведьм с головы до ног, прищуривши золотые глаза под густыми рыжими бровями.

– Куда путь держите? – голос цверга был похож на падающие камни, журчание горного ручейка и заплутавший между скал ветер.

– Гуляем, – дружелюбно улыбнулась Суви.

– Не хотите присоединиться? – спросила Инна.

Анемон оторопела, а потом рассмеялась. Ее раскатистый смех сотряс покрытые мхом камни.

– Давно меня гулять не приглашали, ведьма! – Анемон указала рукой на проход, появившейся в скале. – Прощу за мной!

Суви и Инна, с интересом переглянувшись, вошли вслед за Анемон.

Как же вас звать, ведьмы?

– Я – Суви, а моя подруга – Инна, – ответила Суви.

– Красивые имена. Я запомню.

Анемон назвала им свое имя и повела ведьм дальше.

– А ваши не будут против? – спросила Суви.

– Почему же? Будь мы против ведьм, жили бы подальше от вас.

Пещера была не самой высокой, так что девочки рисковали удариться головами. Но неудобства стоили того. Они оказались в огромном зале со стенами из опала, с множеством колон и перьев фениксов под потолком, заменяющих собой самые мощные лампы.

Ведьмы слышали гул голосов и музыку.

– У нас День рождения хозяйки гор. Три дня празднуем. Мне так надоело. Решила прогуляться... а вообще выходить нельзя во время праздника.

– А хозяйка не разозлится?

– Кто ее знает? – хмыкнула Анемон, – сама себе на уме.

Суви и Инна шли за Анемон, не переставая смотреть

по сторонам. Они вошли в огромную комнату, украшенную фресками. Фрески повествовали о великом короле Адонисе, его подвигах и легендарном завоеванном царстве в горе Гюна. Там он жил, совершал великие дела и умер.

Никто раньше из учеников не ходил по пещерам цвергов. Сами цверги, конечно, приходили на занятия, но этим ограничивали знакомство.

– Мы проходили Адониса по истории, – вспомнила Суви, – он учувствовал в войне жрецов. Адонис был единственным хозяином гор, который вступился за чародеев в войне с ши. Он даже выслал им десять тысяч единиц провизии, когда Совет – только две тысячи. Ели бы не он, чародеи бы не выжили на том острове.

Анемон гордо улыбнулась. Она верила, что чародеи не забыли об Адонисе.

Ведьмы оказались в огромном зале, украшенном сотней гирлянд и причудливых фонариков из чистого золота под мраморным потолком. За столами, заполнившими все помещение, сидели цверги от малышей до стариков. На каменных стенах двигались заколдованные картины, рассказывающие о подвигах древних цвергов. Малыши смотрели на них, восхищаясь, удивляясь и помогая героям, за которых очень волновались.

Среди цвергов сидели прекрасные горные нимфы – ореады. Вместо цветов в их волосах блестели капельки рубинов и сапфиров. Они весело смеялись, и их смех переливался

звоном драгоценных камней, петлял опасной горной тропой, расплавлялся тягучей, древней песней. Когда цверги и ориады говорили, хрупкое эхо разносилось по залу.

Анемон, прихватив по дороге горсть винограда, высеченного из яшмы, элегантно села на трон из ангидрита, в котором блестели алмазы, хризолит, сапфир и множество других камней. На ее голове тут же появилась корона из гиацинта.

Старик с седой головой, назначенный главным советником, неодобрительно цокнул и осушил бокал вина. Казалось, в его бокале плещется вовсе не вино, а жидкий топаз.

Суви и Инна переглянулись. Каждая заметила ошарашенный взгляд подруги. Мало кто из цвергов и ореад обратил на ведьм хоть какое-то внимание. Королева Анемон, хозяйка гор, жестом подозвала к себе новых знакомых.

– С днем рождения, Ваше Величество, – Инна изобразила прекрасный книксен, а потом создала на руке иллюзию птицы. Птица взмыла в небо и закружилась вокруг королевы.

Анемон одарила Инну благодарной улыбкой.

– Присаживайтесь, угощайтесь, – королева указал рукой на пару свободных мест рядом с советниками.

Ведьмы решили не отказываться. Они сели по обе стороны от советника по имени Эдельвейс.

Стол ломился от малахитовых яблок, винограда из яшмы, пирогов из сердолика с вкраплениями аметиста и аквамарина, пирогов из рутила и янтаря, джемов из нефрита и агата, выпечки из цитрина, груши из оливина подавали с си-

ропом из турмалина, дополняли все пряники из мориона. Посередине стола, в окружении живых цветов бузины, черники и пиона, расположились поджаренные кусочки лазурита, украшенные алмазной крошкой. Бокалы с жидкими топазом и рубином ловили и прятали в себе свет от тысячи фонариков.

Ведьмы ели и ели, а их желудки, казалось, все увеличивались. Точно Суви и Инна голодали уже несколько веков. С каждым укусом, с каждым глотком яства цвергов казались все вкуснее и вкуснее, все теплее и слаще.

– А вас не накажут? – спросил Эдельвейс, с сомнением смотря, как ведьма ест.

– Все в порядке, никто и не узнает, – пробормотала Инна. Кусочек пряника из мориона нежно таял на ее языке.

– Как же, вы на празднике у самой хозяйки гор и промолчите об этом?

Инна тяжело вздохнула.

В зал вошли музыканты. Они играли на литаврах, маленькой скрипке и вистле, виоле де гамбо и лире. Голоса цвергов, глубокие, низкие разносились по залу, окутывая каменные стены. В и голосах ведьмы слышали отзвуки падающих камней, шелест горных трав, дождь, барабнящий по скалам, потерявшийся в туннелях ветер, шуршание драгоценных камней, пропущенных сквозь пальцы, и древние сказания.

Ведьмы утонули в сладости и пленительности этой музыки. Из оцепенения их вывел голос Эдельвейса:

– Сколько, сколько я просил королеву не заниматься всякими глупостями! Подумаешь, опасности нет, мы на острове! Но нужно знать, откуда мы родом. Из-под каких завалов я ее маленькой вытаскивал, как тащил через все горы! – сокрушался Эдельвейс.

– Но у нее есть вы, вот королева Анемон и не боится ничего, – заметила Суви, подмигнув Эдельвейсу. В душе ее зародилась тоска по музыке цвергов. Ну почему, почему прекратили играть?

Эдельвейс гордо выпрямился, и послышался грохот камней.

Суви встала и протянула цвергу руку. Тот с подозрением покосился на нее.

– Не отказывайте юной ведьме в танце, – мягко сказал она. Вздохнув, Эдельвейс принял предложение. Никто им не удивился, многие цверги танцевали с прекрасными ореадами. И все же Эдельвейс стал пунцовым, как рубеллит.

Пока они кружились под зажигательную и ритмичную музыку, Суви начала замечать, будто седые волосы Эдельвейса становятся пшеничными, а исполосованное глубокими морщинами лицо, разглаживается.

Старый цверг перестал ворчать и начал смеяться, ловко двигаясь под музыку. В глазах его золотых горел лукавый огонек.

С Эдельвейсом Суви станцевала еще три танца, но он вернулся к королеве, поблагодарив ведьму за танец. Сама Су-

ви осталась танцевать. Вскоре к ней присоединилась Инна. Ведьмы не могли поверить, что можно остановиться. Музыка цвергов проросла в них.

Для хозяйки гор подданные разыгрывали прекрасные спектакли, то смеялись, то плакали, то кидались со сцены. Смех и слезы сливались воедино. Самые талантливые поэты из всех цвергов пели Анемон оды, задевая своими голосами глубь камней.

Яства все подавали и подавали. Актеры сменялись музыкантами, танцорами, чтецами, и так круг за кругом. Каждый цверг, от мала до велика, хотел преподнести подарок свой королеве.

В перерыве между представлениями Эдельвейс томным, чарующим голосом рассказывал о давних подвигах своих предков. В его голосе затерялись великие эпохи, далекие века, узкие тропы и храбрые герои. Цверги, ореады и ведьмы не смели прерывать его рассказы.

Так Суви и Инна приводили время, пока на празднике вдруг не появился Люттик, домовой Академии. Домовой представлял собой небольшое существо, ростом не больше метра. У него были длинные острые уши, а левое было опущено вниз. Волосы были лохматыми и седыми, а глаза темно-карими и уставшими, но сквозь них прорывался золотой блеск. Седина волос не сочеталось с молодыми чертами звериного лица. По случаю праздника королевы Люттик надел свой любимый синий кафтан.

Лютик прищурился, укоризненно смотря на ведьм.

– Лютик, прекраснейший сударь, – просияла Анемон.

– Еще раз с праздником, Ваше Величество, – в голосе домового слышался треск камина, отзвуки сотен шагов домашнихцев, шелест дождя за окном, – позволите ли забрать ваших гостей?

Анемон глубоко задумалась. Потом кивнула и произнесла:

– Позволяю, милый друг, позволяю. – Анемон обратилась к девочкам, – Понравилось ли вам на празднике, ведьмы?

– Да, это было восхитительно, – ответила Суви, с восторгом оглядывая зал, ее тело после долгих часов танца ныло, желая танцевать, – ваш дворец, ваша еда, ваши песни, вы все – это так чудесно! Спасибо за ваш пир!

– Что ж, до скорой встречи, юные ведьмы.

Уходить ведьмам совершенно не хотелось, но домового лучше было не злить. Лютик крепко взял девочек за руки и переместил в комнату.

Прия ходила из стороны в сторону. Увидев подруг, она хотела было кинуться к ним, но остановилась. Тревога в ее взгляде смешалась с ужасом. На ее кровати сидел Давид, а Лаура застыла между кроватью Суви и ее столом. Рядом с кроватями находились кресла. Посередине ковра расположился небольшой котел. У стен, обклеенных зелено-коричневыми обоями, находились столы. Стол Инны был прямо у выхода, рядом с ее кроватью. Стол Прии был рядом со сто-

лом Суви, и ее очень злило, что до стола дольше всего идти именно ей, а не подругам.

– Где вы были? – Вскочил с места Давид.

– Мы же отсутствовали пару часов, может, часа три, – в один голос ответили девочки.

– Пару? Три? – Прия поправила идеально сидевшие очки, – Вас не было с двенадцати дня. – Прия указала рукой на часы, стрелка которых остановилась у цифры восемь. – Уже утро! нам скоро на занятия. Я не могла найти вас через заклятие поиска. Ни одно не сработало. Я так усердно представляла вас, биение сердец... без толку. Я так испугалась! Если бы не Давид... – Прия набрала побольше воздуха в легкие, – это он послал за вами Лютика! – Прия хотела еще добавить несколько претензии, но Суви прервала ее, крепко обняв.

Инна оказалась в объятиях Давида и Лауры.

На уроке чародейства Суви и Инне было трудно сосредоточиться от невыносимой тяжести в животе. Их тела ломило от боли. Видя их измученные лица, Прия каждый раз напоминала, что нельзя есть еду цвергов. И они бы знали это, если бы внимательно прочли седьмой параграф в учебнике в том году.

Вел чары Рене Моен. Рене был высоким и очень худым. У него был большой, с горбинкой нос и растопыренные уши. Черные тонкие волосы были небрежно зазваны в хвост. На

учеников он смотрел светло-голубыми усталыми глазами. Эта была его настоящая внешность. Раньше Рене постоянно менял ее, убегая в силу свой способности от реального мира. Но первая любовь Рене помогла ему принять свою настоящую внешность.

Профессор Моен задал повторить пройденный ранее материал. Многие заставляли книги стать невидимыми, подниматься в воздух и висеть там, а другие делали шкатулки внутри больше, чем снаружи.

Суви и Инне было так больно, что чары не хотели их слушаться. Все мысли ведьм были далеко под горами. И тело рвалось туда. От чего-то они знали, что стоит вернуться к Анемон, и все пройдет.

Суви еле сдерживалась от непреодолимого желания остаться под горой навсегда.

Суви, с трудом, но смогла сделать ящик внутри больше – оттуда теперь не показывались виноградные лозы, как это было долгие годы.

– Надеюсь, вы понимаете, что прошлая неделя была нужна для адаптации? – профессор Моен улыбнулся, от чего черты его лица стали еще более приятными, – с четвертого курса мы начинаем продвинутый уровень. На большинстве занятий нам понадобится фамильяры.

На окне появилась ящерица, ее глаза мерно светились белыми огнями. Рене ласково улыбнулся ей.

Фамильяры помогали ведьмам с чарами и служили за-

щитниками, но частый вызов предвещал сильное истощение энергии и даже приводил к помутнениям рассудков у злоупотребивших чародеев. Большинство чародеев не подозревали при этом о множестве способностей своих хранителей.

Фамильяры появлялись в виде воронов, орлов, крыс, кошек, сов и филинов, собак, лягушек, змей, ящериц, хорьков и очень редко – пауков. Так редко, что многие и не верили, что бывают фамильяры пауки.

Суви призвала своего фамильяра и сморщилась от резкой боли в руке. Боль была такой сильной, что призыв не удался. Инна с пониманием посмотрела на подругу.

На руках Лауры уже оказался фамильяр. Это была небольшая лягушка по имени Ирис. Вместо заклинания, Лаура что-то прошептала Ирис, и она исчезла.

Вскоре Ирис явилась с маленьким свертком в лапке.

Лаура взяла из свертка пару таблеток и отправила их на столы Инны и Прии.

– Что это? – Тихо спросили Инна и Суви. Суви они показались смутно знакомыми.

– Мои таблетки. Просто выпейте.

Как только девочки выпили таблетки, то ощутили, как силы приходят к ним. Руки уже не так болели и живот не ныл. Да и в царство цвергов не сильно хотелось. Давид недоверчиво покосился на них.

– Откуда ты их взяла?

– Это мои...

– Такие таблетки пропали из лазарета. Их дают спортсменам после серьезных травм...

– Я знаю, раздраженно перебила его Лаура, я сама, думаешь, кто?

– Их не выдают нам вне лазарета. – Строго напомнил Давид.

Лаура пожала плечами.

– Ты слишком много общаешься с Прией...

Суви снова вызвала фамильяра. В этот раз рука лишь слегка отдала болью. Перед Суви появился фамильяр в виде черной кошки по имени Тару. У Тару, как и у всех фамильяров, глаза напоминали белое серебро.

Вокруг Инны тут же закружился юркий хорек, перед Давидом сидел величественный орел, Иоланда призвала собаку, а Прия, самодовольно приподняв подбородок, призвала тарантула.

В первый раз призвав его, Прия не убирала паука целый день, безумно гордясь редчайшим фамильяром, от чего потом следующий день провела в лазарете. Она не могла шевелить руками и стоять без опоры. Но оно того стоило.

Магия, проходя через пространство в фамильяра, усиливалась в чародеях. Чем сильнее было заклятие, тем ярче горели глаза фамильяра.

Профессор Селланд отстраненно рассматривал своих учеников. Но в его взгляде скрылись забота и нежность. Дети

направились ему. С ними всегда было комфортно и уютно, что слабо можно было сказать о его дочерях.

Перед занятиями и после них Сигве всегда раздавал детям леденцы. Он утверждал, что они успокаивают и заставляют голову сосредотачиваться на реальности.

Пока ученики старательно описывали минералы, профессор рассматривал их. Его взгляд остановился на дочери и ее друзьях.

Суви оторвала взгляд от кристаллов кальцита, и посмотрела на профессора. Лаура, сидевшая рядом с ней, старательно не смотрела на него. Сигве поймал ее взгляд и мягко улыбнулся. В его глазах читались понимание и сочувствие.

– Когда мы уже пойдем в горы? – Спросила Иоланда. – Все пишем и пишем.

– Горы. – С нежностью сказал Сигве. – Ну хоть в следующий раз. Если хотите.

Ученики радостно заговорили друг с другом. Суви и Инна переглянулись, в их взгляде читались испуг и желание.

Позже Прия и Давид отправились на выбранный ими урок магического права, а Лаура с Суви и Инной на целительство. Вела целительство преподавательница травологии Ванда Ланская. Это была невысокая миловидная женщина с волнистыми каштановыми волосами, карими глазами и мягкой улыбкой, от которой на щеках появлялись ямочки.

– Я очень рада, что вы выбрали именно этот курс. Мы бу-

дем изучать не только углубленно лечебные травы и грибы, но также болезни, оказание первой помощи: обычной и магической, и базовые знания анатомии. Иногда к нам будет приходить наша целительница. Так же мы изучим оказание помощи магическим существам.

Закончив с вводной частью, Ванда Ланская приступила к лекции.

– Это куда интереснее магического права, – заметила Инна.

– Точно, – Суви перевела взгляд на сидевшего позади Адама, – интересно, Яцек больше не лез к нему?

– Ты про новенького? – Инна бросила быстрый взгляд на Адама, – Давид сказал, Яцек бояться подойти к нему, обходит на метр, ты его запугала, – усмехнулась Инна.

– В этом нет ничего хорошего. – Заметила Лаура.

После занятия они встретились с Давидом и Прией.

– Вы знаете, кто вел урок? – задыхаясь от слов, спросил Давид и сам ответил, – профессор Вальден!

– Оу, – присвистнула Инна, – не нашел замену профессору Бьйорк или решил вспомнить старое? Или сам ее уволил...

– Не говори глупости, – шикнула на нее Прия.

– Я его раз пять за все время видел, и то мельком, – добавил Давид, – Прия – один.

Суви буднично сообщила:

– Он к нам заходил раза два, повидать тетю Фриду, вроде...

Друзья с завистью посмотрели на Суви.

– Рядом с ним постоянно фамильяр, это же сколько нужно иметь силы! – Прия вздохнула, мечтательно закрыв глаза. Она представляла, как постоянно призывает тарантула.

– А ты проживи столько веков, все получится. – Подмигнула ей Инна.

Суви взглянула на окна кабинета директора, где сидел огромный черный ворон. Говорили, что Винцент Вальден живет так долго, пользуясь Эликсиром Бессмертия, который он и изобрел, другие верили, что Винцент овладел магией ши.

Ведьмы колдовали, забирая магию из пространства. Но магия ши была другой. Магия стремительно неслась по телам древнего народа. Магия первобытная и таинственная.

В движении крыльев птиц, в их полете, в росинке на листьях, в завывании волка, в лунном свете, отраженном в воде, во всем в этом мире была суть магии. Ши умели понимать эту суть, разговаривать с ней, ведь являлись ее частью.

Им не нужны были руки. Ши хватало лишь мысли, и задуманное становилось явью. Именно от ши (что они отрицали), чародеи получили способности, обычными были иллюзии, которые достались Инне, Давиду и Иоланде, зоолигвизм, мимикрия, манипуляция предметами, копирование силы другого чародея.

Очень редкими считались способности изменять форму на животную, провидение, сила элементов: земля, вода, воздух, огонь, растения.

Но была еще способность, о которой все забыли, и великие алхимики пытались ее достичь. И за последние три тысячи лет родился только один чародей, обладающий ей.

– Фрида же говорила, что профессор Вальден владеет магией Ши, – вслух сказала Суви.

– К чему ты? – Настороженно спросила Прия.

– Да-а так... просто факт, – задумчиво ответила Суви. Она была уверена, что ворон смотрел прямо на нее и слышал все, что ведьма говорила.

Друзья пошли ужинать. Давида тут же окружили люди, сбивая его и пытаясь наперебой с ним поговорить. Но Давид без всякого интереса говорил с ними, пока не заметил в дальнем углу своего соседа – Адама. Адам сидел один, лениво накалывая куски еды на вилку. Если бы Адама спросили, какая на вкус еда и что он ест, он не смог бы дать ответа.

– Я его редко вижу, – заметил Давид, – он все приходит, когда я ложусь спать и уходит до восхода солнца.

Адам дернулся, потом замер и взглянул на Давида в упор. По спине Давида пробежал холод. Как же давно он не вид такой взгляд: загнанный, испуганный, готовый вступить в бой зверь смотрел на него через пелену серых глаз. Таких Давид видел только в детстве.

– Не обращай ты на него внимания, – посоветовала Прия.

Давид не мог. Адам прекрасно слышал его и Давид, не зная, что правильнее сказать, просто молчал.

Видя, как Давид отходит от своих подруг, все ученики начали звать его к себе, предлагая свободное место или сталкивая друг друга. Но все они встревоженно замолчали, как только Давид остановился у столика Адама и сел рядом с ним.

Адам искоса посмотрел на Давида.

– Мне не нужна твоя жалость. Хочешь вызвать у людей еще больше восхищения своим благородным поступком? Пожалел отброса общества? Молодец, снизошел до оборотня!

– Думай, как хочешь.

– Теперь я не могу встать и уйти: буду выглядеть еще хуже, раз не принял твое великое внимание.

Давид не сводил спокойный взгляд с Адама, приветливо ему улыбаясь.

– Почему ты так думаешь обо мне?

– Как я могу плохо думать о тебе? – Адам оскалился, обнажая клыки. Давид мягко улыбался. – Я... я оборотень... ты в курсе?

– Раз ты так говоришь, – пожал плечами Давид.

Давид сделала заказ, и перед ним появился суп из луковиц лилий.

На Адама и Давида смотрели не только его подруги: все ученики не сводили с них глаз. Они шептались о том, какой храбрый и красивый поступок совершил Давид Олсон.

Адам опустил голову и крепко сжал вилку. Как бы он хотел не слышать.

Глава 4. Я изнемог и жажду забываю

Середина сентября щедро одарила остров Туле дождем. Разъяренный ветер бежал между деревьями, напоминая шум оживленного города. Ветер бушевал так сильно, что ученики не выходили из Академии. А лесные и горные жители не покидали убежищ.

Разместившись на полу у своей кровати, Инна варила зелье. Она сосредоточенно отмеряла ягоды рябины и каждую поочередно опускала в зеленую жидкость. Аккуратно Инна растерла корень таро и кинула в небольшой котел. Прия сидела на самом краю кровати Инны, непрерывно следя за руками подруги.

Инна взглянула в покрасневшие глаза Прии и вздохнула.

– Это даст тебе энергию, но ты ведь понимаешь, искусственно ее даже магия надолго не восстановит? Поспи.

– Когда ты серьезная, ты меня пугаешь. – Прия поправила идеально сидевшие очки, – Два года осталось, Иоланда догоняет меня. Я должна быть лучшей, сделать все идеально, ты же знаешь! И теперь Суви...

Инна лишь покачала головой. Потом она перелила вязкую серебристую жидкость в несколько флаконов.

– Некоторые ингредиенты трудно найти, лучше сохранить, – пробормотала Инна.

Прия поманила к себе горячий флакон. Не обращая внимания на боль, она залпом выпила жидкость. На вкус зелье

было кисло-сладкое.

– Можно и мне? – спросила Суви.

Инна поставила другую склянку на тумбочку у кровати Суви, окинула подругу оценивающим взглядом.

– Как думаешь, если Прия узнает, откуда ты берешь часть ингредиентов, она убьет тебя или продолжит это пить? – спросила Суви.

– Она догадывается, умная девочка, – подмигнула Инна, – но старается не думать об этом.

Инна и Суви одновременно посмотрели на Прию, снова призвавшую фамильяра. Тарантул по имени Пушпа ползала по ее руке.

– Ты не устала? – с нежностью спросила Прия у Пушпы, – попробуем снова. В ответ глаза фамильяра засветились ярким белым светом.

– Мы уже три часа работаем... но давай, ведьма, продолжим, – выдохнула Пушпа.

Описать голос фамильяра в голове его чародея было очень сложно. Но если отдаленно, то это похоже на самый родной звук, дающий ощущение тепла и спокойствия. Иногда чародеи призывали фамильяров только лишь для того, чтобы поговорить с ними.

Когда Инна уснула, Суви выпила немного зелья. По ее венам заструилась энергия: Суви вдруг поняла, что может пойти куда угодно, переделать все задания и личные дела, при этом, не подумав присесть или закрыть глаза.

Прия не заметила, как подруга покинула комнату.

– Лютик, господин, – тихо позвала Суви, оказавшись на лестничном пролете.

Рядом с ней появился домовой в красном ночном кафтане. Его руки были переполнены всякими вещам: старыми тетрадями, сломанными инструментами и уже ненужным хламом.

– Вы представляете, сударыня, это хотят выбросить! Как же можно так? Вот чародеи развелись! Любая вещь может пригодиться, никогда не знаешь! Я показывал вам свою лекцию совершенно зря выкинутых чашек? А между прочим, когда сударь Винцент открыл остров простым людям, спасая от страшной человеческой войны, мои вещи всем помогли, без них как бы выживали? – гордо произнес Лютик, сверкая острыми зубами.

– Вы настоящий герой, – мягко улыбнулась Суви.

Домовой покрылся сильным румянцем.

– Ох-ох, сударыня, я так рад, что хоть кто-то понимает меня. А то, что это за домовой такой? Теперь все смаются, а раньше ценили. А почему вы не спите? Случилось что? Пряник с рапой не понравился? Вчера такая чудесная погода была, я гулял... А пряник что?

Суви наклонилась к Лютику и прошептала:

– Что вы, хозяин, он очень вкусный. Просто мне нужно в библиотеку.

– Плохо это, так... на ночь закрыто! Всем нужно спать,

сударыня.

– Прошу, отведите меня, господин, мне больше никто не поможет. Вы ведь не допустите, чтобы я ломала замок? – невинно улыбнулась Суви.

Лютик пуще покрылся румянцем и взял Суви за руку. Ведьма закрыла глаза и тут же оказалась в библиотеке.

– Спасибо, господин.

Суви создала небольшие огоньки вокруг себя.

В темноте, окруженная огоньками, Суви шла вперед. И скорее не шла, а прыгала. Она направила один из огоньков к дощечкам с названиями секции. Суви не знала, что конкретно ищет, но профессор Дюбуа однажды вскользь упоминал о секциях, в которые проходят лишь учителя.

Суви направила на стену руку и произнесла заклинание, открывающее скрытое. Но ничего не произошло, и не образовались проходы и двери.

– Наивно, – прошептала Суви.

Она искала книги древнего народа. Ши жили испокон веков на Земле. Долгие века ши, природные духи и существа были теми, кто мог управлять магией. Но ши были искусны в магии больше других.

Ши начали прятать свои книги и знания, ревностно защищая их от людей. От людей, которые познали магию и стали чародеями. Ши считали чародеев ворами и предателями природы. И все же боялись их.

Заслужить благосклонность ши считалось лучшей награ-

дой. Но уходя все дальше в леса, пряча секреты, ши неуклонно превращались в миф.

Пара книг с грохотом упала в районе окна.

Суви вздрогнула и, вытянув руку, направила на источник шума огоньки. Адам закрыл глаза и сделал шаг назад. Он почувствовал режущий жар огоньков у век. Ноги Адама обвил плющ, прорвавшийся через открытое окно.

– Убить меня хочешь? – Прорычал Адам.

Суви отозвала огоньки, но оставила плющ.

– Что ты тут делаешь? – Насторожилась Суви, поглядывая по сторонам.

– Тоже, что и ты – нарушаю правила.

Плющ сжался на ноге Адама. Адам принялся его распутывать.

Суви подошла к Адаму и подняла книги, которые он уронил. Она поняла, что от оборотня пахнет не только фиалками, но и древесным запахом, лесным, точно покрытым мхом. Она заметила его острые когти и красные от бессонных ночей глаза.

Суви уже видела оборотня, практически потерявшего человеческие черты, обезумевшего. Магия клубами вилась у рук, с болью проникая в чародея. Он был у них дома. У них с мамой... Маленькая Суви думала, что это сон. Суви ощутила во рту горечь.

– Не бойся меня, я не кусаюсь, – слабо улыбнулся Адам, обнажая клыки. – Ты ведь уже видела обращение? Мама ска-

зала...

– Я. Не. Боюсь. Обратней. – Перебила его Суви.

– Точно?

Суви рассмеялась. Адам с подозрением покоился на нее.

– Леденцов с лепестками ромашки хочется, – сообщила

Суви.

Адам только хмыкнул в ответ.

Суви посмотрела на книги. На обложке первой, изрядно потрепанной книги, был изображен белый анемон. Надпись на книге была сделана на языке ши, но зачарованный остров Туле переводил не только языки людей, но и всех существ. Суви легко прочитала название «Яды и лечение». Вторая книга была более потрепанной и исцарапанной. В книге подробно рассказывалось о вреде обратней и о том, как от них нужно избавляться.

– Где ты это нашел? – С недоверием спросила Суви.

– В зачарованной секции, куда пускают только учителей.

Я от мамы узнал. – Гордо признался Адам.

– Тебя не наказали?

Адам пожал плечами и фыркнул.

– Профессор Вальден знает, его ворон следит за мной.

Теперь фыркнула Суви.

– С чего ему? И вообще, у профессора Дюбуа тоже ворон...

– Я знаю, что это его ворон, – резко сказал Адам.

– Проведешь меня?

– С чего это? Ты на меня напала, а я должен тебе помогать?

– Я тебя спасала недавно, помнишь?

Адам дернулся. Он резко выдернул книги из рук Суви и прорычал:

– Пойдем.

Зачарованная секция находилась за дверью в самом конце библиотеки. Дверь выглядела старой и покинутой. Суви недоверчиво покосилась на Адама. Оборотень положил руку на дверь, что-то неразборчиво прошептал, и дверь засветилась.

Суви и Адам вошли внутрь зачарованной секции. Там были книги ши, опасные книги алхимиков, некромантов и жрецов. Мрачная, жуткая история темной магии граничила со сказочными, древними поверьями ши и кропотливым, обделенным вниманием искусством чародеев-ученых.

Суви заметила книгу Сальвии Бамбер «О таинственных, чудовищных людей-волках, и как их изобрести. Справочник». Если бы Суви знала, сколько раз ее мама перечитывала книги Бамбер, в надежде отыскать в них зацепки, найти ответ. Дальше, чем Сальвия, никто из алхимиков не продвинулся в изучении оборотней, но создание их и тогда было под запретом.

Там же она заметила книгу Белладонны Адельхейд о редких зельях. Она была уверена, Инна захочет ее почитать и не задаст лишних вопросов.

Незаметно для Адама взяв пару книг про оборотней, Суви подошла к полкам с книгами ши. От их разнообразия захватывало дух.

– Зачем ты здесь? – Снова спросила Суви. – Зачем тебе эти книги?

– Почему бы просто не получить новые знания? – Спросил в ответ Адам.

– Если они тебе не пригодятся, Адам, то это бессмысленная трата времени. В мире и так много дел.

– А я хочу. Ши были умными...

– Ши ненавидели оборотней.

– Если старые создания не хотели, чтобы я получил знания, не значит, что я не смогу их найти. А тебе что тут нужно, Суви из рода Адельхейд?

– Я хочу изучить свою способность, стать сильнее. – Суви искоса посмотрела на Адама. Он был уставшим и разбитым, потерянным в слабом свете огоньков, но все же красивым. Он стоял в футболке, не прикрывшей шрамы, которые сам нанес себе во время приступов. Суви машинально потянулась, чтобы дотронуться до них, ни резко убрала руку и отвела взгляд, став точно под цвет своих волос.

– Стать сильнее, – сказал Адам. – Как странно. Ты же из великого рода, с редкой способностью. Тебе это даже не должно быть нужно. Вы можете хоть валяться целыми днями на диване и останетесь великим.

Суви подмигнула Адаму.

– Великий род требует жертв. Это ответственность, а не блажь. И раньше я этого не понимала... я не хотела думать, что будет дальше, куда я иду, зачем. Но когда маму похоронили... – ее голос дрогнул, услышав это, Суви срочно рассмеялась. – Вот и решила.

Адам опустился на пол, облокотившись спиной на один из стеллажей.

– Я тоже хочу стать сильнее. Я хочу победить волка внутри меня, обуздать его. Вырвать магию из его цепких лап. Это не так благородно.

Суви улыбнулась ему и сказала:

– Ты ошибешься.

Суви увидела, как губы Адама дернулись в попытке улыбнуться. В ее душе зародилось тепло. Адам, пусть и осторожно, улыбался ей, и ему так это шло, что даже огоньки засветились ярче.

Книга, которую выбрала Суви, предназначалась тем редким чародеям, в которых проснулась способность управлять элементом стихии. Цель этой книги была проста – защитить мир от неконтролируемых чародеев, в руки которых попало опасное оружие. Древняя магия шла изнутри, питала саму землю, и чародеям, привыкшим брать магию из пространства, трудно было ее понимать.

В комнату Суви вернулась через час. Прия, погруженная в свои тренировки, не заметила ее возвращения. Суви прочитала несколько глав, но пока не обнаружила ничего, что не

рассказывал ей Гаспар Дюбуа.

– Когда я подростком колдовал, сразу обрастал шерстью или выпускал когти, клыки. Наша редкая сила – дар, который давно получили предки. Всего процента три, а то и один, рождаются с редкой силой. Как ты поняла, нам трудно контролировать ее, – раздался в памяти голос профессора Дюбуа. – хотела бы простую силу? Я всегда хотел парить, изменять цвет волос и форму носа, что попроще. А ты, Суви Адельхейд?

Суви тогда так и не нашла ответ.

– Интересно, прорицатели, колдуя, получают ведения? – озвучила мысли Суви.

Тут Прия отвлеклась. Она медленно повернулась к Суви.

– Непонятные обрывки? – предположила Прия.

– Все лучше, так хоть никто и ничто не страдает!

Утром Инна нашла у кровати книгу и долго не могла сказать хоть слова.

– Она же легенда, боже! Какие зелья варила твоя Белладонна, ох, жаль давно умерла, – Инна упала на кровать.

– Не знаю, какой она была, – заметила Суви, – но ты бы ей понравилась.

Пятницу Суви планировала провести в оранжерее. Зайдя в нее, она услышала спор профессоров Ланской и Блэр.

– Не страшно, растения стойкие, они выдержат!

– Мне все равно на твои растения, но уничтожить альрау-

нов нельзя! Они древнее нас всех! Рядом с ними профессор Вальден всего лишь ребенок!

Суви еще не видела альраунов вживую, но и без своих знаний легко могла их узнать: это коричневые существа без шеи и с длинными, тонкими конечностями, слегка святающиеся изнутри легким светом, живущие в земле рядом с корнями. Мелкие проказники, любящие кусать ведьм за пальцы. Размером примерно десять сантиметров. От корней их отличают маленькие золотые глазки. Альраунов трудно вывести, они любят возвращаться.

– Давай по-старому выкурим их вербеной? А если к зиме вернуться, то найдем способ избавиться от вредителей навсегда. – Мягко предложила профессор Ланская.

Джасмин окинула коллегу грозным взглядом и призвала фамильяра, он грозно расправил свои орлиные крылья. Ванда округлила глаза и поджала губы. На ее плече появилась белая сова.

– Ты точно этого хочешь?

Джасмин фыркнула и выдавила из себя:

– Это разобьет Гасу сердце.

Суви встретилась взглядом с альрауном. Он повернул свою искаженную мордочку, похожую на искривленный корень, усыпанную трещинами и нарывами, и заулыбался. Суви поморщилась.

Под конец дня Прию и Суви ждал обязательный отбор в

команду по стрельбе. Даже лучшие ученики строго должны были пройти отбор. Это не касалось лишь капитана команды – Давида.

Вела занятия профессор Кираз. У нее были короткие кудрявые волосы темно-коричневого цвета и серо-зеленые усталые глаза.

Мюге Кираз преподавал в Академии пятый год. Всю жизнь занимаясь спортом и не думая о преподавании, она и не предполагала, что однажды сам профессор Вальден придет к ней с просьбой. Собираясь остаться на пару месяцев, Мюге осталась на пять лет.

К сотне собственных наград она добавила награды своих учеников.

Когда профессор Кираз назвала имя Прии, та гордо подошла к Давиду и встала возле него. Медленно она достала стрелу и натянула тетиву. Ее руки не дрожали. Она лишь слегка улыбнулась Давиду и разжала пальцы. Первые две стрелы точно попали в цель. Хаотично кружащиеся цели вдруг остановились, пронзенные в сердце.

Когда Давид смотрел, как Прия стреляет, нежность растекалась по его телу.

Перед последним выстрелом Прия взглянула на Ритву, учившуюся на курс младше. Ритва Канерва объясняла отстающим первокурсникам, как держать лук, поднимать руку и прицеливаться.

– Что она о себе возомнила? – фыркнула Прия.

– Забудь о ней, – шепнул Давид.

– Она в команде?

Давид замялся с ответом, но утвердительно кивнул.

– Хатри, все в порядке? – раздался голос Мюге Кираз.

Вместо ответа Прия натянула тетиву. Она взглянула на быстро движущуюся цель холодным, охотничьим взглядом. Ведьма резко отпустила стрелу и попала в маленькую светящуюся точку в центре, под вой оваций.

Следующей была Суви. Глубоко вздохнув, она отпустила тетиву, и попала все три раза в середину мишени. Команда заплодировала ей, но Суви лишь опустила взгляд в пол.

Суви посмотрела на кубки – на двух из них красовались имена Астрид и Матильды Адельхейд. Были так же и кубки других родственников. Там было и имя Суви за прошлый год. Но на него она, безуспешно, старалась не смотреть.

Лаура сидела на краю бассейна, опустив ноги в прохладную воду. Сколько бы она отдала, чтобы редкая способность управлять водой досталась ей. Но ее способность была другой. И не то, чтобы Лаура была против, но как бы хотелось ощущать руками суть воды.

Рядом с Лаурой села девушка младше на курс. Лаура улыбнулась ей.

– Сегодня же нет занятий. Профессор Кираз с нами завтра, – напомнила Азалия Репина.

– Ты тоже сюда пришла, – заметила Лаура. Вода нежно

обнимала ее ноги.

Азалия рассмеялась. В ее болотных глазах отражалась гладь воды.

– Может, раз мы тут, поплаваем? – Предложила Азалия.

Лаура аккуратно спустилась в воду. Она оттолкнулась и поплыла. Плавать просто так, без тикающего времени и гула чужих голосов, наслаждаясь лишь мягкостью воды – вот истинное блаженство.

Выйдя из бассейна, Лаура наткнулась на Адама и профессора Хьюз.

Ее черные волосы были уложены красивыми локонами, а глаза, такие же, как у Адама, блестели дождливой серостью. Она шла, плывя словно призрак. Подол ее платья еле касался земли. Каждое движение было наполнено грацией и изяществом.

Профессор Уэни Хьюз вела искусство, которое ученики посещали первые три курса. Так же профессор Хьюз преподавала магический этикет. К третьему курсу ученики Академии хорошо знали, как вести себя в доме чародея, в доме простого человека, с ши, цвергами и другими древними духами, в чем состоит разница. И как буквально не потерять голову, если придется идти на собрание Совета, и даже к самой Великой Чародейке.

Уэни Хьюз давно хотела перевести сына на свою работу и вот, теперь он был здесь. Профессор Вальден смог убедить совет попечителей, что для Адама может быть место среди

простых чародеев.

– Я не хочу, – кричал Адам.

Уэни Хьюз с недоумением смотрела на сына. Ее мягкий голос звучал слишком спокойно.

– Это же профессор Вальден, он... – Уэни осеклась, увидев ученицу, и взяв Адама за руку, ускорила шаг.

Адам опустил взгляд. Лаура задумчиво смотрела им вслед.

После тренировки Суви, оставшаяся в команде, решила почитать новую книгу. Она открыла страницу и ощутила запах лаванды и полыни. Сладко-горькая смесь окутала ее.

Адам нашел Суви в одной из дальних беседок. Суви внимательно вчитывалась в книгу. Небо и пожелтевший лес вокруг нее и Адама казался грязно-серым и легким, переполненным приближающимся дождем, но при этом ярким и притягательным. Точно мягкими мазками природу написал Левитан.

– Говорят, предки современных ши могли превращаться в ветер, воду и горные камни. – Суви отложила книгу, и устало улыбнулась Адаму, – и чем нам эти выдумки помогут?

– А что еще там написано? – Адам сел рядом, внимательно смотря на Суви, изучая волчьим взглядом ее лицо.

Он верил, что если эта книга попала к Суви, то она должна чему-то ее научить. Но Суви бы поспорила с ним.

– Что нужно научиться разговаривать с ветром, землей,

огнем и водой. Мне с землей, цветами. – Суви прожгла взглядом опавшие листья и усмехнулась, – я с ними целый день разговариваю.

Адам задумался, поднял лист и положил его в руку Суви. Суви чувствовала увядающее тепло листка. Но ни листок, ни его тепло ни о чем ей не говорили.

– Ты чувствуешь зерна, воду, бегущую по корням. Разве это не часть языка земли? – Сказал Адам.

Суви видела в его сосредоточенных глазах неуверенность. И все же решила поверить ему.

Суви вышла из беседки и босиком встала на холодные листья. Она чувствовала, как под ними дышит земля, стараясь сосредоточиться на этом дыхании. Суви шла и там, где она ступала, вырастали цветы полыни.

Лишь мыслями Суви спрашивала все подряд у цветов, травы и деревьев, но они отвечали ей шелестом листьев, скрипом веток и пронизывающим кости ветром.

Суви стало так холодно, что она попросила о тепле, и трава под ее ногами, коснувшись Суви, дала тепло. И тогда Суви поняла. Она ждала слов, сказочных речей от ясеня и солнца, от осеннего ветра и садовых цветов, но мир говорил на другом языке, без слов и букв.

Ши понимали этот язык, они слышали в скрипе веток, падении камней и журчании ручья ответы на все свои вопросы.

В Суви была частичка их магии. И сейчас эта частичка забила в ней, запылила в груди.

Суви ощутила, как корни, сплетаясь в одну систему по всему острову, бегут лишь к одному дереву, как умирают и зарождаются цветы, как траву у ручья омывает холодная вода, на ветку садиться стриж, а цветы рядом поедают олени.

Остров жил вокруг нее, дышал и говорил с Суви. Остров Туле говорил, как он прекрасен и огромен, и как невозможно мал.

Суви легко поняла по языку травы, что к ней мягко подходит Адам. Адам слегка коснулся ее руки. В его серых глазах отражалось закатное небо.

– Получается? – настороженно спросил Адам.

– Я не смогу, как ши, колдовать без рук, – ответила на это Суви, – но я поняла, что делают ши.

Адам радостно улыбнулся. Суви сосредоточенно смотрела вглубь себя. И чем больше она это делала, тем сильнее остров Туле пускал корни внутри нее.

Трава поползла по ногам Суви, окутывая ее жаром. Суви услышала пульсирующий набат сердец дриад, животных и лешего, и ее сердце безумно забилося им в такт.

Волосы на руках Адама стали дыбом. Он резко сжал запястье Суви и потянул ее на себя. Суви оторвалась от земли, и трава с печалью отпустила ее. Тепло ушло, оставляя внутри ведьмы пустоту.

Холод пришел на смену тепла. Суви задрожала, пряча лицо в поцарапанное плечо Адама. Но оборотень был теплым, и вскоре Суви смогла согреться. Лишь тогда Адам отпустил

ее.

– Как ты? – спросил Адам, отведя Суви обратно в беседку.

Суви пристально разглядывала растущий у беседки старый ясень, точно он был виноват во всем.

– Может ши и правы, не раскрывая чародеям свои секреты, – после долгого молчания сказала Суви, – но я видела сердце острова. – Глаза Суви загорелись жадным восторгом.

– Я бы тоже хотел его увидеть. – Сказал Адам.

Вернувшись в свою комнату, Адам сразу же лег на кровать, закрыв уставшие глаза. Он думал об умиротворенном лице Суви, ноги которой жадно оплетала трава, вплетаясь в кожу. А потом прошептал:

– Может, и мне поговорить с волком внутри меня?

Давид не спал, удивленно окинув соседа взглядом. Но спрашивать не стал, лишь понадеялся, что это не приведет к плохим последствиям.

Адам зажмурился, вслушиваясь в стук своего сердца. Но как бы он ни вопрошал, сердце билось в безмолвной пустоте.

Профессор Ланская считала сбор трав лучшим способ очистить мысли, освободить их, отдавая на суд пряному запаху трав.

Занятия начинались рано, как только первые лучи касались промерзшей земли. Когда нужно было собирать травы, и не было дождя, то шли сразу все ученики одного курса. Профессор не пускала детей в лес сразу, напоминая им, что

в лесу они всего лишь гости, что нужно почтительно относиться и к духам леса, и к животным, и к самим деревьям и растениям.

Ученики разбрелись по лесу и опушкам группами, сонные, но наполненные покоем, который дарил им лес.

Иногда дриады выходили к чародеям, разговаривали с ними и подсказывали, где растет трава получше. Профессор не одобряла это.

Она ходила по тропинкам, наблюдая, чтобы ученики не рвали слишком много травы, правильно собирали пучки и не приносили сушиться плохие травы и цветы. И, конечно же, на месте записывали и зарисовывали цветы.

Хотя профессор и была спокойна, но очень громко кричала, пугая местных оленей, если кто-то срезал неправильно цветы, использовал не тот нож или еще до сушки обрезал только листья или цветок без стебля там, где нужно было поступить наоборот.

Суви не просто собирала цветы, она наклонялась к каждому и просила молча, своим сердцем, готова ли трава. И трава отвечала ей. Пускай Суви и двигалась медленнее всех, но ее сборы всегда были самыми качественными и лучше всего просыхали после.

Глава 5. У белой розы – цвет твоей щеки

Декабрь выдался мягким. Ученики часто проводили время на улице, а потом отогревались в теплых гостиных. В

преддверии каникул мало кто хотел учиться, и профессора это понимали. Профессор Дюбуа ничего не задавал, а на один из уроков даже привел медиума.

Медиумы являлись бывшими чародеями. Такое происходило редко, но магия потенциально очень сильных чародеев, если те могли умереть при родах, спасала их. Такие дети переставали быть чародеями, но становились медиумами – людьми, способными входить в связь с миром душ, пересекать грань. И даже управлять ими.

Чародеи ценили и уважали медиумов. И многие школы, как и Академия острова Туле, представляли им специальные курсы. Одной из выпускниц таких курсов стала Линнея Рис.

– Есть имена в истории, которые мы вспоминаем в горячих беседах. Мы знаем о них не много, и все же, любим поговорить. Я хотел познакомить вас с одной из самых загадочных и сомнительных Верховных Чародеек – Асусеной Ортега. Говорят, она входила в Орден Первых Ведьм и организовала множество походов, а также искусно владела черной магией и учувствовала в инквизиции. Возможно, это и домыслы.

– Мои предки входили в этот орден, – сообщила Суви, сидевшей рядом Прии.

– Я знаю.

– И мои, – подмигнула им Инна.

Раньше Суви не могла понять, почему Прия с ней дружит.

Из-за знатного рода и великой тети? Ведь именно это заставило Прию навестить приехавшую в их город ведьмочку. Подружиться. Но, особенно, после похорон матери, Суви была уверена, что Прия дружит с ней искренне. Даже если весь род откажется от Суви Адельхейд, Прия будет рядом.

Линнея зажгла свечи. Вокруг ее пальцев задрожал воздух. Линнея опустила ладони в емкость с холодной водой. В воде загорелись белые огоньки. Точно Линнея молилась, но так не молятся земным богам. Подул холодный ветер. Линнея слегка подалась вперед, начав раскачиваться. Ученики взволнованно следили за ней. Еще никто не видел, как работает медиум.

Конечно, это был фокус, и все можно было сделать проще, но Линнея знала, как хотелось чародеям верить в красочность и необычность призыва духов. Этим они не отличались от простых людей.

Мысленно, не говоря ни слова, Линнея звала Асусену. Двигая пальцами в воде, как искусный пианист, Линнея искала ее душу. Линнея высунула руку и нарисовала дорожку от емкости с водой до полукруга со свечами. Дорожка засветилась.

Мерцание превратилось в прозрачную, почти живую Асусену. Вот ее горящие черные глаза, тронутые белым сиянием, пышные коричневые волосы и оливковая кожа, но все это было бледным. Асусена чуть улыбнулась, окинув строгим взглядом Инну.

По спине Инны прошел холодный ветер. Но юная Ортега гордо улыбнулась ей в ответ.

Ученики затаили дыхание.

– Добро пожаловать, Асусена Ортега, благодарю, что откликнулась на мой зов. – Властно сказала Линнея. – Я прошу тебя рассказать о создании Ордена Первых Ведьм. Поведай нам свои тайны.

Асусена чуть задумалась. Окинула взглядом присутствующих, остановившись на профессоре Дюбуа, улыбнулась ему, и, как многим показалось, подмигнула.

– Ох, это я с радостью! Так странно, при жизни меня не хотели слушать... Это было жаркое лето. Я не стала Верховной Чародейкой и очень расстроилась. И все этот Фрейр Адельхейд, о да! Этот лжец украл все мои голоса! «Не унывай, просто потрудишься еще» – сказала мне мама. И тут я решила, что трудиться на благо карьеры лучше всего в ордене. Самая обычная ситуация. А вот потом... потом мы пошли в горы, чтобы найти и спасти флорентийских драконов...

Медленно урок начал подходить к концу. Асусена была готова говорить вечно, но настала пора заканчивать. Линнее Рисс пришлось пообещать бывшей ведьме еще раз призвать ее, чтобы поговорить.

Все это время Суви думала об Астрид. Как было бы замечательно вызвать ее, поговорить, спросить обо всем: почему так поступила, почему бросила, как стала оборотнем. Суви бы вытерпела всю боль, лишь бы получить ответ.

После окончания урока дети только и обсуждали призрак Асуены. Кто-то бездумно болтал, словно сама Асусена, а другие не могли проронить ни слова.

Ученики ушли из класса, но Суви подождала Линнею и остановила ее.

– Извините!

– Да?

– Я понимаю, что к вам могут часто обращаться с такой просьбой. Но моя мама умерла. Она считалась несколько лет пропавшей без вести и вот ... – голос Суви дрогнул, – летом нашли ее тело, оно...

– Не стоит, – Линнея слегка погладила Суви по рыжим волосам, – не продолжай. Прости, но я не могу это сделать. Твое сердце еще болит. Не нужно быть медиумом, чтобы понять это.

– Но она... она столько скрывала и...

– И, если она ответит, ты должна выдержать. А сейчас ты сможешь? Мне очень жаль, но недавно умерших родственников вызывать запрещено. Они могут только сами прийти. Обычно поутру.

Суви натянуто улыбнулась.

– Ну и ладно. Все в порядке!

Лишенная надежды, Суви долго бродила по окрестностям замка. Устав, Суви направилась в оранжерею. По дороге она снова и снова перечитывала одну из страниц книги, которую они с Адамом недавно нашли в библиотеке после новой вы-

лазки.

В оранжерее оказалось пусто. Лишь вернувшиеся альрауны сидели на мандрагоре и георгинах, весело болтая длинными ножками. Суви села на скамейку и вздохнула, призвав Тару.

– Не помогает? – зазвучал голос Тару в голове у Суви.

– Это книга о другом, она учит ши колдовать.

Тару скептически покачала головой.

– Это больше, чем розы, плющ и ветки с плодами, – Не отрывая взгляд от книги, Суви направила руку на одного из альраунов. Суви медленно повернула запястье. Ее пальцы задрожали и стали тяжелыми, словно превращаясь в камни. Но Суви продолжила. – Альрауны, это семена зачарованных цветов, которые развились неправильно и стали сорняками, так?

Тару удовлетворительно кивнула.

Тару прыгнула к своей ведьме и сосредоточилась на ней. Суви стало намного легче, дрожь прекратилась. Суви сделала так, как учил профессор Моен, старательно представила, что хочет сделать. Желание загорелось внутри Суви и Тару, вырвавшись из глаз фамильяра белым светом. Суви просила каждую клеточку его тела принять родную форму, взывала к природе маленького существа. Альраун стал покрываться фиолетовыми цветочками. Коричневое тельце побелело.

Суви слышала, как это существо благодарит ее. Слышала где-то внутри своего сердца.

– Для начала очень даже, – Тару взволнованно взглянула на Суви, – убьешь его?

От мысли, что Тару могла такое подумать, Суви чуть не потеряла контроль. Она бросила на фамильяра недовольный взгляд и продолжила.

– Ему не больно, я обращаю процесс.

Мордочка альрауна стала разглаживаться, приобретая приятные черты, лишаясь нарывов и трещин. Золотистые глаза с изумлением смотрели на ведьму. Суви со вздохом уронила руку.

– На всех меня не хватит! Может, пятерых обращу.

– И не нужно, – Тару указала на убегающих альраунов, не понимающих, что происходит, – чувствую, они долго не вернуться.

Суви облокотилась на спинку скамейки. Тару забралась к ней на ноги и начала греть. Тепло фамильяра уняло пульсирующую боль в руке.

– Я не смогла изменить всех.

– Ты справилась. – Поправила ее Тару, мягко боднув лоб, – из всех моих чародеев ты лучшая. Никто бы так не смог.

– Я не решилась использовать только магию ши, – стыдливо сказала Суви.

– Но ведь использовала ее, – напомнила Тару.

Суви погладила Тару по бархатной шерстке. Она не знала, сколько так просидела, пока не услышала шум. Профессор

Ланская стояла рядом с бывшим альрауном и не сводила с него ошарашенный взгляд. У ног профессора валялись инструменты.

Профессор Ланская, не отворачиваясь, спросила:

– Ты знаешь, что произошло?

– Он просто превратился, – пожала плечами Суви.

– А фамильяр тебе зачем? – прищурилась профессор Ланская.

– Практиковала заклинание, – уклончиво ответила Суви и быстро вышла из оранжереи в декабрьский мороз, пока профессор готовилась задать еще один вопрос.

Обрадовавшись новому достижению, Суви побежала в библиотеку, чтобы найти Адама. Но его нигде не было. Тут она услышала разговор его одноклассников:

– Вечно ты все пропускаешь. Профессор Моен попросил вызвать фамильяра, а этот волчонок снова не смог. Понятно, оборотни не достойны таких защитников!

– Куда ему, как только директор принял такого? У нас же элитная Академия!

– Ему больно, видно, что больно, – вмешалась Рамуне. – он старался, а вы так!

Но в ответ раздался только смешок.

– Да ты сама не лучше, разве что колдовать умеешь!

Суви создала плющ, поползший к ногам разговаривавших. Но тут рядом с Суви раздался небольшой хлопок. Записка чуть подгорела, но слова оставались видны.

Суви нашла Адама в пустом кабинете профессора Хьюз.

Суви заметила руки Адама, покрытые не только мелкими шрамами и ссадинами, но и засохшей краской. Адам криво усмехнулся. Он выглядел уставшим и разбитым, от чего показался Суви еще более красивым. В его аристократичных чертах появлялось нечто хрупкое, еле заметное.

– Я частый гость в лазарете. Зелья с трудом варятся, чаще взрываются. Чары хотят разорвать меня изнутри, но взрывают все вокруг.

– Я слышала разговор...

– О том, что я неудачник без фамильяра?

– У всех есть дух-защитник, – мягко напомнила Суви, – раз у тебя есть магия, значит, есть и фамильяр.

– А зачем он нужен, когда его невозможно вызвать? Зачем мне магия, когда мое тело отвергает ее? Даже книги помогают только тебе...

– Просто мы еще не нашли нужных.

Адам поднял голову и протяжно завыл, прорывая когтями поверхность парты. Его вой разносился дикой мелодией по кабинету, выходя за его пределы. Когда Адам прекратил выть, Суви взяла его за руку и молча повела за собой.

Суви и Адам вышли на улицу лес был окутан белым снегом. Снежинки мерно падали на играющих учеников. Все с красными лицами, они бегали по тропинкам, падали в сугробы, перепрыгивали через них, уже и не помня, зачем предки делали это, кидали друг в друга снежки.

Снег и небо сверкали серебристой белизной, казались мягкими и воздушными, словно наполненными легкостью тумана. Как на картинах Сурикова.

Суви привела Адама в загон, где среди виверн и других разрешенных животных жил грифон. Обычно в это время тут работал Давид, он помогал профессору Блэр заботиться о вивернах. Но сегодня он ушел раньше. Гилл тут же подлетел к Суви и уткнулся клювом в ее руку.

– Знакомься, это Гилл, один из удачных экспериментов алхимиков. Лучше Философского Камня и Эликсира Бессмертия.

– Нам его тоже показывали. К чему это?

Суви запустила пальцы в перья Гилла и перешла на шепот:

– Гилл как большой успокаивающий пес. Профессор Блэр говорила, что их используют для терапии в больницах чародеев в Англии.

В доказательство Гилл завилял хвостом.

– И мне можно погладить? Не испугается волка?

Гилл прыгнул на Адама и, прижав к земле, уселся на нем, радостно размахивая крыльями. Суви засмеялась.

– Кажется, ему нравится твоя сущность. Поэтому он очень хочет с тобой поиграть!

Виверны с интересом наблюдали за ними.

Проведя время с Гиллом, Адам заметил, что улыбается, да и дышать легче. С его лица не сходила улыбка, и Суви не смогла сдержать свою. Выходя, Адам и Суви слышали

голоса. Адам резко схватил ее за руку и жестом попросил молчать.

Через окно Суви заметила Винцента Вальдена. Каждый раз Суви удивлялась, точно видела его в первый раз, насколько директор статный и таинственный. Это был высокий мужчина с седыми волосами, завязанными в хвост, и пронзительными темно-кариими глазами. Его высокий лоб покрылся небольшим морщинами. Его одежда напоминала костюм конца девятнадцатого века, пошитый у лучших мастеров королевской семьи. Но на его безымянном пальце блестело скромное обручальное кольцо. Несмотря на старость, кольцо сияло как новое.

Винцент Вальден многое испытал и видел. За свои триста тридцать пять лет он мог сказать, что бывал везде, познал глубины древней магии, дышал ее первоизданной сутью. И даже магия ши смогла покориться ему. Но Винцент скрывал успех своего долголетия. Чародеи гадали – неужели нашел молодильные яблоки? Или изготовил Эликсир Бессмертия? Это не легенды? Раз уж и остров Туле, легендарный и сказочный, нашел, то и яблоки найти мог, и эликсир сварить.

Рядом с директором стоял Парцифаль Реген. Он взволнованно смотрел на своего учителя и близкого друга. Суви магией обострила свой слух. Адаму магия для этого не была нужна.

– Мой дорогой друг, пойми, я решительно задыхаюсь, – Винцент говорил вполголоса, судорожно сжимая пальцы,

точно стараясь ухватиться за ткань бытия и не упасть, – но оставить...

Парцифаль надломлено усмехнулся. Над ними беспокойно кружился фамильяр Винцента.

– Академию? – тихо закончил за него Парцифаль. – Оливия достойно примет должность. А я отправлюсь с тобой, никуда не денусь.

– Я хочу оставить все на тебя. И не изменю решения. Оливия временно назначена на эту должность! – Винцент хотел кричать, но говорил спокойно и сдержанно.

– Снова и снова. Снова. Ты думаешь, я приму власть?

– Какая тут власть, изволь объяснить? – Усмехнулся Винцент.

– Огромная, – Парцифаль поднял голову к небу, – Снова стать серым кардиналом? Конечно, я могу и так, но в качестве директора... я чуть не сорвался с Фридой, а ты не видишь власти! Каждый раз, когда она просит совета... каждый раз, когда мои бывшие-ученики-члены-Совета пишут мне и я... ты в курсе, сколько решений принято по мой указке? – Парцифаль вздрогнул.

– В курсе, право, ты придаешь этому много смысла.

Наступил закат, окутав окружающий мир тревогой. Белый снег и сильные, забытые весной деревья тянулись к серым тучам. Их покрытые снегом ветки окрашивало рыжее солнце в красный, огненно-красный цвет. Будто созданные мазками Клевера.

В свете заката, желавший как можно ближе прижаться к стене, Винцент Вальден схватился дрожащими пальцами за стенку, с трудом сглатывая подступивший ком, но в его широко раскрытых темных глазах горела решимость. Таким друга Парцифаль не часто видел. Но еще будучи просто его учеником, никак не мог представить подобной картины.

– Я не лучше, друг мой, – Винцент замолчал, ожидая хоть какую-то эмоцию на лице Парцифалья, но тот не выдал чувств, – практически триста лет один директор, это много. Верно?

– Не важно, хочешь идти – пожалуйста. Оливия твой заместитель, она справится. Но уйду и я, – Парцифаль криво улыбнулся, – кому же еще ты изольешь душу, старец?

Кому еще решишься ее излить. Всю жизнь одинокий, держащий все в себе. Иногда везет найти такую же одинокую душу, такую похожую. И найти для нее слова.

– Пойми, я...

Не желая больше слушать, Суви схватила Адама за руку и потянула за собой.

Суви и Адам вышли из загона через другой выход, незамеченными. Ближе к Академии Адам не выдержал и заговорил:

– Он не должен уходить, пока не поможет мне. Иначе, зачем он играет со мной? Эти птицы...

Адам утробно зарычал. Его кожа покраснела. Серые глаза приобрели фиолетовые краски. С новым рыком от Ада-

ма отлетели стоявшие рядом вещи и сугробы. Суви так же сдвинуло на несколько шагов.

– Профессор поможет перед тем, как уйти, – будто ничего не случилось, ответила Суви, – если и книги ши не дадут тебе результат, профессор поможет.

Адама пробила дрожь. В его груди клокотала, извиваясь, магия. Он пропускал ее через себя, как и прочие чародеи, но не мог удержать. Магия бились в агонии. Магия проходила через Адама, но не могла найти выход.

Суви застыла. Она смотрела на дрожащего Адама и в голове крутилась одна мысль «мама испытывала то же». Тело Адама привыкло к сути оборотня, но Астрид изначально была простой ведьмой. А суть ведьмы и суть оборотня – яд друг для друга. Адам был приучен к этому яду, но все же был исключением из правил – гибридом чародея и оборотня, пережившего тринадцать и даже пятнадцать лет.

Стало холодать, резко потемнело. В свете фонаря Суви видела упавшего на ноги Адама. Он тяжело дышал. Его лицо слегка вытянулось, принимая животную форму. Пальцы превратились в когтистые лапы, сжавшиеся у груди, словно пытающиеся сдержать, готовое выпрыгнуть, сердце.

Суви подняла голову к небу и вдохнула морозный воздух. Луна не была полной.

– Адам? – Суви нашла в себе силы сделать шаг и взяла Адама за когтистую руку. Его кожа напоминала раскаленный уголь.

Над ними кружился, незамеченный, черный ворон.

Адам посмотрел на Суви фиолетовыми глазами. Ощутил пряный запах сухих трав, успокаивающий, как колыбельная, как легкий шепот у костра.

– С тобой все будет хорошо. Ты родился наполовину оборотнем, это часть твоей природы. – Суви говорила мягко, хотя ее саму начинало трясти от страха, когда она смотрела в бездонные глаза полуоборотня, – поверь мне. Не бойся, Винцент Вальден не бросит тебя. И я не брошу, – чуть слышно закончила Суви.

Темное небо предвещало сильный снегопад. Адама пронзали всполохи боли, но сквозь гул в голове он слышал голос Суви, похожий на легкую мелодию.

Когда сердце перестало бешено биться и голос Суви стал отчетливо слышен, Адам гулко выдохнул остатки тепла. Стыд, липкий и пугающий, прижался к Адаму, словно тень.

Продрогший и измученный, Адам вернулся в комнату. Давид спал. Последние месяцы Давид всегда дожидался возвращения Адама и только тогда, пожелав спокойной ночи, засыпал. Адама всегда это бесило, сейчас же он с ужасом заметил, что очень хочет услышать «спокойно ночи, Адам» теплым, успокаивающим голосом Давида.

В воцарившейся тишине Адам услышал, как мерное биевание сердца чародея превращается в быстрый, неутолимый набат. Давид, не просыпаясь, сжал руками волосы и заплакал. Раскалывающийся в голове, чужой, долетающий эхом из

прошлого крик, слетел с губ Давида протяжным стоном.

Давид кричал. Его прекрасное лицо исказил древний, всепоглощающий ужас.

Адам медленно подошел к Давиду. С каждым шагом разум просил развернуться. Но Адам сел рядом с Давидом и положил руку на его плечо.

– Проснись, – Адам неуверенно потряс Давида.

Когда это не помогло, Адам рыкнул. Давид резко развернулся и открыл глаза. Давид первый раз был без водолазки, и Адам заметил сотню старых, глубоких шрамов, ожогов, синяков на его руках, груди и шее. Увидев, куда он смотрит, Давид потянул одеяло обратно, но Адам остановил его.

– У меня тоже есть такие шрамы, но они меньше, и я сам себе их оставил. Ты можешь не стесняться своих шрамов при мне. – Сказал Адам и добавил, – меня тоже мучают ночные кошмары... – Адам отвел взгляд. – Что тебе снится?

Давид устало улыбнулся, но в глазах его все еще клубились слезы.

– Прошое...

Утром Адам точно оказался в картине Клода Моне. Сорока одиноко сидела на воротах. Солнечные лучи грели только что выпавший снег, скрывший всякие следы. Тонкие, едва уловимые, голубые тени мягко лежали на сугробах. Адам улыбнулся, вдыхая морозный воздух.

Он посмотрел на Давида, спавшего крепким и спокойным

сном. Вот бы, подумал Адам, выйти на улицу и поиграть в снежки. Как в детстве. Он всегда играл с мамой, потому что не было друзей. А теперь... теперь... быть может...

Давид открыл глаза и посмотрел на Адама.

– Пойдем, поиграем в снежки, – предложил Адам, не поворачиваясь к Давиду.

– Конечно, – сонно улыбнулся тот.

– Когда зелье вскипит, нужно вылить туда пять ложек орехового масла, но можно любое масло, это чисто для вкуса. Может, нужно было выбрать плавание? – Спросила Суви, растянувшись на кровати Лауры и крутя в пальцах ракушку, одну из прекрасной коллекции Лауры. Эта ракушка была найдена на прогулке по берегу Туле. От нее шел странный, пленительный свет.

– Ты же любишь стрелять, – сказал Лаура, старательно выписывая слова.

– Конечно, но...

– Ты правильно выбрала, Суви. Я не против твоей компании, я даже очень ее люблю, но поздно что-либо менять. Что должно быть в чистящем зелье?

– Экстракт наперстянки, экстракт корня биллинга, стружка из веток арбитуса, перемолотые семена мальвы – кипятить на медленном огне. Перетереть все с корой дуба, собранной в начале осени. Меня пугает состояние Адама.

– А потом оставить на ночь, вроде так? Адам сильный, он

уже справился и перешагнул рубеж.

– Он злится на профессора Вальдена, и это добавляет ему проблем. Он словно застрял в этом. Нужно оставить получившуюся массу на три часа, в тени. Потом смешать с настоем чертополоха.

Лаура старательно записывала за Суви.

– Если ты сказала Адаму, что веришь в него, то сама поверь. Что потом?

– Варить на медленном огне часа полтора. Быстро разлить по склянкам, не трогать, дать остыть. Может, ты права... Но когда он начал обращаться, я думала...

Лаура с тревогой посмотрела на Суви.

– Я смогла его успокоить, это был приступ, – поспешила добавь Суви. – В уже готовый раствор добавить смолы и немного рубиновой пыли.

– Прости, что тебе снова приходится мне помогать, – вдруг сказала Лаура, покрывшись румянцем.

Суви мягко ей улыбнулась.

– Я всегда рада тебе помочь. Что там дальше по плану, тест по травологии?

– Да. – Лаура выдохнула и достала учебник.

Перед каникулами в Академии устроили праздник – Зимний бал для обучающихся чародеев и медиумов. Вечер проходил в оранжерее. Маленькие фонарики и шарики света гирляндами украшали листья цветов, кустарников и дере-

вьев.

Оркестр из музыкальных инструментов, зачарованный Сигве, наполнял оранжерею тягучей, манящей мелодией. Заходившие в оранжерею были охвачены не только сладким запахом цветов, но и чарующей музыкой. Пока за большими окнами падал снег.

Бал начинался вечером. Чародеи и медиумы приходили в зеленых мантиях, по древним традициям напоминая весне, что они не забыли о ней и всегда приветствуют ее. На мантии, как и на форме учеников, шевелились вышитые цветы.

Когда взошла луна, музыка сменилась. Среди цветов, защищаясь стеклом от холодного снега, в оранжерее бушевало зеленое пламя из мантий.

Суви все время искала Адама среди этого пламени, но она понимала, что Адам не придет. И все равно ждала.

Прия танцевала с Давидом, а Инна, отделавшись от назойливого одноклассника, нашла себе пару в лице медиума. Суви с интересом смотрела на строгие черты лица, каштановые волосы и кривую улыбку медиума. Иногда, отрываясь от Инны, медиум смотрел прямо на Суви. Суви ожидала увидеть в его голубых глазах наглость, но скорее они выражали замешательство и печаль.

– Инна все же решила его пригласить? – Удивилась Суви, – так часто разглядывала, что я думала, уже не решит.

– Желание отделаться от Филикса творит чудеса. Хотя он не плохой парень, просто не для нашей Инны. – Сказала Ла-

ура. Она внимательно смотрела то на Суви, то на Инну и медиума. – А-а, тебе он тоже понравился?

Суви пожала плечами. Парень будто двинулся к ней, но Инна направила его в другую сторону.

– Он может уметь призывать духов. Мне кажется, он сильный медиум. – Заметила Суви.

– Его зовут Фабиан. Он иногда приходит плавать. Не знаю, что они там уже умеют, но всегда хотела попросить его связаться с мамой. Познакомить вас?

Суви подскочила на месте. Лаура рассмеялась, но замолчала, увидев, что взгляд Суви стал грустным.

– Ты в порядке?

– Это неправильно, что Адама нет здесь, мама подождет, она все равно умерла. – Тихо сказала Суви.

Лаура взяла подругу за руку и твердо сказала:

– Давай поищем его.

Девушки покинули теплую оранжерею, выйдя прямо в морозную ночь. Они долго бродили по полупустому, освященному огнями зданию, но Адама не было. Даже в его комнате.

Суви пошла к беседке, где они собиралась для тренировок. Лаура же осталась в своей комнате, но вдруг решила сходить к отцу, узнать, вернулся ли он. У стола, поедая леденцы с цветами, сидел Адам.

– Твой отец разрешил, – сообщил Адам, не поворачиваясь к Лауре.

– Суви искала тебя.

– Я же не обещал быть на ваших танцах.

Лаура кивнула.

– Она ждет в беседке. Не знаю в какой, но там холодно...

Адам убрал леденцы и пристально посмотрел на Лауру. До Лауры не доносилась музыка, но Адам слышал ее набат, и он слышал мерное сердце Лауры.

Небо было фиолетово-синим и спокойным, казалось, облака на нем застыли, забыв двигаться. Беседка казалась одиноким домиком под огромным небом, вдали от леса, напоминая Адаму картину Саврасова.

Адам нашел Суви на скамейке, дрожащей внутри зеленого плаща.

Адам взял ее за руки и повел в центр беседки. Он крепко обнял совсем ледяную ведьму, согревая волчьим теплом. Адам слушал далекую музыку и слушал, как дышит Суви, утыкаясь в его плечо. Он мягко прижимал ее к себе, еле касаясь руками ее спины.

– Почему ты не пришел? – Проговорила Суви, зевая. Она помнила, что хотела увидеть Адама и что-то сделать, к кому-то подойти, но мысли ее, окутанные теплом и сонливостью, никак не хотели превращаться в четкую картинку.

– Я ведь пришел, верно?

Суви ближе прижалась к нему и неуверенно кивнула. Она не видела, как Адам покрылся румянцем и сдавленно улыбнулся.

Черный ворон внимательно наблюдал за ними, чуть на-

клонив голову, и будто бы улыбнулся, а потом улетел, скрывшись в темном небе.

Глава 6. Осыпал лес свои вершины

2009 год.

Наступили долгожданные каникулы. У причала Суви и Прию ждал Раджив Хатри. Он широко улыбнулся, встречая девочек.

– Прिया, Суви, очень рад вас видеть!

– Привет, папа.

– Я тоже рада видеть вас, – улыбнулась в ответ Суви.

Раджив потянул к себе дочь, и Прिया угодила в его крепкие объятия.

Они ехали в машине по тихим улицам сонного города. Прिया с грустью смотрела в окно. Ей всегда было трудно приехать и уехать. В душе образовывалась едкая печаль. Суви же с восторгом рассматривала пейзаж, будто видела его впервые.

Дорога, через мост, пересекая реку, направлялась в ложбину между холмами, на которых росли густые хвойные деревья. В ложбине стояла пара домиков с небольшими огородами.

Они ехали мимо заснеженных полей, неглубоких озер, покрытых блестящим льдом, холмов, перетекающих в бесконечные равнины, словно мамонтовая степь, мимо смешанных лисов, где спали звери.

Раджив Хатри остановил машину у двухэтажного дома, находившегося на краю города. Вокруг разместились поля, сейчас занесенные сугробами. Сам дом был покрыт камнем. Дом стоял к дороге боком, желая отгородиться от мира.

Летом дом семейства Адельхейд был почти полностью обвит виноградом и розами. А задний двор раньше был пуст, но Суви обзавелась решимостью сделать там прекрасный зимний сад. Тильда и Эди не были против. Так что теперь на заднем дворе росли люпины, кроссандры, лили, гиацинты, гортензии, лаванда, эхинацея и другие не менее прекрасные цветы.

Дом на праздники украшали гирляндами и зачарованными фонарями.

– Спасибо, – обратилась Суви к Радживу, и обняла Прию, – скоро увидимся. Счастливого Рождества!

– Счастливого Рождества, – ответили хором дочь и отец.

Радостная, Суви побежала к своему дому. Она поднялась по вычищенной от сугробов дороге, ведущей на холм. Впереди дома покоился под снегом яблоневый сад. А там, где скопились сугробы перед окнами, Суви выращивала прекрасные орхидеи в клумбах и горшках.

Суви остановилась у порога. Она вспомнила, как ее, восьмилетнюю, мама подвела к этому дому, нежно обняла и крепко поцеловала на прощание. Мама обещала вернуться, всего-то нужно подождать целое лето. Лето закончилось.

Сжимая письмо в руках, Суви ждала, когда откроется

дверь. Не зная, что нужно обернуться, чтобы увидеть маму последний раз.

Поднявшись на небольшие ступеньки, Суви ощутила запах свежего хлеба с базиликом, лавандой и тимьяном. Пряный и сладкий. Эди любил готовить и печь. Получалось у него так вкусно, что он даже открыл собственные магазины и в других городах. Выпечка – магия Эди.

Дверь оказалась открытой. Пройдя небольшой коридор, Суви очутилась в гостиной. Люди, бывавшие в ней, называли ее голубой комнатой. Стены и пол были голубыми, голубыми были и старинные диваны. Над тем диваном, что стоял у стены, висели картины и фотографии предков. Над голубым камином весели фотографии ныне живущих членов династии. Шкафы и журнальный столик, на котором расположилось блюдо с кексами из черемухи, были сделаны из белого дерева.

Гостиную украшало множество цветов.

В честь праздника по гостиной мерно плыли зажженные свечи. В углу стояла пышная елка. На ней не было ни одного украшения, только большая коробка оставлена тем, где позже будут подарки.

– Мы подумали, ты будешь счастлива украсить елку вместе с нами! – раздался теплый голос Эди.

– Эди! – Суви кинулась в его объятия, ощутив терпкий запах корицы, – я так счастлива!

Эди засмеялся и прошептал:

– Это идея Тильды, только не говори, что я сказал. Она еще тебе приготовила подарок в честь новой должности!

Суви нервно усмехнулась.

Суви подошла к фотографии, где навсегда были запечатлены Веса и Тереза Адельхейд и три их дочери. Годовалая Астрид и новорожденная Фрида сидели на руках у родителей, между ними, гордо выпрямившись, стояла десятилетняя Тильда. Тогда они еще все улыбались и были счастливы.

– Бабушка с дедушкой были бы рады увидеть тебя. – сказал Эди, положив руку ей на плечо, – и твоя мама тоже.

Суви вздрогнула и слегка кивнула. Только двое на этой фотографии были живы. И было больно признавать, что среди них не было мамы.

– Я больше никогда не увижу, как мама танцует, она любила танцевать... – с грустью улыбнулась Суви.

Вскоре на елке висели старинные игрушки, которые Тильда хранила с детства. Игрушки крутились, светились, говорили, если их спросишь, а некоторые и вовсе бегали по веткам. Уютно загорелись теплые огни гирлянды.

Деревья вокруг дома так же были украшены по старым поверьям ведьм: на веточки повязывали зачарованные ленты (верили, что в них спрятано желание), кусочки еды для духов и пробегающих мимо существ, небольшие светильники и колокольчики. Тильда считала все это детской забавой, вредной для взрослых людей, но в глубине души радовалась таким дням, вспоминая, как наряжала деревья с отцом.

Не желая тратить время на отдых, Тильда заставила стол встать на место и скатерть лечь на него. Ложки, зачарованные Тильдой, аккуратно разложились по тарелкам. В семье Адельхейд способность манипулировать предметами появлялась часто, но очень ценилась.

Вскоре в дверь постучались. Матильда кинулась открывать.

Фрида Адельхейд никогда не опаздывала. Казалось, в ее голову были встроены часы.

– Рада видеть тебя, Тильда, – голос Фриды, легкий и сильный, точно ветер, раздался в коридоре.

Фрида вошла в зал. Суви радостно рассмеялась, кинувшись к тете.

Перед Суви престала высокая женщина тридцати пяти лет в темно-зеленом плаще, черном элегантном костюме и безумно блестящих туфлях. Ее рыжие кудри аккуратно лежали. Казалось, благородство и изящество слились воедино в одном человеке, отражаясь в голубых глазах. Смотря на тетью, Суви каждый раз заново понимала, почему она стала самой молодой Верховной Чародейкой за всю историю. В каждом движении, отточенном до мелочей, чувствовался порыв магии.

– Дорогая моя!

Фрида подошла к племяннице и крепко обняла ее. Суви окутал запах флердоранжа. Фрида хотела сказать что-то про Астрид, но слова застряли в горле.

По праздникам стол накрывали в гостиной.

К ужину ведьмы вызвали своих фамильяров. По обычаю, Рождество чародеи встречали не только со своей семьей, но и с главными хранителями и помощниками. Тару гордо сидела рядом с Эглантин, небольшой собачкой Тильды, и Филлис, змеей Фриды. Каждая из ведьм с любовью смотрела на своего фамильяра. Эди с грустью наблюдал за этим.

Рядом с фамильярами сидел домовый Люпин, приходившийся двоюродным братом Лютику. Поколения сменялись, но домовый всегда оставался рядом, никогда не меняя рыжий цвет волос своих хозяев, отличались лишь оттенки. Сейчас его волосы были ярко-рыжими и кудрявыми, так как главой семьи считалась Фрида. Такое решение принял сам Люпин, ведь Верховная Чародейка просто не может не быть главой семьи, обратное не укладывалось в его голове. Матильда не стала возражать и с радостью приняла решение домового.

Но теперь Люпину приходилось жить в Верховном Совете. Что вызывало у домового жуткое недовольство. Где это видано, чтобы домовый жил не в доме, а в Совете? Что бы сказала его покойная матушка?

Вот только менять решение Люпин не был намерен.

Домовому приготовили традиционную кашу из вершков дикого тимьяна и корня первоцвета.

На столе ведьм были жаренные фрукты с геранью, запеканка с настурцией, паштет с гвоздикой, клевером и зверобоем, гратен с грибами и корнем аира, рулет из полевых

трав с лесными ягодами, лесными орехами и медом из алисума, маринованный корень мандрагоры, кексы из крапивы с яблоками, кексы с орхидеей, рагу из овощей с иссопом и шалфеем, бузиной и лесными ягодами, засахаренные фиалки и колокольчики, которые украшали горячий шоколад, сок шиповника для Суви и вино из акации для остальных.

На фоне по телевизору шел рождественский фильм и семье маленьких ведьм, на канале, который никак не могли найти простые люди. Они бы не увидели ничего, наблюдая за серым, гудящим экраном.

– В Академии все хорошо? – спросила Тильда, отрезая племяннице рулет, – я слышала про отбор. Будешь там лучшей, как я и твоя мама в свои годы, – с гордостью закончила Тильда.

– Да-а, – Суви воткнула вилку в рулет, и выдавила улыбку, чтобы не расстраивать тетю. К своему удивлению, она совершенно не радовалась тому, что тетя Тильда наконец заметила ее старания в спорте.

– Я тоже хотела, когда училась, но передумала, – сообщила Фрида.

– Ты бы обогнала Астрид, – заметила Тильда.

– Сомневаюсь, дорогая, очень сомневаюсь, у Астрид был талант, – Фрида подмигнула Суви, но той стало не по себе.

Все эти восемь лет Суви верила, что мама вернется. На столе всегда оставалось место для Астрид Адельхейд. Теперь же там ничего не было. Лишь пустое напоминание, что все

это было правдой. Все окончательно и неминуемо: мама не вернется. Больше никогда.

Эди, заметив ее взгляд, тихо встал, достал с комода старую, еще подростковую фотографию Астрид и поставил на стол. Тильда слегка коснулась его руки. Суви благодарно улыбнулась.

С фотографии на семью смотрела бойкая и задорная семнадцатилетняя девушка. На ее груди блестели медали. И Суви не знала, лишь догадывалась о тех ужасах, что пережила эта ведьма. И все же здесь, живая, мама улыбалась ей.

Весь вечер Суви смеялась и веселилась чтобы дядя и тети больше не видели ее грустный взгляд.

Встретив Рождество с семьей, Суви поднялась в свою комнату.

Комната Суви была наполнена зелеными и коричневыми оттенками. Листья, нарисованные на обоях, мерно шевелились. Комната Суви была уставлена цветами: они были на полу, на комод, столе, весели на стенах, расположились на подоконнике и даже у картины с пейзажем над кроватью. У кровати, на тумбочке стояло блюдо с печеньем из флокса и с кексами из дикой мяты.

Суви подошла к раскрытой книге, оставленной на столе. Она хотела ее прочитать, но направилась к кровати.

Тару последовала за своей ведьмой. Суви легла на кровать, включила на плеере легкий джаз, свернувшись клубком. Она слышала гурасные и ласковые мотивы, и думала о

том, как одновременно рада быть с Фридой, Тильдой и Эди, как любит их, но при этом как плохо, что с ними нет мамы и отца. Отец никогда не приезжал на Рождество и летние каникулы. Слал иногда открытки и письма, редкие камни, как подарок. Он, пусть и был чистокровным чародеем, работал геологом среди обычных людей.

Суви замерла, смотря на сухие цветы полыни в вазе. Мама всегда говорила Суви держать полынь в комнате, ведь она защищает от злых духов. Но кто повесит полынь на сердце?

– Тебе подарили прекрасный пресс для гербария, – заметила Тару, усаживаясь рядом. – Вызовешь меня, чтобы вместе сделали?

– Кончено, – Суви погладила Тару по черной шерстке. Кажется, Тару была сделана из самой мягкой шерсти во Вселенной.

Тару по-кошачьи боднула ведьму в руку, вызвав ее смех, и устроилась под боком.

– Я так рада, что ты мне досталась, – прошептала Суви.

– Взаимно. – замурчала Тару.

Ранним утром в городе пошел снег. Кажется, кто-то высыпал сотни бриллиантовых крошек на белоснежный покров. Все застыло, нетронутое, переливаясь огоньками. Мир выглядел прекрасным и чарующим. Такое редко бывало в этом маленьком городе.

Суви с наслаждением смотрела на укрытый снегом ябло-

невый сад. Ей захотелось прогуляться по нему, представляя, как в теплых убежищах спят феи, а между деревьями скрываются лесные духи.

На Суви была легкая льняная рубашка, наперекор погоде, и джинсы.

Надев новое зимнее пальто, Суви решила пройтись перед завтраком. Она любила гулять. Быть на природе, дышать ей, чувствовать ее так близко. Даже сквозь замершую землю ощущать заснувшие зернышки. А летом ступать босиком по мягкой траве.

Спустившись с лестницы, Суви услышала голоса, раздававшиеся из кухни. Дверь была слегка открыта.

– Ей шестнадцать, осталось немного, что зря тревожить ребенка? – спросила Фрида.

– Она моя дочь! Она должна быть со мной! – настаивал Иво Тамме.

Суви слишком давно не слышала его голос, чтобы помнить.

– Дочь? – Удивилась Тильда, – ты хоть раз навестил ее? Ты был на похоронах Астрид? Ты был рядом со своей дочерью, когда ей было плохо, когда она нуждалась в тебе? А когда Астрид оставила Суви, почему не предъявил права?

– Я был в горах, много поездок, работа! Я б-был... – легкие Иво судорожно сжались, не желая отдавать воздух, – знаю...

Наступила тишина. Суви представила, как отец виновато

посмотрел в пол, а тетя Тильда гордо приподняла подбородок. Суви тихо дошла до двери, откуда могла видеть только Фриду и Эди. Всегда спокойный вид Эди сейчас вызывал тревогу. Разговор продолжился, когда Иво смог совладать с собой.

– Я понимаю, что виноват. Но Суви должна жить у меня, я ее отец со всеми правами, по закону. Суви родилась, когда мы были в браке.

– У тебя нет прав. И девочку отдали нам. Так решила Астрид, и правильно сделала. – Чтобы успокоиться, Тильда без магии накрывала на стол.

– Если не хотите мирно, не знаю... Я пойду в суд! Магический, обычный, любой!

– Ни куда ты не пойдешь! – со сталью в голосе сказала Фрида. Внешне она оставалась спокойна.

Суви видела, как лицо Эди стало каменным и красным. Былая робость превратилась в суровость старого воина. В его голове не носились мысли, они сложились в четкую линию.

– Пускай сама решает, я только из ее желания с этим смеюсь. Но мы очень привязались к девочке, и, уверен, она к нам.

– Мне жаль Эди, но так будет лучше для Суви, со мной, в Таллине. – уже деликатно сказал Иво.

– Вот! Вот почему моей сестре не стоило выходить за тебя! У тебя же камень вместо головы! У всех чистокровных

бывают осечки!

Иво резко дернулся, задев соусник. Соус пролился на новую скатерть.

– Зато я хотя бы считался вашими родителями за разумное существо! Странно, что они тогда не умерли от сердечного приступа! Так что и хорошо, что Суви хоть первые годы жизни с нормальным человеком провела, в достойном обществе!

Вместо того, чтобы кричать в ответ, Матильда с волнением посмотрела на пуще прежнего покрасневшего мужа. Фрида в это время со спокойным видом зачаровала пятно, чтобы оно исчезло.

– Эди, милый... – Тильда ласково положила руку на его плечо.

Эди кивнул жене, уставившись в пустую тарелку. Суви никогда не понимала, почему ее предки так носились с чистой крови. Подумаешь, полукровка или просто человек. Что же тут такого?

– П-прости, – поспешил сказать Иво.

– Может, вы все же дадите мне решать? – Суви вышла вперед и строго сдвинула брови. Фрида, заметившая племянницу намного раньше, улыбнулась ей, – мне скоро семнадцать, я могу сама выбрать!

Кухня была просторная и светлая, наполненная смешением запахов фруктов, овощей, выпечки, сушеных грибов и трав, специй. Украшали кухню различные баночки, краси-

вые тарелки и кружки. Суви любила находиться здесь, представляя, что из кухни можно выйти не в гостиную, а в залитую солнцем пекарню.

– Суви... – выдохнул Иво, – моя маленькая Суви, как же я рад видеть тебя! Ты... ты такая красивая стала, – Иво кинулся к дочери и поцеловал в лоб.

Суви оттолкнула отца.

Она видела его первый раз за шестнадцать лет. Правда, видела фотографии Иво, но в живую – никогда. Иво был высоким мужчиной со светло-каштановыми волосами, стройным телом и карими глазами под большими круглыми очками. Он казался давно не спавшим и встревоженным.

Иво недавно исполнилось тридцать шесть. Он познакомился с Астрид Адельхейд, когда обоим было тринадцать. И безмерно полюбил ее. Но Астрид не было это нужно, Астрид нравилось прилипчивое и негибкое внимание Иво, и она позволяла ему быть рядом.

Иво удивился не меньше всего семейства Адельхейд, когда после свадьбы Матильды и Эдварда, Астрид сделала ему предложение. Он не мог отказаться, хотя они и не встречались. Через год на свет родилась Суви. А еще через год родители Суви развелись после трагичной смерти Весы и Терезы Адельхейд. Больше Астрид и Иво не виделись.

– Прости, что тебе пришлось услышать нас. Я купил новый дом недалеко, в Таллине, сможешь часто приезжать.

Суви сдержанно улыбнулась. Она так хотела увидеть от-

ца, столько представляла эту радостную сцену, но почему-то сейчас внутри была даже не злость, а пустота. Суви ничего не ответила, она села рядом с Эди и Фридой, налила себе немного горячего чая из ромашки, жасмина и вербены, взяла лепешек с сиренью и еловым сиропом. Тильда положила ей липовый мед. Все молча наблюдали за Суви.

Когда Суви доела в густой, зудящей тишине, Фрида осторожно спросила:

– Что ты думаешь?

– Мне нужно сходить к Прийе, а наследующей неделе они зайдут к нам – Чандан уж очень хочет, наконец, познакомиться с тобой. Не против?

– Буду рада встретиться с ними, – мягко сказала Фрида и грозно посмотрела на Тильду, которая собиралась снова вывести племянницу на нужный вопрос.

Когда Суви уходила, Иво взял ее за руку.

– Ты не против увидеться вечером? Я уезжаю в семь часов. Хотелось бы провести время.

– Я приду, – чуть подумав, ответила Суви.

– Я мог бы собрать твои вещи или ты заранее соберешь....

Может, конечно, лучше летом...

– Не настаивай, – укоризненно сказала Суви, бросив взволнованный взгляд на все еще красного Эди, – я не поеду с тобой ни в Таллин, ни куда-либо еще.

– Д-да, понимаю, – сконфуженно улыбнулся Иво, отпуская руку дочери, – увидимся вечером?

Тильда и Эди облегченно выдохнули. Фрида улыбнулась и подмигнула Эди.

Суви пешком дошла до дома Хатри, находившимся на другом конце города. Ей срочно требовалось пройтись. По дороге ей редко встречались прохожие. Суви нравилось погружаться во внешний шум – хруст снега под ногами, шелест листьев, капли дождя, лай собак и голоса птиц, людей. Мир вокруг наполнялся жизнью, которую Суви ощущала всем телом, каждой его клеточкой и даже рыжими волосами.

Суви шла мимо старинных домиков, украшенных к Рождеству гирляндами и игрушками. Дорожки были усыпаны снегом. Еще не во всех окнах горел свет, но город уже начал просыпаться.

Суви ненадолго остановилась у старинного замка. Она любила смотреть на него, ходить внутри, представляя, как живет здесь в средние века. Жизнь была бы не лучшая, но мечты выходили заманчивыми. Суви танцевала бы на балах, посещала бы ярмарки, тайком творя магию, а, может, планировала бы свергнуть короля.

Ненадолго зайдя внутрь замка, Суви почувствовала голос его стен. Отзвук сотни застрявших жизней: их смех, крики, стоны, шепот. Истории людей, проходивших мимо этих камней и окон. И сердце ее сжалось от тоски по временам, в которых она не была, по людям, которых не знала. Как странно, думала Суви, тосковать по прошлому, которое случилось не с тобой.

Теперь же история замка покоилась в музее внутри него.

Оставшийся путь Суви лежал через дубовый парк за замком, несколько старых мостов через бурные ручейки и множество домов, которые теперь использовали не по назначению – когда-то там жили люди, а теперь торговали.

Дом Хатри находился у соснового леса, он был большим, современным и стройным. Вокруг него росли гортензии и бегонии, которые лично вырастила Суви. Внутри дом был совершенно другим. Весь дом пропитался баньяном, которым были покрыты стены. Напротив огромной пышной ели стоял камин. На подушке у камина спало несколько маленьких церберов.

Дверь Суви открыла Лата Хатри. Внешне Прия была практически точной копией матери. Суви всегда поражалась их красоте. Лата Хатри была психологом для ведьм и ведьмаков, а ее муж Раджив был психологом простых людей. Познакомились они на одном из семинаров.

– Доброе утро, Суви, – сказала Лата Хатри, впуская подругу дочери, – Прия сказала, ты придешь позже. Извини, не заварила чай. Ты уже видела наших малышей? У нас пополнение в семействе! Имен пока не дали.

– Они прекрасные! – Похлопала в ладоши Суви, – но их пока нельзя трогать?

– Лучше не стоит, – кивнула Лата, – до трех месяцев это опасно.

Щенята тихо сопели, выдыхая из ноздрей небольшие кру-

ги дыма.

– Суви-и! – заорал десятилетний мальчик, кинувшись в объятия гости.

– Чандан, как ты подрос! – Суви растрепала его густые волосы, – совсем скоро пойдешь в Академию!

– Если я в папу, то не стану чародеем, – все так же солнечно улыбаясь, напомнил Чандан.

– Мир магии многое потеряет! – Подмигнула ему Суви.

– Его бабушка с дедушкой этого не переживут, – вздохнула Лата Хатри.

– А ты видела какую мне заводную машинку папа купил? Она управляется пультом, но Прия все время передвигает ее магией. – Выпалил Чандан, – я сейчас покажу!

Комнаты Прии и Чандана находились на втором этаже, вместе с комнатами для гостей. На третьем была спальня Латы и Раджива, их кабинеты и комнаты для приезжающих бабушек и дедушек. Суви, каждый раз как в первый, ощущала теплоту индийского ковра.

Комната Прии была белой, с вкраплением черных пятен. В комнате было расставлено множество террариумов, которые Прия приобрела, узнав внешность своего фамильяра. У шкафчика с зельями стояло фортепиано. Под зеркалом у комода лежали подстилки для церберов. В одной из них, отдыхая от детей, спала Ума.

Ума довольно растянулась, двумя головами вывалившись за подстилку и повернув пузо кверху. Будить ее тоже не сто-

ило. Да и неудобно, она столько возилась с неугомонными щенятами и так устала, что заслужила покой.

Ума фыркнула и заерзала во сне.

Над кроватью висела картина авторства Латы Хатри с изображением ночного Дели. Тогда Лата еще мечтала стать художницей и не думала о психологии. И тем более, что уедет так далеко.

На полках стояли книги, а также грамоты и награды, как из Академии, так и за время учебы в обычной школе. Не было статуэток и игрушек, лишь на прикроватной тумбочке стояли фотографии Чандана и Давида. Рядом с ней Суви однажды поставила герань. Единственный цветок в комнате.

Прия, одетая в элегантное фирменное платье, сидела над книгой о великих чародеях времен Второй Мировой войны. Нервничая, она теребила золотые браслеты на руках. Параграф был открыт на главе об Академии Чародеев. Такой смелый шаг Винцента Вальдена, как принять на острове Туле не только чародеев, но и простых людей, был воспринят сообществом неоднозначно. Но он доказал, что сделал правильный выбор.

– У нас же каникулы, Прия. Профессор Дюбуа не задает ничего на каникулы. Но вот остальные нет. Еще попрактиковаться в зельях надо, чарах. Описать магическое существо в природе...

– Я все темы должна помнить идеально, – устало сказала Прия.

– Мы даже не начали это проходить, – возмутилась Суви.

– А потом окажется что Иоланда или, что хуже, Инна все знают! Нужно выучить все способы извлечения яда из вѣха и... я должна сделать это идеально. – Прия с силой вдавила очки в переносицу.

– Отвлекись уже или отвлеки меня, – вымученно сказала Суви.

– Ты знаешь, сколько мне пришлось сделать, чтобы в обычной школе меня воспринимали всерьез, выбрали старостой, брали на все олимпиады и конкурсы, уважали? Да что там, просто воспринимали человеком.

– Я знаю.

– Лучше меня никто не справится. Осталось немного, я должна доказать, что лучше всех.

Суви поджала губы, покачав головой. Ей очень захотелось обнять подругу, но она решила действовать по-другому:

– Дальше программы они не знают, – Суви закрыла учебник Прии, чуть застенчиво улыбнувшись в ответ на ее злобный взгляд. – Ты обещала мне поиграть, когда вернемся домой.

– Сейчас? – Прия хотела ей возразить, но замолчала, увидев взволнованный взгляд. – Ладно.

Прия слегка касалась клавиш. Ее длинные пальцы нежно скользили по поверхности, замирали, слегка давили, в предчувствии магии. Мягко и невероятно глубоко звучал голос рояля. Казалось, сам Дебюсси вселился в ведьму, исполняя

сюиту для фортепиано.

Прия закрыла глаза. С тоской музыки рождалась и взрывалась ее тоска. Суви, замороженная, сидела рядом. Она увлеклась той любовью, что вкладывала Прия в сочинения композитора.

Каждый раз в такие моменты Суви словно впервые видела Прию. Вместе с музыкой Прия забывала о проблемах. Погружаясь в нее, ведьма ощущала себя счастливой. Такой же счастливой она становилась, стреляя из лука, играя с братом и обнимая Давида.

До вечера Суви проводила время с Прией и ее братом, совершенно забыв о приезде отца и о том, как важно отметить этот праздник с мамой. В комнате появилась маленькая коричневая собака, фамилляр Тильды. Эглантин осуждающе посмотрела на ведьму и покачала мордочкой.

– Какая прелестная! – Чандан кинулся к Эглантин, – можно оставить?

– Это чужой фамилляр, – строго возразила Прия.

– Я что-то забыла? – Суви вскочила, – Ох, я забыла про отца!

– И что ты так нервничаешь? Сколько ты его ждала? – Прия поправила идеально сидевшие очки и хмыкнула.

– Я ведь обещала, – вздохнула Суви.

К своему дому Суви шла очень быстро. Отец стоял у машины, нервно теребя лацкан пиджака. Он радостно улыбнулся, заметив дочь.

– Прости, я...

– Ничего, я заслужил, верно? – Иво осторожно погладил Суви по голове, – я обещаю навестить тебя летом, тогда и побудем вдвоем. Ладно?

В этот раз Суви ничего обещать не стала.

– Спокойной ночи, – сказала Суви, смотря в след уезжающей машине.

И вдруг, неожиданно для себя, Суви рассмеялась, вдыхая морозный воздух. Это был смех ребенка, смех радости, но и смех боли.

Глава 7. Заставить вновь и вновь цвести сады

Суви достала гербарии и разложила их на кровати. Она покрутила пальцами, и цветки, отсоединившись от бумаги, взлетели в воздух. Они кружились вокруг ведьмы в прекрасном танце. Суви с легкостью могла назвать каждый цветок, где и когда их собирала.

Всю неделю Суви читала книгу «О таинственных кладях и древних картах», которую она нашла среди подарков, но подпись там была лишь одна «для Суви», ни имени дарителя, ничего более. Суви с упоением вспоминала, как искала в осенних листьях троллей, ныряла в речку за кладом, шла через лес, не боясь монстров, чтобы найти запрятанный мамой клад, который оказывала то новой книгой, то вкусностями, то игрушкой.

А еще они играли в прятки. Суви даже не нужно было за-

кливание поиска, чтобы находить спрятавшихся маму и друзей.

Книга же рассказывала о тех, кто волей жизни или детской мечты отправлялся вслед восходу, чтобы найти сокровища древних алхимиков, чародеев и королей.

По дому ползали змеи (размноженный фамильяр Фриды), отправляя ее подчиненным различные поручения. Члены Высшего Совета уже привыкли к тому, что праздники Верховная Чародейка проводила с семьей, включая каникулы. Конечно, членам Совета это никак не могло понравиться, но народ уважал Фриду за это. Фриде же все было равно на мнение и тех, и других, она поступала так лишь потому, что не могла иначе.

Ближе к обеду в гости к семье Адельхейд пришли Прия, Чандан и приехавший к своей девушке Давид.

– Я слышал, у вас тут Верховная Чародейка! – Сообщил Чандан, только зайдя в дом.

Прия закатила глаза. Но и она очень сильно хотела увидеть Фриду Адельхейд. Чандан, бегая вокруг них, выкрикивал имя Верховной Чародейки. Прия залилась краской. Но Суви лишь смеялась.

Вчетвером они вошли в зал, где о чем-то живо беседовали Матильда и Фрида.

Прия с смутением посмотрела на Фриду. Перед ней, в совершенно обычных домашних брюках и совершенно обычном свитере, с растрепанными рыжими волосами сидела

Верховная Чародейка. Совершенно домашняя.

– Хотите есть? У нас осталось много медовых пряников! – улыбнулась Фрида.

Прия потеряла дар речи, но Чандан сразу бросился к Фриде, заваливая ее вопросами.

– У тебя такой милый брат, – заметила Фрида.

– Конечно, – Прия с теплотой взглянула на мальчишку, который практически повис на Верховной Чародейке.

После пяти кружек чая и тарелки медовых пряников, Прия набралась смелости.

– Я так рада познакомиться с вами, – благоговейно прошептала Прия, оказавшись с Фридой наедине.

– Я тоже рада. Суви много рассказывала о тебе и других девочках. Хорошо, что ты сейчас не в Индии, верно? Это ведь ты проводила рождество в Индии?

– Да, конечно! Знаете... недавно писали, несколько месяцев назад, что вы посетили бедное магическое поселение. Там грязно, негигиенично, на людей и из дома взглянуть страшно. А вы взяли, прямо в дорогом плаще и дорогом костюме, начали чистить туалет и все здание. Без магии. Вместо...

– Вместо того, чтобы ходить, морщась от отвращения? – закончила за нее Фрида, – я все это знаю, я там была. Но ты хотела сказать, что я должна, как все пройти мимо, не опускаясь?

– Ч-что вы, – Прия до боли вжала очки в переносицу, –

просто это так странно... Вы – ведьма из чистейшей семьи, гений, самая молодая Верховная Чародейка за все три тысячи лет Совета, вам принадлежит целый мир, а вы...

Фрида благосклонно улыбнулась Прии.

– Они даже магией ничего решить не могут. Я показала им, что и без магии нужно совершать хоть какие-то действия, иначе мы не изменим мир. Я надеюсь, у тебя дурные мысли выветрятся быстрее.

– Я постараюсь. – покрылась краской Прия.

– Как прошло? – спросил подошедший Давид. Он ободряюще улыбнулся, увидев взгляд Прии, – эй, я уверен, ты ей понравилась.

Прия просто прижалась к Давиду, уткнувшись в его плечо. Оставшийся вечер Прия провела молча.

Давид бросил взгляд на Фриду. Она изучающе смотрела на него.

– Ты вырос в достойного юношу, я не сомневалась в тебе, Давид Лунд, – позже сказала ему Фрида.

– Я все еще помню, как осуждающе они смотрели на меня... родители... – Давид запнулся, уперев взгляд в узор на стене.

– Я сказала это тогда и скажу сейчас – ты поступил правильно, Давид. Ты не должен ни в чем винить себя. Этому миру очень повезло, что у него есть ты, – Фрида положила руку на его плечо.

Придя домой, Прия со вздохом легла на кровать. Давид уместился рядом и приобнял Прию. Он с наслаждением вдыхал запах ее дорогого шампуня. Три года назад он увидел в своем классе невероятно красивую и умную девочку, и тут же влюбился. Все, что оставалось потом, попасть в компанию Суви, а потом навязаться к Прие под предлогом помощи по астрономии и стрельбе.

Прие это польстило. Постепенно Давид подружился с тремя ее подругами. Многие в Академии хотели быть с ним, но Прия навсегда поселилась в его сердце.

– Как ты можешь быть с этой Хатри? С ее-то характером? – Спросила как-то Хортензия.

Давид только пожал плечами. И что он мог ответить? Прия лежала рядом с Давидом, уткнувшись носом в его шею, ее мягкие волосы щекотали его спину. И в этот зимний вечер, что могло быть лучше?

Одновременно они создали шарики света и заставили их кружиться, точно снежинки.

Ума, лежавшая на подстилке, в один прыжок взобралась на кровать и легла на Давида и Прию. Две крайние головы она положила на чародеев, а ту, что по середине, втиснула между ними, издавая старательные звуки. А потом она с блаженством закрыла фиолетовые глаза.

Смеясь, Давид почесал цербера за ухом, и та замурчала, подобно вовсе не псу, а гепарду. И было так тепло.

После вечера Суви закрылась в комнате. На ее кровати лежал небольшой сверток. На нем не было имени, лишь подпись «Дорогой Суви». Суви с опаской развернула его. Это была небольшая коричневая записная книжка с потертым переплетом. Открыв ее, Суви обнаружила, что страниц внутри больше в несколько раз, чем могло показаться. Простые, но очень удобные чары.

Под коричневой обложкой оказался дневник, который могли открыть лишь те, кто был близок владельцу. На первой странице было выведено до боли знакомым подчерком «Собственность Астрид А.». Суви видела его в детстве в руках матери, только не таким потертым и старым. И вот теперь дневник Астрид был в теплых руках Суви. И он пульсировал, точно маленькое сердце.

Прежде чем перевернуть следующую страницу, Суви пришлось сделать пару вдохов.

Мама всегда казалась Суви закрытой книгой, а после знакомства с тетей Тильдой, стала еще более непонятной. Она всегда высказывалась против знатности и хотела быть проще, но вышла за чистокровного из уважаемой семьи и никогда не меняла фамилию.

Астрид всегда поражала Суви способностью делать много сложных дел одновременно. Она умела с нуля начать скандал и обнимать так, что весь мир не имел значения.

И если Астрид принимала решения, то раз и навсегда. Уверенно и точно, как держала лук. И так же спокойно она

отправляла стрелы в полет, зная, куда они попадут. Но последний раз она промахнулась.

В Норвегии стояла солнечная, морозная погода. Лаура, одетая в теплый голубой свитер и узорчатые брюки, сидела у огромного аквариума с морскими рыбками, который от пола практически достигал потолка, когда к ней зашла сестра. Деметра Селланд, как и ее родственники, была голубоглазой блондинкой.

– Де-еми? – Лаура удивленно посмотрела на сестру.

Чуть подумав, Лаура протянула ей тарелку с печеньем из водорослей и семян амаранта. Деметра отрицательно покачала головой.

Деметра не любила заходить в комнату Лауры. Она словно попадала в маленький розово-серый с вкраплением голубого аквариум. Над серым диваном плыли металлические рыбы, на окне весели гирлянды. На мягком ковре у книжного шкафа остались затушенные свечи, камни, аккуратно раскрытая книга.

Над заваленным безделушками столом весели фотографии Лауры, ее друзей и семьи, даже фотография лучшей ведьмы пловчихи Джури. Кровать закрывалась легким балдахинном. Большинство людей назвали бы комнату Лауры милой и уютной. И Деми это бесило.

– Ненавижу заходить к тебе, – однажды сказала она, – каждый раз выношу с собой частичку розовости.

Лаура давно перестала обижаться на старшую сестру. Пять лет назад Деметра закончила Академию с отличием и очень этим гордилась. А вот успеваемость Лауры была неоднозначной. И Деми часто припоминала это сестре.

– Что тебе? – Спросила Лаура.

Деметра села на диван у аквариума и изобразила безразличие несмотря на то, что его уютная мягкость поглотила ее.

Деми спросила:

– Как отец?

– Ты сама можешь у него спросить.

– Он так похудел.

– Только заметила? – вскинула бровь Лаура.

– Я удивлена, что профессор Вальден его еще не выгнал.

– С чего бы выгонять? – Лаура ощутила, как внутри закает злость, – папа прекрасно учит детей. Это все, что нужно директору.

– Ты не думай, я не хочу его увольнения. Иначе мы будем жить только на пособие от Совета и мою небольшую зарплату... но, Лаура...

– Когда мама умерла, – перебила Лаура. Но Деми перебила ее в ответ:

– Еще до того, как мама умерла, он был таким, ты просто его не помнишь. Не скидывай все на маму. Пойми, если мы отправим его куда следует и будем жить в спокойствие, я все оформлю и...

– Хватит! – Закричала Лаура.

С кухни донесся шум.

– Мы это Рождество что только и делали, так успокаивали его и ели леденцы. Я уже ненавижу леденцы.

Лаура встала. Она смотрела на морских рыбок, тихо плавающих за стеклом. Они успокаивали ее, рождая внутри тепло. Как бы хотелось заговорить с ними.

Лаура дотронулась рукой до холодного стекла.

– Знаешь, Деми, что я недавно поняла? Нам пора оставить его в покое и жить своей жизнью. Представляешь, он может справиться и без нас.

– Мы всю жизнь заботимся о нем, – напомнила Деми. – И я как раз предлагаю тебе...

– Нет. Ты предлагаешь отправить его в лазарет имени Хёнда Адельхейда. Но ему это не нужно. И наша забота ему не нужна.

Деми разочарованно покачала головой.

Лаура еще сильнее, чем прежде, загрустила от того, что Инна уже уехала от нее домой. Сейчас бы больше всего пригодились теплые объятия.

За окном падал огромными хлопьями снег. Каникулы подходили к концу. Через день Деми съедет, а потом Сигве и Лаура отправятся в Академию. И Лаура будет очень стараться.

В начале февраля ученики вернулись в Академию. Февраль оказался удивительно теплым. Снега на острове оста-

лось мало после дождей и относительно приятной погоды. Тропинки петляли. У пристани лес был хвойным, но вдруг казалось, что пахло сырой прохладой моря и даже слышалось падение камней на противоположной стороне острова.

Как ни пытайся, не сможешь заметить, как ели стали дубами и ясенями, пропуская учеников к порогу Академии. Так путь, длинную в час пешком, уместался в одну минуту.

Ветки беспокойно колыхались на ветру. Серые тучи медленно прикрывали солнце.

Инна и Лаура приехали раньше и ждали друзей.

Инна неустанно говорила Лауре о встрече с отцом и как, на минуточку, ей это не интересно. Профессор Ортега, директор испанской школы, так и не признал в Инне свою дочь. Раз она родилась после развода, а брак был ошибкой, то и зачем ему она? Когда Инна гостила у бабушки, Джуниперо Ортега не приезжал в город, чтобы не выслушивать новые нотации матери.

У Джуниперо была друга семья. И Инну это не злило, о чем говорили ее плотно сжатые губы и хищный огонь в глазах. Лаура только вздыхала в ответ.

Разговор у Далии Ортега был короткий.

– И ты не мой сын, я таким сына не воспитывала!

Инна с улыбкой вспоминала униженное лицо отца. Он не мог понять, как его родная мать предпочла это существо ему? От мыслей ее отвлек голос Суви.

– Нам вас не хватало, – сказала, обнимая подругу, Суви.

– Правда? – Инна радостно улыбнулась, – а я волновалась, что вы хорошо проводите время без нас! Еще и с самой Фридой Адельхейд.

– Да-а, – протянула Лаура.

– Не волнуйся, не такая она уж и интересная, – сообщила Прия, многозначительно переглянувшись с Давидом.

Оставив друзей, Суви направилась к Адаму. В комнате Адама и Давида находилось много книг. В основном пространство, отведенное Адаму, было занято кроватью, столом и заставлено холстами. Некоторые картины весели на стене. Часть стены Давида была увешена звездными картами, плакатами мировых команд по стрельбе и драконами, нарисованными Адамом. Над кроватью висел портрет Прии в спортивной форме. Кровать для третьего ученика пустовала, заваленная книгами и свитками.

Единственным рисунком на стене со стороны Адама был совместный портрет мужчины и женщины. Женщину Суви узнала сразу. Адам собрал их общие черты.

– Ты скучаешь по нему?

– Нет, – Адам даже не бросил на портрет взгляд, – они виноваты в том, что я родился. Они знали, что мне не выбраться. Мама не любила отца, это был ее выбор – а я ничего не выбирал. Она этого и хотела... я слышал ее разговор с профессором. – Адам до боли сжал кулаки и надломлено усмехнулся.

Он все ждал, когда Суви испугается злобного оскала на

портрете, но Суви не уходила. Адам ударил по стене, задев потрет отца, и тот издал вой, пронизывающий душу ведьмы.

Суви выдохнула и легким движением руки покрыла рисунок толстым слоем плюща.

– Тогда и не смотри.

– Как успехи? – резко спросил Адам. – Книга помогает?

– Да. Я даже стала чувствовать много новых ростков под землей. Сколько спит в ней чудес. – Суви улыбнулась, – я стану сильнее, и ши мне помогут. Еще прочтешь обо мне книгу, – Суви внимательно посмотрела на Адама, – быть может, я пойму, как помочь...

– Не выйдет, – лицо Адама стало печальным, – Наши проблемы имеют разный источник. Я думал, это подсказки мне, значит, я ошибся... ты оказалась права... – Адам осекся, увидев, куда смотрит Суви.

Адам, побледнев, протянул Суви заинтересовавший ее рисунок. Углем на пергаменте Адам нарисовал ее потрет. Суви еще никогда не рисовали. С бумаги она солнечно улыбалась самой себе. Цветок на голове нарисованной Суви зашевелился от ветра, и нарисованная Суви радостно улыбнулась.

– Как красиво, – восхитилась Суви, – можно забрать?

– Конечно, это ведь подарок тебе на прошедшие праздники. Я рад, что тебе понравился рисунок. – покрывшись краской, ответил Адам.

Суви достала из рюкзака дневник матери. Труссящимися

руками она протянула его Адаму. Он молча взял дневник и открыл. Там ничего не было, но Адам почувствовал скрывающие чары.

– Это мамин дневник. Я прочитала его от корки до корки, – призналась с горечью Суви, – там ничего нет, что могло бы быть полезно.

Суви отложила дневник и села на кровать Адама.

– Я не знаю, на что я рассчитывала. Что мама все расскажет мне в этом дневнике? Объяснит, почему так поступила? Но там не было даже оправданий... – на время Суви замолчала. Адам сел рядом и обнял ее, еще больше покраснев, – Или она расскажет, как справиться с обращением. Но она не могла знать, иначе бы не умерла.

– Мы найдем ответы, – уверенно сообщил Адам.

Зимнее утро выдалось туманным. Астрид, как и прочие ведьмы, рассказывала маленькой дочери сказки, будто туман – это дыхание дракона. И чем плотнее туман, тем ближе к тебе дракон. Если тебе повезет, можно увидеть в тумане его золотые глаза, огромные, наполненные вековой мудростью. Это к удаче.

Суви всегда мечтала найти хотя бы след дракона.

Лес поднимался в горы. Суви и Давид шли по небольшой дорожке. Цветы на их форме сжались, укрываясь от ветра. Суви могла поклясться, что она чувствовала присутствие горных духов. Позади них шли Хитер, Смаури и Гилл. Гри-

фон весело прыгал вокруг виверны. Хитер и Смаури снисхождением и умилением смотрели на него.

– Когда ты это решила?

– Когда смотрела как вы тренировались после каникул, – Суви остановилась, оглядывая серое небо. – Я поняла, что это точно не мое. То есть, я люблю стрелять, – поправила себя Суви, – просто я не чувствую желания бороться. Получать первые места в соревнованиях. Я так хотела быть как мама, как тетя Тильда. Быть сильной. Они не поймут.

– Я мало провел с твоей семьей, но, думаю, они поддержат тебя. Не стоит изводить себя напрасно.

Суви слабо улыбнулась Давиду. Она чувствовала, как под землей пробуждается жизнь. Скоро взойдут первые ростки. И она могла бы им помочь. И этого она точно хотела.

– Я не знаю.

После травологии Инна отправилась в лес. Ей срочно понадобилась кора ольхи. Она была уверена, что для зелья нужна именно ольха, а не бук. Бук, конечно, был хорош. И с ним зелье выходило, правда, но Инна откуда-то знала, что лучший вариант будет с ольхой.

А еще лучше подходила зимняя кора.

Инна вышла в поле, где свободно наслаждались холодом несколько виверн. А рядом с ними спокойно гуляли олени. Незримо кто-то присматривал за ними.

У первой попавшейся Инне ольхи сидел ши. Ши редко по-

казывались людям, но этот не успел уйти. Ши обладал длинными острыми ушами и темно-коричневыми длинными волосами. Его лицо показалось Суви одновременно и странным, и очень красивым. Вены на руках ши горели легким теплым свечением. Он хотел сыграть на флейте, но передумал. На вид он был чуть старше Инны, но был сам подростком.

Осторожно, как кот, ши приоткрыл один глаз золотого цвета.

– Любите вы нарушать мой покой, чародеи, – заметил ши.

– Так не обращай внимания, – Инна обошла дерево, чтобы ши не видел, что она делает.

– Я думал, ведьмы стали умнее, – раздосадовался ши.

– А я думала, ши у Академии быть не должно. Как только профессор Вальден вам разрешил?

– Разрешить ши? – он залился прекрасным смехом, в котором слышался перелив горного ручейка, – даже великий Винцент Вальден этого не может!

Инна подошла к ши и с напущенным равнодушием оглядела его. Ведьму завораживал вид ши, от черт лица до ниточек на одежде. Безупречно. И в каждом его движении, в каждой частичке пульсировала древняя магия.

– И как тебя зовут? – спросила Инна.

– Адар, – представился ши. – Мое родное имя ты не говоришь. По аналогии взял – Адар. Красиво, да?

Адар криво усмехнулся. Инна хоть и нашла его имя кра-

сивым, но решила не соглашаться с ши.

– Какое же твое имя, ведьма?

– Имен ведьм лучше не знать, ши Адар, – с этими словами Инна развернулась, чтобы уйти.

Адар просто посмотрел на снежинки, и они остановились. Ухмыляясь, не двигая руками, он заставлял снежинки танцевать вокруг ведьмы. Инне захотелось узнать, каково это – брать магию из себя. Быть ей. Даже обладая способностью, она не могла этого понять. Инна коснулась снежинок и улыбнулась Адару, а оптом фыркнула.

– Тоже мне, удивил!

Адар выдохнул, и Инну окутало холодным ветром из самых глубин фьордов. Ветер принес напевы и голоса давно ушедших викингов, тревогу самой холодной ночи и запах свободы. Сердце Инны сжалось от тоски по берегам, которых она никогда не видела, по людям, которые никогда не улыбались ей.

Из сумки Инны выпало несколько пузырьков. Адар взял один из них, темно-зеленый, пахнущий хвоей. Жидкость забавно перелавливалось, поймав в себе солнце. Адар поднес пузырек к губам.

– Что ты делаешь? – Инна кинулась к ши, – оно может убить тебя! Зелья ведьм смертельны для ши, дурак!

– Убить меня? Зелье ведьмы? Ну поболит живот! – И Адар залпом выпил все лечебное зелье, которое задала приготовить профессор Ланская, – видишь?

– Глупый ты, ши!

Адара затрясло. Золотые глаза практически полностью закатились. Грудная клетка неестественно поднималась и опускалась. Вцепившись ослабевшими пальцами в корни ольхи, Адар безуспешно пытался уменьшить дрожь. Его губы покрылись пеной со следами крови.

Инна замерла от ужаса. Она кинулась к Адару. Инна, не думая, перевернула его на бок и положила под его голову, казавшуюся на вес легче пера, сумку и погладила по волосам.

– Нужно позвать на помощь. Ты меня слышишь? – не успела Инна сделать хоть что-то, как перед ней появились прекрасные дриады.

Дриады казались такими неестественными со своей божественной красотой, тонкими платьями до земли и длинными волосами, в которых запутались уснувшие до лета цветы. В их золотых глазах блестело спокойствие.

Обычно они не появлялись зимой.

– Не бойся, ведьма, ему помогут. – практически пропела Антея.

В ее голосе слышался шелест листьев, хруст веток, пение лесных птиц, шуршание грызунов в осенней листве. Она смотрела ласково, но во взгляде читалась безжалостность, способность хладнокровно мстить. Антея взглянула на Инну и чуть поклонилась ей.

Адара покрыли корни, пробившиеся сквозь землю, и унесли за собой.

– Идем. – приказала Антея.

Внутри плакучей ивы в самой глубине леса находился проход, после которого открывалось огромное пространство: поле, покрытое свежей летней травой, хотя на улице только заканчивался февраль. В нос мягко ударил запах лесных трав и ягод. В центре, знавший о гостях, стоял Хозяин леса.

– Хозяин, – дриада поклонилась, за ней повторила Инна.

Леший, как и все его собратья, был два метра ростом. Его зеленая кожа покрылась корой, а там, где у людей росли волосы, у лешего рос мох. По большому лбу пробежало насекомое. Амарант, как его назвал Винцент, широко улыбнулся, обнажая ровные, слегка острые зубы. Но выглядело это так солнечно, что у глаз появились морщинки.

Амарант посмотрел на ши и в огромных грустных глазах цвета золота появился страх.

– Юный Адар, – с сожалением произнес Амарант.

У Амарант голос был хриплый, глубокий, проникающий в суть каждого, кто его слышал. В этом голосе затерялись скрип сухих ветвей, журчание лесного ручья, одинокие капли после дождя, застрявшие на ветках, сладость лесных ягод и летние сумерки.

– Ему можно помочь, хозяин? – взволнованно спросила Инна.

От прикосновений длинных пальцев Хозяина леса, корни, все еще оплетающие Адара, исчезли. Амарант положил руку

на его грудь. Из ладони Амаранта появились прутья, обхватившие ши.

Адар заскулил.

– Адар останется со мной, ведьма. – Амарант, почувствовав сильное волнение присутствующих, мягко улыбнулся им, – он поправится. – А потом строго посмотрел на ведьму, – будь внимательнее, ладно?

– Я не могла остановить, я пыталась помочь...

– Главное, что ты не сделала хуже, – улыбался Амарант.

Рассказывать о случившемся подругам Инна не решилась. Не сегодня. Казалось, хоть одно слово, сказанное о том, что она видел Амаранта, может разрушить это навсегда. Стереть воспоминания, сделать все иллюзией. Видением.

Ночью она написала письмо бабушке и сожгла его. Призвав фамильяра, Инна сидела на полу комнаты. Рейнир, шустрый и теплый хорек, прижался к своей ведьме, укрыв ее собой, как пледом, согревая, пока она не заснула.

Глава 8. Белых лилий цветы серебристые

Ночью Гаспара разбудил Лютик. Домовой носился по комнате взад-вперед, бормоча себе что-то под нос. Гаспар слабо различил «славное имя Академии». Профессор резко остановил домового, схватив его за ворот красного кафтана.

– Что случилось, хозяин? – Сонно спросил Гаспар.

– Беда. Такие несносные дети. Мы славимся дисциплиной, а тут... – казалось, Лютик и стоит на ногах только по-

тому, что его держит Гаспар. – Вам срочно нужно в кабинет директора. Ваши дети натворили ужасное безобразие! – Повторял и повторял домовой.

– Что случилось? – Слишком спокойно поинтересовался Гаспар.

Выслушав Лютика, профессор Дюбуа ударил кулаком стену, оставив в ней след. Из его горла вырвался рык. Его жена, Джасмин Блэр, не проснулась, лишь сказала что-то невнятное.

– Хорошо, что не разбудил ее, – прошептал Гаспар, поглажив Джасмин по голове.

Гаспар вздохнул, упал на кровать, закрыв сонное лицо руками. Потом спокойно встал, пока под ногами носился Лютик, оделся, впустил прилетевшего ворона. На лапке у фамильяра Винцента висела записка.

Когда Гаспар подошел к кабинету директора, все уже собрались у дверей. На стульях сидели Давид и Инна, а также их одноклассники – Хортензия, Мелисса и Виде. Они были чистыми, хотя еще недавно пахли сажей и противным зельем. Руки Виде и Давида были связаны серебрянными бусинкам, мешающими колдовать. Виде старался сесть как можно дальше от Давида, насколько позволяли бусинки. Волосы его растрепались, а на распухшей губе засыхала кровь.

Перед ними ходила из стороны в сторону Оливия Ульвен. На ее плече, будто заснув, сидела лягушка.

– Все знают, что нельзя класть в зелье слюну дракона, тем

более еще юного! – раздраженно напоминал профессор Ульвен, посмотрев на Инну.

Остальные также посмотрели на Инну, но та лишь пожала плечами, а потом, ехидно улыбнувшись, сказала:

– И у гениев бывают промахи!

Виде закатил глаза и хотел было что-то сказать, но Давид сжал пальцы и посмотрел на него в упор, от чего Виде пожегся и повернулся к Хортензии. Если бы его не удерживали серебряные бусинки он давно бы отбежал от Давида.

– Зато у нас не будет зелий ближайшее время, – прошептала Инна Мелиссе, – отдыхай.

Трясущаяся от страха Мелисса крепко схватила Давида за руку, сжав до боли. Давид улыбнулся ей, но старался не сводить с Виде взгляд.

Гаспар подошел к ним. Ученики опустили взгляд в пол. Все, и даже Инна Ортега, покрылись краской.

– Оливия, что случилось? – Гаспар указал рукой на мальчиков.

– О! – взвинчено воскликнула профессор Ульвен. – Вот пусть сами тебе и расскажут. А то больно взрослыми себя возомнили!

Гаспар окинул отстраненным взглядом Виде и Давида, с рук которых тут же исчезли серебряные бусинки.

– Этот чокнутый ударил меня, профессор! – Вскочил Виде, но под напором взгляда Гаспара Дюбуа сел на место, покраснев еще гуще.

– Было за что, – напоминал Мелисса, на всякий случай сильнее сжав руку Давида.

Таким ученики еще не видели профессора: жаркое солнце Франции исчезло из его улыбки, оставив место медвежьему оскалу. В карих глазах тлело тепло.

Гаспар хотел высказать им так много, но, к счастью, Оливия обратился к нему:

– Директор ждет тебя, Гаспар. – Строго сообщила Оливия Ульвен, вдруг ее голос смягчился, – Но я очень настаивала, чтобы присутствовал Парцифаль, вы же знаете...

– Спасибо, Оливия.

После того, как Гаспар обошелся с директором два года назад, наплевав на субординацию, рассчитывать на теплый прием не приходилось. Иногда Гаспару казалось, что Винцент Вальден терпел его только потому, что он умеет обращаться в медведя.

Войдя в кабинет, профессор Дюбуа тут же ощутил запах кедра, из которого была изготовлена мебель. Точно в кабинете росли живые деревья.

Кабинет директора напоминал библиотеку с редкими книгами, картами и манускриптами. Несмотря на полный бардак, стол оставался практически не заставленным. Время остановилось здесь.

На столе будто бы спал Ахон. Фамильяр нервно подергивал крыльями.

– Вы знаете, что я поощряю страсть к знаниям, профессор

Дюбуа? – Винцент устало улыбнулся. За эту ночь он растратил всю свою энергию на общение.

Гаспар сжал и так больные кулаки, от чего побледнел. Винцент спокойно наблюдал за ним.

– Вы видели Лютика? Он в истерике! Он впустил людей в свой дом, заботиться о крыше, тепле и уюте. И они уничтожают часть его дома, вот так вот просто, наплевав на гостеприимство, уважение к хозяевам, тем более к духам. Инна Ортега уже проявила неуважение на втором курсе, поставив под угрозу жизнь нескольких виверн, случайно, конечно, но... я защитил ее от гнева вашей жены. Понимаю, Ортега не хотела и не желала никому вреда, но наказание, профессор Дюбуа, на этот раз вы не будете выбирать.

Гаспар Дюбуа не стал спорить. Винцент продолжил:

– Вы ведь и сами забывали, мой дорогой друг, что имущество домового это все, что вы видите в Академии. Он все это считает своим домом и чтит его. Я привел сюда Лютика, я убедил его быть домовым в храме знаний, а не в жилище чародеев. Вы знаете, как долго другие домовые в него не верили?

– Могу понять, – только и сказал Гаспар.

– Извольте понять, мне не по душе, что его обижают. Наказание будет соответствующим.

Гаспар недоверчиво посмотрел на директора. От перспективы участия учеников на теле Гаспара проступила шерсть. Винцент мягко улыбнулся, но в его темно-карих глазах бле-

стела холодная сталь.

– Что вы думаете, я заставлю их делать? Вы считаете, что я какой-то изверг? Выгоню их? Вызову родителей? Изобью? Лишу магии? Нынче все меня сводят с ума...

– Ч-что вы... я просто... не знаю, что ждать. Но я могу просто поговорить с ними, не нужно их трогать и все... это же дети. Я куратор, ответственность моя, мне и нести наказание.

– Разве я вас наказывал жесткого? Или кого-то за все время, что вы были в Академии, как ученик или преподаватель?

– Нет.

– Великолепно! Тогда почему вы смотрите так, точно я веду ваших детей на смерть? Оливия туда же: все Парцифалья хотела разбудить... пускай спит, право, зачем его волновать пустяками?

Гаспар не отводил от случайной книги смущенного взгляда.

– Домовые милые существа, но обидчивые. Впрочем, их очень легко задобрить.

Гаспару показалось, что он снова мальчик, сидящий в кабинете директора за очередную провинность. Дрожь пробила его тело.

– Дети поступили плохо, но не хотели ничего дурного, – заверил Гаспар. – Оскорбление домового, это ужаснейший проступок. Но они дети, только учатся.

– Раз вы так беспокоитесь, подумайте вот о чем: они могли

навредить и себе. Удача пленительна, мой друг. С ней нужно быть осторожнее.

– В следующий раз будут, – вежливо ответил Гаспар.

– Следующий? – в его чарующем голосе послышались отзвуки грома.

Винцент Вальден резко развернулся. Ахон остался недвижим. Энергия его магии пропитала кабинет, ощущалась в каждой пылинке. И сейчас она отражалась в его взгляде.

– Я повторяю еще раз: наказание будет легче проступка, – профессор взял в руки первую попавшуюся книгу и устало посмотрел на нее, – Извольте передать своим ученикам то, что я верю, они выучили: у всего есть границы. – Гаспар хотел ответить, но Винцент строго добавил, – Вы можете идти.

Инна Ортега, Давид Олсон, Виде Бьйорк, Мелисса Садовская и Хортензия Клее все еще сидели у кабинета директора, ожидая своей участи, оживленно споря. Когда Гаспар вышел, все резко замолчали.

– Каждый заходит по одному, Инна, ты первая. – Растерянно скомандовал Гаспар.

– Это не должно было выйти так масштабно: пострадал бы максимум стол, – прошептала профессору Инна.

– Иди и веди себя прилично. – Гаспар положил руку Инне на плечо. Ему ли не знать, как проделки в Академии иногда выходили боком.

Инне просто хотелось попробовать найденный в книге рецепт зелья. Самое сильное зелье удачи, которое имеет се-

рьезные последствия, из-за чего являлось опасным и трудным. Кто же знал, что котел может взорваться так, что серьезно пострадают все стены и парты кабинета? Да и ее не интересовало, может ли это произойти, все, что она хотела, это попробовать его сделать. Тем более – ночью. Впрочем, мало у кого зелье могло получиться. Инна решила, что рецепт был неправильный, раз у нее ничего не вышло.

Гаспар Дюбуа совершенно не имел понятия, отыграется ли за него профессор Вальден на учениках или нет. Мало ли, в конце концов, что может быть в голове, когда она работает триста с лишним лет.

Когда Инна ушла, Гаспар обратился к Давиду.

– За что ты его ударил?

– Он оскорблял Инну, говорил, что она... она...

– Ей здесь не место, пускай учится в Испании или России, там много школ, чего сюда лезть, тем более такой, как она, – равнодушно закончила Хортензия.

Гаспар кивнул.

– Защищать друзей, это похвально, Давид, но бить других – плохо, – строго сказал профессор Дюбуа. – Ладно. Зачем было делать это ночью?

– Потому что завтра хотели приготовить лучше всех, раз уж нас поставили в группу. Профессор Ульвен дала свободное задание: приготовить любое сложное зелье. Мы выбрали самое сложное из учебника. – Ответил Давид.

– Только вот в нашем учебнике его нет, – заметил Виде.

– Это все Инна хотела. Мне лично все равно, но раз определили в ее группу... – сказала хором с ним Хортензия.

– А я бы хотела хоть раз сделала хорошее зелье... что я вообще делаю среди вас? – смущенно сказала Мелисса.

Виде решил промолчать, поглядывая на Давида.

– А я не собирался бросать Инну, – Давид пожал плечами. – Мы не хотели ничего плохого, профессор.

– Ну что ж... – Гаспар вздохнул. – Мне даже отчитывать вас не хочется. Вы нарушили несколько правил сразу: ходили по Академии ночью, готовили сложно зелье без присутствия профессора, разозлили духа-хранителя и испортили школьное имущество.

Вдруг Гаспар рассмеялся и солнечно улыбнулся. Ученики выдохнули.

Выйдя из кабинета, Инна сообщила:

– Директор больше не хочет никого видеть. Наказание он скажет завтра.

Больше всего Гаспару хотелось просто лечь спать, да и детям, он был уверен, тоже. Но оставалось еще одно дело.

– Раз у вас теперь столько свободного времени, я позову Лютика, и вы все извинитесь перед ним. – Мягко сообщил профессор.

– За что это? – Усмехнулся Виде.

Хортензия ударила его локтем в бок.

– Нашел о ком так говорить, домового лучше не злить, уйдет еще...

– Ну да, конечно!

– Хортензия права, – мягко сказал профессор Дюбуа.

– Ла-адно. – Сдался Виде.

К извинениям Лютик ждал и подношения: печенья, безделушки – все сойдет.

Утром Гаспар сидел в кабинете Рене, свесив ноги с подоконника. В его руках была горячая кружка ромашкового чая с рутой. Он залпам проглатывал кипяток, вызывая на лице Рене недоумение и ужас.

– Ты слишком перенервничал. – Заметил Рене.

Гаспар усмехнулся. Его усталое лицо наполнилось печалью.

– А у тебя как прошла ночь? – Сменил тему Гаспар.

– До меня дошли слухи, но я не знаю, верить ли им, – начал Рене и запнулся. Гаспар в нетерпении рыкнул, и Рене продолжил, – помнишь, год назад у учеников часто начали пропадать различные безделушки? Браслеты, склянки, все такое. Ванда и Оливия тоже жаловались.

Гаспар кивнул. Рене подошел к Гаспару, голос его был тихим и спокойным.

– Ко мне подходит много учеников рассказать об этом, лично и через старост. Почему-то они считают, что я могу помочь...

– Ты не думаешь, что их просто теряют?

– Я хотел бы так думать.

– О чем ты? – Гаспар напрягся, увидев взволнованный взгляд друга. Он отставил чашку и сжал пальцы в кулаки. От боли в руке по телу прошла дрожь.

Рене будто стоял у обрыва, решая прыгнуть или нет. Прыгая, он рискует разбиться. Но, если он решит остаться на месте, шквальный ветер все равно снесет его.

– Должен ли я поступить правильно?

– Я не тот человек, которого стоит о таком спрашивать, – добродушно улыбнулся Гаспар.

Взгляд Рене остался серьезным.

– Ты единственный, кого стоит спрашивать.

Гаспар посмотрел в окно. По саду гуляли студенты, кто-то шел в астрономическую башню, кто-то в теплицу. Они шептались, обсуждая ночное происшествие. И никто не поднял взгляд, чтобы увидеть взволнованное лицо профессора и понять, что-то не так.

– Ты знаешь, кто это?

– Да, – выдохнул Рене. В этом вздохе Гаспар уловил боль.

Гаспар повернулся к Рене и посмотрел в его встревоженные, светлые глаза. Тонкие губы Рене сжались сильнее, а белая кожа превратилась в мел. И тогда в голосе Гаспара прозвучала надломленность:

– Кто-то из моих?

– Более того, – прошептал Рене.

Гаспар рыкнул и рассмеялся. От этого смеха по позвоночнику Рене пробежал холод.

В библиотеке, разгребая старые завалы без магии, в качестве наказания, Инна и Давид нашли газету тысяча девятьсот пятьдесят третьего года. На главной странице все еще кричала яркая надпись. Давид начал читать небольшой текст под фотографией Парцифалья Регена, со злобой смотрящего на фотографа с высокой трибуны.

– «Обвиняемый по нашумевшему делу, член Высшего Совета Парцифаль Реген принят на должность учителя. Многие чародеи считали, что единственный свидетель и обвиняемый по делу Маделиф Бугард, являясь известным темным магом, убил юную ведьму. Дело расследовала специальный корреспондент Высшего Совета Георгина Адельхейд.»

Инна бросила беглый взгляд на газету.

– Да, бабушка говорил об этом суде. Это дело прославило Георгину Адельхейд.

– Вы уже закончили? – Суви взяла газету и устало вздохнула.

Давид и Инна дернулись, увидев Суви.

– Ты с ума сошла? Тебя же не наказали! – Возмутилась Инна.

Суви усмехнулась.

– Наказали бы, если бы вы соизволили меня позвать с собой. – Суви посмотрела на Давида. – Не ожидала от тебя.

Давид смущенно улыбнулся.

Суви посмотрела на фотографию учителя. Тут ему было

еще пятьдесят. Парцифаль Реген был все так же статен, только молод, а черные волосы, казалось, совсем не отражали свет. Пронзительные глаза смотрели прямо вглубь души Суви, сквозь время и пространство. Суви бы не удивились, если бы профессор Реген теперь знал о ней абсолютно все.

– Мама писала в дневнике, что восхищалась Георгиной, и гордилась быть ее племянницей, хотела быть такой же. Говорила, они похожи, но не упоминала, чем.

– Забудь ты об этом, выкинь газету и все, ничего интересного. – Посоветовала Инна.

Суви нахмурилась и положила газету в рюкзак.

– Нужна помощь? – Раздался голос Лауры.

– Что ты-то тут делаешь? – Вздохнула Инна. – У вас приступ благородства?

– Нет, но...

– Я думаю, вы молодцы, – Давид приобнял Суви и Лауру.

– А я? – Спросила за их спинами Прия.

Ребята потеряли дар речи, увидев Прию. Прия спокойно подошла к одной из стопок книг, начав ее разбирать.

– Не могу же я оставить вас одних, – сказала она под напором их глаз, – кто-то должен проверить, чтобы все было идеально и скоординировано! И чтобы вы не натворили еще дел...

– Фрида бы так поступила, верно? – прошептал ей Давид.

Прия покрылась краской.

Впятером ребята перебирали книги до вечера. Остальные

провинившиеся трудились в другой части библиотеки. Впереди было еще шесть таких дней. За драку Давиду и Виде придется приходиться месяц, так решила профессор Ульвен.

Придя ужинать, Суви услышала разговор Иоланды и ее соседки Рамуне Эгле. Черные волосы Рамуне беспорядочно спускались на острые плечи. Постоянно о чем-то думая, Рамуне то и дело щурила карие глаза. Раньше это раздражало Суви, а теперь казалось даже милым.

Рамуне была лучшей подругой Иоланды и одноклассницей Адама. А также приходилась близняшкой однокласснику Суви.

Рамуне и Иоланда обсуждали задание, которое всем дал профессор Дюбуа. В качестве подведения итогов изученной темы нужно было приготовить доклад об одном из Верховных Чародеев. В роду Адельхейд их было ровно девять, это самое большое количество Верховных Чародеев из одного рода за всю историю.

Первым Верховным Чародеем из рода Адельхейд стал Фрейр, добившийся поста подкупам, уловками и интригами, именно он сформировал Совет таким, какой он есть до сих пор.

После отца пост заняла Летиция Адельхейд, также занимающаяся разработкой структур в Совете.

Утвердив роль практически королевской династии после матери должность принял Амброус Адельхейд, ее един-

ственный сын.

До Фриды самым молодым считался Линус Адельхейд, ставший Верховным Чародеем в тридцать лет. Для начала девятнадцатого века это было крайне шумное и сенсационное событие. И что было более сенсационно – он, любимец народа, добродушный и до безумия открытый, отказался от титула, без объяснения причин. Он был женат на Мальве Адельхейд.

Следующим Верховным Чародеем стал Хёнд Адельхейд, муж сестры Мальвы. Он прославился тем, что боролся с преступниками и ужесточил законы. Так же он открыл первые лазареты для тех чародеев, которые были психически больны.

После Хёнда Верховной Чародейкой стала сама Мальва. Больше всего внимания она уделяла школам, академиям и сиротским домам.

Вскоре Верховной Чародейкой стала Эрика Адельхейд, правнучка Мальвы. К сожалению, ее правление длилось всего лишь год, ровно до ее смерти.

Внук Эрики, Флориан Адельхейд, отец Терезы и Георгины, стал новым верховным чародеем из рода Адельхейд.

– Адельхейд, – раздался голос Иоланды, – мы как раз думали написать о твоих родственниках.

– О всех десяти Верховных Чародеях, – дополнила Рамуне Эгле.

– Их было девять, – поправила Суви. Она уже жалела, что

ответила, ведь знала, какой диалог будет дальше.

– Да ладно, – усмехнулась Рамуне, – сколько вы будите скрывать, что Георгина Адельхейд тайно была Верховной Чародейкой, заменяя своего отца? Это же всем понятно. Вся ее карьера построена на этом.

– И зачем ей это скрывать? – устало спросила Суви.

– Вот об этом я и напишу! – Рамуне обворожительно улыбнулась.

– Если останется место, можно про профессора Регена написать, что его подменили, он так и не вышел из Совета, а нас учит другой чародей. – Вдруг вырвалось у Суви.

– То-очно, непременно напишу!

Как только Суви села к друзьям, Прия сразу же сказала:

– Жаль, что профессор Дюбуа поощряет ее подобные сочинения «развивающие воображение и широту мысли»! Никаких фактов.

– Да, но Адам говорит, что над ней стали меньше смеяться в ее группе, – заметила Суви, когда перед ней появился салат из мальвы с орехами и лазанья с корнем мандрагоры, сныти и бузины.

Прия только фыркнула в ответ, поправив не съехавшие очки. Разговор с Рамуне про чародеев рода Адельхейд, заставил Суви снова задуматься о двоюродной бабушке. Поужинав, она оставила друзей и направилась в астрономическую башню.

Кабинет профессора был выполнен в строгом, минимали-

стичном стиле. Дверь оставалась открытой, но Суви все равно постучала.

– Суви Адельхейд? Прошу, проходи, – движением руки Парцифаль Реген закрыл за ученицей дверь, – что-то случилось в классе или с заданием?

Суви глубоко вздохнула, набираясь сил.

– Это личное, профессор.

– Личное? – Парцифаль указал на диван, – этим вопросом не может заняться ваш куратор?

– Не может, – Суви села на указанное место и крепко сжала рюкзак.

Суви вытащила газету и протянула ее профессору. Парцифаль внимательно рассмотрел ее, точно видел впервые. Его строгий взгляд потеплел, когда остановился на имени Георгины.

– Тетя Тильда говорила, что ее тетя и вы были женаты. Есть даже генеалогическое дерево. Я не очень хотела говорить об этом, но газета...

– Понимаю. Сложно все, да? Так что официально можешь назвать меня двоюродным дедушкой. – Парцифаль горько улыбнулся, – мы с Георгиной не были разведены, она хотела, чтобы наш сын и его дети получили мое наследство. Только я все еще жив. Что же ты хочешь?

– Понимаете, тетя Тильда говорила мне совершенно другие вещи, не те, что написала Георгина в статье.

– Так у всех, – Парцифаль усмехнулся, – я из чистокров-

ной богатой семьи, но рос в обычном сиротском приюте, так что мне поменять факты никто не мог. Но и сказать многое не могли.

Суви заерзала на месте. Парцифаль с интересом отметил огонь в ее глазах.

– Расскажите мне о Георгине. Какой она была и почему написала о вас эту статью. Почему вы работаете тут?

– Сколько вопросов! Этим ты похожа на Астрид, – Парцифаль вышел из-за стола и сел рядом с Суви. От него пахло терпкой корицей, алиссумом и звездами, – Мы с Георгиной познакомились, когда она устроилась на работу в отдел связи с общественностью, а я был уже членом Высшего Совета. Не думаю, что для тебя секрет, что браки в те времена часто создавались по расчету. Таким стал и наш. Георгина просила меня не поступать плохо, она видела в моей тьме что-то прекрасное, а я сделал свой выбор. А она сделала свой, отомстила мне. Почему пошел работать в Академию? Решил измениться. Никогда не поздно, верно? Но я не злюсь на мою Георгину. Я понял, что люблю ее и всегда буду любить...

– Но Георгина давно умерла...

– Все, ведь, сложно, – перебил ее Парцифаль. Его пальцы обводили ее имя на кольце. Голос профессора стал мягким, – Я все равно рядом с ней. Я учил твою маму и Фриду темной магии, и этого мне хватало, точно я становился ближе к Георгине и сыну. Но Георгина бы меня убила за это, – рассмеялся Парцифаль.

– Мама знала темную магию? – Суви чуть не подавилась воздухом.

– А не могла? Астрид Адельхейд всегда хотела быть другой, доказать что-то, как и Георгина, – Парцифаль встал, переместил из другой комнаты чайник и налил Суви уже заваренный лавандовый чай. Все это время они молчали, – как ты уже поняла, она хотела стать оборотнем, я из тех немногих, кто знал это с самого начала. Фрида... она решила, что должна уметь все. А Георгина и Астрид считали, что мир можно изменить лишь самостоятельно, пропустив через себя. И они хотели сделать его лучше, даже поверить во тьму. Но сделали это по-разному и обе обожглись. – Он тихо добавил, – но у одного чародея вышло...

– Может, – поникла Суви и сказала еле слышно, – раз она смогла бросить меня, почему не могла знать темную магию?

Парцифаль снисходительно улыбнулся.

– Я думаю, она не бросала тебя. Она не смогла вернуться. Это разные вещи, Суви. Или я убеждаю себя... – в голосе профессора послышалась горечь, – Я знаю, что Астрид вела дневник. Покажешь мне его?

Не очень хотевшая этого, Суви покорно достала дневник его из рюкзака и протянула Парцифалю. Тот без проблем открыл его и прочитал первую надпись. Ведьмак коснулся пожелтевших страниц и прошептал, подумав об Астрид:

– Я знаю твои секреты, – страницы дрогнули и увеличились, с каждой секундой их становилось все больше и боль-

ше. Парцифаль вернул дневник Суви, – так алхимики прятали свои записи. Главное думать о том, кто наложил чары. Не все темные заклятия страшные. – Он ласково произнес последние слова, но вдруг сделался очень серьезным, даже испуганным, – но не читай сейчас, дай своему горю еще время, ладно?

Когда Суви ушла, Парцифаль призвал огромного грозного филина. Фамильяр по имени Космея встревоженно забила крыльями.

– И все же, никак ты не успокоишься, – заметила Космея, недовольно щелкая клювом.

– Если ты перестанешь ворчать и просто побудешь рядом, я буду благодарен тебе. – Сказал Парцифаль, чувствуя тепло крыльев фамильяра.

Выйдя от профессора, Суви быстро добралась до пустого класса и спряталась за одной из парт. Она получила не то, что хотела. Впрочем, Суви не понимала, чего хотела, придя к профессору Регену. Ведь на самом деле ей было все равно, врала Георгина или говорила правду, был ли профессор таким, как говорилось в статье или таким, какой есть сейчас. Просто ей вдруг понадобилось это сделать.

Она даже и подумать не могла, что профессор может быть близким человеком для Астрид. От этого что-то предательски кольнуло в сердце. Она оказалась ближе и при этом дальше от матери.

Дневник в ее руках жег пальцы. Суви хотелось кричать, но она не могла.

Перед Суви села Лаура. Суви даже не заметила ее шагов, но не дернулась, увидев подругу.

– Я нашла тебя заклинанием поиска... ты как долго тут?

Суви лениво взглянула на часы.

– Может часа два, три... – пожалала плечами Суви.

Лаура посмотрела на книгу в руках Суви.

– Это он? Дневник?

Суви лишь кивнула.

– Когда мама умерла, я долго хранила ее вещи, фотографии. Я не могла без слез смотреть на них, но и не могла убрать в чулан... это было так... так невыносимо. – Лаура мягко улыбнулась. Я списывала это на то, что была маленькой, еще очень маленькой, но, на деле, у чувства тоски и потери нет возраста. Сколько бы нам ни было, не будет легче переживать, как бы ми ни осознавали эмоции, нам не будет легче справиться.

Суви поджала губы и с хрипом выдохнула.

Это пройдет?

– Однажды. – Лаура взяла Суви за руку, – однажды ты проснешься, а небо все еще синее, и боль лишь привкус, а не горький и самый яркий вкус. Я волнуюсь за тебя... мы так и не говорили об этом, я не решалась заговорить, боялась озвучить и ранить тебя. Но, знаешь, это надо, ведь только так ты будешь в порядке.

Суви вытерла слезы, подступившие к глазам, и задорно рассмеялась.

– Я буду в порядке, правда, – соврала она, и обняла подругу, чтобы спрятать заплаканное лицо.

Глава 9. Роза щедро дарит нам любовь

Вскоре наступила весна. В лазарете столпилось несколько учеников. Прия осматривала их мутным взглядом. Медленно она поняла, что находится в лазарете и лежит на одной из кроватей. От осознания разболелась голова. Эхом боли на это ответило тело.

– Солнце? – послышался встревоженный голос Давида.

Прия слабо улыбнулась ему.

– Что случилось?

– По дороге ты упала в обморок. – Быстро выговорил Давид.

Прия по очереди осмотрела встревоженные лица Давида и Суви, которые угадывала лишь по очертаниям. Ее взгляд прошелся по лицам старших на курс Эмблы Энгберг и Кавана Маккаринна, и младшей Ритвы Канервы. Каждый из них составлял Приёе здоровую конкуренцию. И только они решили прийти. Тайно Прия была благодарна им за это.

– Ты ударилась головой, что-то помнишь?

– Я вы... Мы выиграла? – Встревожилась Прия.

– Да, мы все на первом месте как команда. Но отдельно Ритва заняла первое место из всех, второе место Иглика из

Болгарии, а третье эта Кармела Серра из Италии, – с призранием сообщила Эмбла.

Прия хотела пустить в Ритву заклятие, но Давид и Суви сжали ее руки. Ритва смущенно произнесла:

– Сейчас это не важно. Главное, ты в порядке, Прия. Мы все так волновались!

– Вот как...

Прия не смогла договорить, в лазарет ворвалась Инна. Она грозно приблизилась к Прие и, выровняв дыхание, сжала ее в объятиях.

– Ты первый раз обнимаешь меня, – прошептала Прия, не уверенная, как реагировать.

Следом подошла Лаура. Ее голубые глаза блестели тревогой.

– Когда профессор Дюбуа сообщил, что случилось, я приготовилась ринуться к тебе, но профессор Блэр сказала, что это не повод пропускать пару! Нет, я знала, но подумала, что наш куратор ее убедит! – Инна отстранилась и сложила руки на груди, – как ты могла подвергнуть себя такой опасности? Ты должна была, по правилам, покинуть площадку или остаться позади!

– Нет! Не должна!

– Должна! А если это серьезно?

– Я просто месяц назад упала с виверны, это ушиб, – Прия надела очки и до боли придавила их к переносице, – просто ушиб. И не ты ли постоянно рискуешь? Почему мне нельзя?

Инна недовольно поморщилась.

– Инна права. – Вставила Лаура. Суви нечего было ответить.

С разрешения главной целительницы Давиду позволили остаться рядом с Прией. Он пристроился на другой кровати, взяв принесенные командой сладости. Прия не сводила с него взгляд. Вид умиротворенно поедающего конфеты с вишней и вербеной Давида всегда ее успокаивал. В такие моменты в его утонченных чертах появлялась мягкость, легкая и невинная.

Прия вдохнула запах амаранта, сорванного Давидом в оранжерее во время занятия, и сладко улыбнулась.

– Прости... что не послушала тебя. Ты отличный капитан, а я не могу быть в команде не на первом месте. Профессор Кираз сделала правильный выбор, назначив тебя капитаном.

Лишь кротко кивнув, не способный произнести слова, Давид протянул ей пачку с ирисками с нектаром разрыв-травы.

– Я ведь так кричала на тебя.

– Да. Хотела даже расстаться, – Давид подмигнул ей, – но я рад, что ты передумала. – Его взгляд стал серьезным, – но, когда ты оттолкнула Ритву и пошла стрелять третий раз... я должен был настоять, заменить тебя. Я знал про травму и...

– Ты говорил тогда и не летать на виверне, сказал, что у Мирте проблемы.

– А если бы я знал, что будет? Ты бы полетела?

Прия сняла очки и осторожно сложила их. Укрывшись одеялом, она, наконец, спросила:

– Тогда почему ты считаешь, что настоял бы?

Давид протянул руку и над их головами загорелись, точно настоящие, скопление галактик. Они кружились, создавая прекрасные узоры по желанию Давида. Давид и Прия знали их все. Разрушая тишину, они наперегонки называли имена звезд и созвездий. И космос, поднимаясь к потолку лазарета, согревал их холодным мерцанием.

Ночью Прия проснулась от резких звуков. Свернувшись на соседней койке, Давид плакал, судорожно сжимая волосы, словно стараясь их выдрать. Он не спал. Больше не спал. Каждую ночь он видел во сне свое детство.

Давид вдыхал идеально чистый воздух лазарета и никак не хотел возвращать. В его голове отдавались эхом крики драконов и виверн. Все тело, покрытое шрамами, которые он так отчаянно скрывал, отзывалось на воздух жуткой болью.

Прия встала, морщась от боли. Каждое движение сказывалось пульсацией в висках. Она осторожно подошла к Давиду и легла рядом. Точно боясь, что он испугается, кинется на пол виверной и улетит, изнывая от боли в порванных крыльях, Прия обняла Давида, прижалась к его спине, вдыхая тепло в покрытую шрамами и холодным потом шею.

Вскоре Давид уснул, улыбаясь. Ему ничего не снилось. Такие моменты были очень редки, и все они были рядом с Прией.

Утром Прию навестил профессор Дюбуа. Он пришел в сопровождении главной целительницы Эйрлис Корсен. Профессор долго подбирал слова, от чего даже покрылся легкой шерстью.

Прия разволновалась, но сохраняла видимое спокойствие. Эйрлис Корсен приняла самый добродушный вид, отражая в глазах все сочувствие мира.

– Полгода ты не сможешь стрелять, так же кататься на вивернах. Из-за использования огромного количества магии при стрельбе, в чем я, несомненно, восхищаюсь тобой, не каждый способен на такое в шестнадцать, но тебе нужно долго восстанавливаться. Как и залу, где вы сражались... Тут магия бессильна, Хатри. Тебе нужен отдых.

Давид почувствовал, как ногти Прии впились в его руку.

– Но я отдаю тебе должность старосты. Ты отлично сражалась, правда, – Гаспар осторожно погладил Прию по голове, как котенка, которого не может забрать с собой, – набирайся сил. Ладно?

Прия лишь хмыкнула в ответ. Он сжала рукой простынь и выдохнула. Если бы Прия перевела взгляд на профессора, он бы превратился в пепел.

– Если ты не хочешь, я могу вернуть должность Суви. – мягко сказал Гаспар.

Прия посмотрела на спокойное лицо Давида, но в этот раз оно лишь злило ведьму.

– Уйдите! – рыкнула Прия, но еле слышно добавила, – я

не отказываюсь.

Когда дверь закрылась, Давид обнял Прию, крепко прижимая к себе ее дрожащее тело.

Выйдя из лазарета, Гаспар врезался в Сигве. Гаспар набрал в легкие побольше воздуха и судорожно выдохнул.

Сигве сказал:

– А я шел проверить подругу Лауры. Как она?

– Все уже лучше. Но стрелять не сможет.

– Ох, – со свистом выдохнул Сигве, он вдруг внимательно посмотрел по сторонам и наклонился к Гаспару. – Меня пугает ваш друг, Рене.

– Что с ним? – Насторожился Гаспар.

– Он пугает меня. Ходит, смотрит...

Сигве рассмеялся и протянул Гаспару коробочку леденцов, перевязанную лентой, которая явно предназначалась Прие. И тогда он посмотрел в его глаза, бездонные, теплые, уловил легкую печальную полуулыбку. Сердце его до боли сжалось.

– Я поговорю с ним, – мягко пообещал Гаспар.

– Она чуть с ума не сошла от злости? – спросил Адам, устроившись у небольшого моста через речку.

Отвернувшись от Академии, можно было смотреть на еще холодную речку, горы, покоренные мелкой травой и мхом, на

журчащие ручейки, бегущие к ледяной воде. Вершины гор прятались в утреннем тумане. Спокойные и грациозные олени шли к воде, не обращая внимания на людей. Мир застыл, точно надвигался не туман, а буря. Адам подумал, что такую картину мог бы написать Стюарт.

Суви села рядом. Она с печалью смотрела на спокойно покачивающиеся ветки дубов. Их шелест успокаивал.

– От отчаяния. – Суви взглянула на Адама и прищурилась, решая, делиться ли откровенным, – а я поймала себя на мысли, что хочу оказаться на ее месте. Я так захотела так же упасть с виверны и больше не почувствовать в соревнованиях. – Суви вздрогнула, – нет, я люблю стрелять, это захватывает дух и дает ощущение силы. Точно ты можешь все! А стрела, сорванная с тетивы это как жизнь, стремительная и полная случайности. Но все эти соревнования...

Суви уткнулась лбом в колени и с силой сжала рукава зеленого твидового пиджака, собирая силы для улыбки. Цветы на ее пиджаке сжались. Тогда Адам сказал:

– Ты разбираешься в травологии. Я даже видел твою статью... поздравляю, кстати!

Суви никак не отреагировала.

– То есть все, что я могу, определенно мой силой? – спустя время тихо спросила Суви. – В моей комнате, когда исполнилось тринадцать, тетя Тильда поставила мебель с цветочным узором, зачаровала обои с листьями. Они шевелятся, когда на улице ветер или понижают, когда на улице дождь...

там стоит много цветов ... а стены украшают гербарии в рамочке.

Адам пожал плечами, дорисовывая последние штрихи в воображении. Ему так сильно захотелось оказаться в этой комнате, наполненной цветами и запахом луговых трав.

– Почему бы и нет? Зато ты талантлива хоть в чем-то. Так же в тебе есть способность. И ты любишь это, я вижу. А я бы просто хотел идти куда глаза глядят, и может там, по дороге, я найду себя. Кто я? Даже внутри, оболочка, раздираемая ведьмаком и волком.

– Для этого есть слово, от которого ты же и мечтаешь убежать, – заметила Суви, бросив на Адама колкий взгляд.

Суви положила руку на землю и вдруг почувствовала тепло. Это тепло было мощнее тепла от обычных зерен, оно жгло и пульсировало, так быстро, точно сердце колибри. Билось и билось об ладонь ведьмы. Звало, стонало. Просило о помощи.

– Может, отправиться путешествовать и искать затерянные артефакты? – Пожала плечами Суви.

Адам рассмеялся.

– Куда тебе? Мы давно выросли из сказок. Подумай о будущем.

Суви потупила взгляд и смущенно усмехнулась.

– Я же шучу, – нарочито небрежно добавила она.

– Уходи из спорта и читай еще больше книг. Нужно знать, как помочь нам.

– Нам? – Суви сжала землю и, вскоре, рядом с ее пальцами пророс диковинный, святящийся изнутри цветок. Его фиолетово-белые лепестки пахли медом и лесом. Казалось, вот-вот он издаст самые прекрасные звуки, на которые слетятся мотыльки.

– Послушай, – Адам обнял Суви, уткнувшись подбородком в ее плечо. Он глубоко вдохнул запах луговых трав, – ничего нет в наших книгах. Нужно больше!

– Ты даже не заметил этот цветок! Может, ты просто не замечаешь очевидного?

– А ты?

Суви бросила вымученный и восхищенный взгляд на цветок. Он мерно покачивался в своем ритме, точно дышал. Дышал отдельно от всего леса, поляны и гор. Легкие Адама наполнил его запах. Сладкий, тягучий. Ему захотелось кашлять. Завороженный запахом цветка и красотой Суви, Адам произнес на глубоком выдохе:

– Я бы хотел встречаться с тобой.

Суви подняла на него удивленные светло-карие глаза. От возникшей в груди тяжести пересохли губы. Еще никогда так сильно она не хотела откуда-то сбежать. При этом и поступить так с Адамом она не могла.

– Прости, – Адам натянуто улыбнулся, – я не хотел тебя смутить.

– Все... все нормально, – Суви покрылась краской, – просто я не... знаешь, мне нужно подумать.

– Думай, времени у меня много. – Мягко ответил Адам. Но порой и так много времени оказывается очень мало.

Была ясная ночь. Праздник в честь основания Совета Чародеев в Объединенной Школе Магии Ирландии. Мальчишки и девчонки всех курсов шли по дороге. Спокойный ветер еле разносил их звонкие голоса.

– Да здравствует Верховный Чародей! – кричали они, – наш Верховный Чародей!

До того дня ученики выбирали своего Верховного Чародея в честь дня основания Совета. Обычно ими становились не самые успешные ученики. И тогда выбрали одного из отстающих десятилетних мальчиков, сына профессора.

Адам сидел на высоком троне, что несли на плечах старшекурсники. Светлые волосы закрывали его лицо. Адам и звонко смеялся, и горько плакал. Страх, отвращение к этим людям смешались с радостью от праздника, с восторгом от того, что его заметили. Да, все это не было настоящим, да, они не считали его за достойного. Но вот сейчас, прямо сейчас, его несли на плечах без всякой магии. Он возвышался над ними в короне из старых веток ольхи и падуба. Они называли его своим королем. Адам – король!

А дети смеялись. Смелись над ним. Как не смеялись над другими королями.

Дриады осторожно выглядывали, перешептывались. Их шепот слышен был ветром в листве.

– Наш король!

– Да здравствует Верховный Чародей Адам!

– Король Тьмы!

Испуганного мальчика опустили на лодку, уложенную еловыми ветками и полыню, восковыми свечами. Адаму хотелось выть, вцепившись когтями в лодку. Корона, скатившись, закрыла один глаз. Чудом маленькие веточки не проткнули его. Адам ощутил, как заострились клыки.

– Плыви, волчок!

– Наш Король!

На лодке зажгли свечи. Зачарованный, Адам смотрел на огоньки, вдыхая горький запах полни и хвои.

Поддавшись импульсу, лодка поплыла. Буйные, яркие волны, будто тронутые кистью Айвазовского, несли лодку, качали во все стороны. Свечи не падали, огонь развивал нависшую тьму.

Адам никогда не звал отца и мать, никогда не хотел видеть их рядом, но тогда выкрикивал их имена, рычал из-за всех сил. Так отчаянно, так громко, что пробивал криком бой возникших волн.

Адама пробил дрожь. Тело жгло так, словно волны превратились в сполохи огня. Казалось, глаза вот-вот вырвутся из орбит, а кожу прорвут еще слабые кости. Магия, застряв внутри, скоро бы разорвала его тело.

Холодные руки морской девы схватили ребенка, крепко прижимая к себе. Что случилось дальше, Адам не помнил.

Проснулся Адам в лазарете школы, весь перевязанный бинтами. Адаму стало больно двигаться, больно даже думать. Из открытых окон раздавалось веселое:

– Наш Барон! Наш король победил смерть!

– Вы видели великое представление, волка спасла рыба!

– Верховный Чародей! – отдавалось гулким эхом в сознании.

На пристани острова Туле разбушевался ветер. Волны осторожно бились о скалы, словно стараясь дотянуться до леса, чтобы смыть его. Как и в ту ночь на другом острове. Из сна Адама вырвала режущая боль от своих же острых когтей.

Адам окончательно проснулся, почувствовав, как Давид крепко сжал его запястья. Исцарапанные руки Адама покрыла дрожь, но Давид, прилагавший все силы, чтобы сдерживать оборотня, выглядел спокойным. Впрочем, это было легче, чем сдерживать драконов. Но кто-то должен был заботиться о них. Кто-то должен был заботиться и об Адаме.

Тяжело дыша, Адам открыл глаза. В их беспросветной серости застряли осколки луны. Его взгляд упал на шрамы на руках Давида. Адам рыкнул, отклоняя голову назад.

Только тогда Давид разжал ладони, а потом обнял друга. Обминая вместе с ним и того маленького мальчишку, призрака которого тянул изломанные руки из прошлого, так мечтая коснуться горла взрослого себя.

– Я кричал? – голос был Адама точно не отсюда, а застрял где-то там, за ливнем.

– Выл, рычал... я сначала не понял, что это не в голове...

– Прости. – Боль медленно покидала Адама. А на ее место возвращалась тягучая вина.

Всю дальнейшую ночь шел сильный ливень, и нельзя было разглядеть ничего, что было дальше метра от окна. Но двум испуганным мальчикам это казалось лучшим спасением.

Последняя неделя обучения ознаменовалась экзаменами. Так как учитывалась, в первую очередь, работа во время всего семестра, а экзамены были лишь формальностью, четверокурсники должны были написать контрольную работу.

На контрольной по зельям нужно было описать приготовление десяти любых эликсиров продвинутого уровня и сварить отвар от отравления живым ирисом, подробно записать все действия.

На все давалось два часа. И то большая часть времени уходила на то, чтобы раздавать зерна аконита и перетереть их, а потом помешивать полчаса, не переставая и без магии. Иначе, как заявляла профессор Ульвен, нельзя было понять весь смысл труда.

Суви прекрасно справилась с обеими частями задания. На зелье не вырос даже маленький росточек ириса. Ее солнечная улыбка озарила пасмурный день.

На травологии требовалось совершенно немного: отделить ядовитые цветы и травы от неядовитых, магические от не магических цветов и трав. А потом описать один цветок

с особой подробностью: стебель, корень, цветки, особенности и способ сбора, а также цель использования. Суви написала о розмарине: это растение с сине-фиолетовыми цветками следовало собирать на рассвете, так в нем накапливалось больше сока. Его использовали для зелья памяти, и как часть многих подобных зелий, и даже для простой пряности. А еще его очень любили собирать цверги, спускаясь с гор ради них.

Те, кто справился, могли спокойно прогуляться по оранжерее, наблюдая, как остальные курсы сдают практические задания.

Профессор Моен решил, что пока он разгребает горы бумаг, ученики могут походить по Академии. С помощью чар поиска требовалось найти шесть артефактов каждому. Прия все время причитала, что это задание было глупым. И как это было низко для такого интеллектуального и сильного мага, как Рене Моен – дать такое задание. Но Прия взяла свои слова обратно, обнаружив, что к каждому тайнику предлагался ключ в виде использования сложных чар или помощь фамильяров.

Так, проведя экзамены для всех групп четвертого курса, Рене Моен смог успеть выполнить ту бумажную работу, которую откладывал за целый учебный год. Следил за всем Лютик, не терпящий нечетной игры.

К удивлению учеников, профессор Реген решил не проводить контрольную. Вместо этого дети целую ночь смотрели

на звезды и слушали легенды о них. Реальные и выдуманные людьми.

– Всегда бы так, – мечтательно сказала Инна.

– Сегодня день рождения Георгины, – мечтательно сообщила Суви, – мама писала об этом в дневнике.

– Это прекрасно, – вздохнула Инна.

Профессор Дюбуа задал всю неделю готовить проект по пройденным темам и сдать его в день контрольной.

Профессор Блэр не смягчила строгость. Она задала описать за полтора часа всех пройденных животных и особенности ухода за ними. Строго контролируя любую попытку сжульничать. Прии поставили высшую оценку автоматом, так как она получила травму, наклонившись так, что потерявшая контроль Мирте чудом избежала столкновения со скалой. Но сама Прия получила рану и упала с виверны.

– Ты такая благородная девочка! – похвалила профессор Блэр.

– Тоже мне, – закатила глаза Инна.

Прия самодовольно приподняла подбородок.

Профессор Селланд вовсе не задал ничего. Он угостил всех чаем и леденцами, а потом, за пять минут до конца пар сообщил, что оценки выставляются за работу по всему году. Суви было нечего бояться.

После Прия потащила Давида в библиотеку.

– Ты не сделал? Если ты не будешь все делать по плану, то не получишь хорошую оценку! Ты подведешь меня, мы

работаем в команде, помнишь?

– Не забывал, – отозвался Давид.

Давид бросил злобный взгляд на книгу «Ши и чародеи, трактат о великой магии» Линуса Адельхейда и откинул ее небрежным движением пальцев. За это Прия наградила его еще более злобным взглядом, поправив очки. Казалось, не будь стекол, она бы взорвала Давида одними глазами.

– Если мы не напишем эту исследовательскую работу, я превращу тебя в лягушку!

Давид усмехнулся.

– Жаль, что не сможешь! Чародеи, способные обращаться в животных, слишком давно не рождались.

– Но есть один, как оказалось! – уточнила Прия.

– Вы еще не справились? – более бодрая, чем Давид, Суви села рядом. – О, вы выбрали тему Великой Войны ши и чародеев? Мы с Лаурой тоже хотели, но решили не брать. Инна и Мелисса пишут о сожжениях ведьм. Банально, но всегда есть, что сказать... Мальву Адельхейд как-то сжигали, но она управляла огнем. Думаю, было весело посмотреть на их лица.

Суви весело видела с друзьями, пока к ней не подошел Адам.

– Привет, – смутилась Суви. С того дня они не разговаривали.

– Привет. – Адам протянул Давиду книгу о ши, живущих на островах Южной Америки. – Если нужно будет еще, я

найду.

С этими словами Адам ушел, бросив на Суви вполне приветливый взгляд. Но Суви знала, что он смущен и растерян.

– Я не просил ее, – заметил Давид, – но почему бы нам не добавить про Южноамериканских ши? – он подмигнул Прии, не прекращая говорить с Суви, – ты ему ответишь?

Суви выдохнула. Адам ей нравился. И ее к нему тянуло. Но что-то было не так. И Суви не могла понять причину.

– Он не чистокровный, – фыркнула Прия, – ты же из рода Адельхейд, вы все выбираете чистокровных. Даже твоя мама выбрала чистокровного.

– А тетя нет! – с жаром ответила Суви.

– А ты со мной не из-за рода Лунд? Знаешь, может они не Адельхейд... – Давид осекся, виновато взглянув на Суви.

Прия взяла Давида за руку и с нежностью посмотрела на него.

– Как думаешь? – тихо спросила Прия.

Давид покраснел.

Суви резко схватила первую попавшуюся книгу и направилась в отдел о знаменитых чародеях, где стоял Адам. Суви вложила книгу об обрядах горных шаманов десятого века, авторства печально известной Циннии Адельхейд, в руки ошарашенному Адаму.

– Это не правда! – выкрикнула Суви.

– Ладно. – Неуверенно ответил Адам.

Суви приподнялась на мыски и поцеловала Адама. Адам

чуть не выронил книгу. Но потом ответил на поцелуй.

– Я согласна, – сообщила Суви и быстро убежала, оставив Адама в полной растерянности.

И все же он улыбнулся, провожая Суви взглядом.

После контрольных профессор Дюбуа собрал четверокурсников в своем кабинете. Столы стояли небольшим полукругом. Для каждого на столе стояли чай из розмарина и печенья с маслом сандалового дерева. Гаспар Дюбуа хотел создать душевную, теплую атмосферу.

– Я вами всеми очень горжусь. Вы уже проделали огромный путь, – профессор взглянул на Суви, а потом обвел взглядом каждого, – даже если вам так не кажется. Впереди трудный год. И я верю, что куратор пятых курсов, профессор Реген, сможет помочь вам справиться. – Голос Гаспара дрогнул, – мне было приятно быть вашим куратором. Да и учить вас. Жаль, через год расстанемся навсегда.

– Мы тоже будем скучать по вам, профессор! – Хором ответили ученики.

Суви распустила за окном прекрасные белые розы. Через открытое окно слышался их сладкий аромат. Гаспар усмехнулся, и подмигнул Суви.

Некоторые ученики кинулись обнимать профессора. За ними последовали и другие. По щекам Гаспара спустились слезы, путаясь в броде.

Лаура застала Прию одну в комнате. Прия сидела, читая учебник, только вот взгляд ее оставался недвижим. Лаура убрала книгу из рук Прии, но она, будто, ничего не заметила.

– Я знаю, что ты делаешь так каждый раз, когда у команды тренировка.

– О чем ты? – Прия напряглась.

– Я слышала, как профессор Кираз говорит, что видела тебя на тренировках. Ты просто подглядываешь, тайно. Будто брошенный ребенок, который смотрит на теплую уютную жизнь другой семьи.

– Как поэтично, – хмыкнула Прия.

Лаура погладила ее по плечу и сочувственно улыбнулась.

Вдруг Прия сказала:

– Если бы тебя лишили возможности плавать, морская дева, чтобы ты сделала?

– Думаешь, я не понимаю, что ты чувствуешь? – Лаура замялась, но все же продолжила. – Я не говорила вам, но год назад я могла вылететь из команды. Тогда первый раз после смерти мамы я... я почувствовала себя брошенной. Я, конечно, не следила за другими, но все же вела себя не здорово. Я...

– Мне жаль.

Лаура поджала губы и выдохнула.

– Мне тоже жаль, – сказала Лаура.

Маленькие чародеи всех времен верили в феири, и что

они, танцуя ночью, оставляют круги. И по контуру этого круга утром вырастают белые грибы. Адам и Суви подошли именно к такому месту. Они не знали, что рядом, за тисами и холмами, было место, где жили ши.

– Ох, – выдохнула Суви.

У терновника росли кусты бузины и яркие фиалки, тимьян, колокольчики и примула. Солнце освещало поляну, путаясь в цветах и ветках.

– Я же говорил, – сказал Адам, – я знаю волшебное место. Но нам придется подождать.

Суви присела на траву. Фиалки мягко обняли ее руку. Адам сел рядом, с улыбкой смотря на Суви.

– И чего мы ждем?

Адам пожал плечами.

– Воплощения сказки, – просто ответил Адам.

Суви вскинула брови.

– Что, к нам прилетят феи? – Сквозь смех спросила Суви.

Но прилетели не феи. Отделяясь от холмов, вышли маленькие, сантиметров двадцать, существа с золотыми глазами. Они были точно высечены из камня и, казалось, будут неуклюже двигаться. Но, весело шумя, они ловко побежали к цветам и начали их собирать, совершенно не обращая внимание на чародеев.

– Толли? – Усмехнулась Суви. – Необычное первое свидание, ходить, смотреть на троллей.

Адам взял ее за руку и, наклонившись, поцеловал. В его

серых глазах горел подозрительный огонек. Суви улыбнулась сквозь поцелуй и рассмеялась.

Закончив собирать цветы, тролли ушли, забрав свой смех, и оставив без него в душе Суви невероятную пустоту.

– Тролли живут с ши, чародеям не показываются. Я, возможно, единственный чародей, находивший их в копне листьев... Они безобидные, а из цветов варят себе сидр.

– А ты видел, как они это делают?

Адам кивнул. Суви представила, как маленький Адам сидит в окружении крохотных троллей и смотрит, как они из цветов варят напиток. По ее душе растеклось тепло, вырываясь наружу улыбкой.

– Ни чародеи, ни ши не принимают меня. А они приняли, если так можно сказать...

– Значит, ты волшебный, Адам. – Серьезно заключила Суви.

Лицо Адама стало розовым. Он опустил взгляд.

Быстро стемнело. Адам лег на траву, и Суви разместила рядом. Они смотрели на усыпанное звездами небо, когда размером с яблоко, близко к их головам, не поплыли синеватые звезды, выплывшие из терновника. От них веяло теплом и прохладой.

Суви глубоко вздохнула. Адам взял ее за руку и прошептал:

– Дождались.

– Этого стоило ждать, – на выдохе сказала Суви.

Огоньки кружились над ними, задерживались над головами. Суви казалось, что она слышит тонкий, точно хрустальный смех. Не выдержав, она засмеялась вместе с ними. Адам лежал, смотря, как она смеется, окруженная сотней огней. И это было самое красиво, что он когда-либо видел.

Глава 10. Когда расцветают гвоздики в лесах

1777 год.

Кустарники, полные ягод, и ручей, огибающий туманную рощу, пробуждались от сна. Холодный ветер с неумолимой силой разносил истории о дальних берегах, бушующем море, где он только что побывал. Он так хотел рассказать, вот только не мог, затихая в перипетии тумана.

Воздух наполнил свежий запах диких роз.

Солнце вставало, окрашивая поле и березовую рощу в медно-рыжий, точно на них застыла давно пролитая кровь.

Хёнд Адельхейд наклонился над мальчиком, которому только исполнилось девятнадцать. Хёнд смотрел в его пронзительные, болотного цвета глаза, и что-то надрывалась от осознания правды. Только вот глаза эти и были болотом: глубоким, затаскивающим в себя и губящим, трясинной. В этих глазах уже потонуло заживо сотня оборотней.

Хилюр улыбнулся ему, надломлено и искренне. Почему-то он был счастлив, сейчас, смотря на Хёнда в утреннем тумане, зная о его планах, и слушая тревожный шелест травы, наслаждаясь ее пробуждением. И тогда он почувствовал,

как руки Хёнда, коснувшиеся его лица, дрогнули и похолодели. Хилюр хотел призвать цветы, вырастить их, но запястья крепко сжали тугие серые бусинки. Магия больше не была подвластна ему.

– Разреши, – тихо произнес Хилюр, – последний раз, хоть один... один цветочек, – голос его, мягкий, еле окрепший, переполнился подступающими слезами.

– Не могу. – С трудом ответил Хёнд, чувствуя на себе тяжёлый взгляд.

Наступила минута, в которой не было слышно кузнечиков и сверчков, проснувшихся птиц. И даже деревья притихли.

– Мой папа, – вдруг сказал Хилюр, – как-то сказал, что защитит меня от мира: от невзгод, от зла, от моего проклятия. Он сказал... сказал... ска-азал... – Хилюр заплакал и рассмеялся, глаза-болота обратились в море. – Мне холодно, папа...

– Замолчи, – Хёнд хотел сказать это резко, но вышла жалобная мольба.

Хёнд дотронулся пальцами до холодного лба Хилюра, и запел, тихо, мерно, чуть покачиваясь, баюкая юного чародея в своих руках.

– Спи, засыпай, засыпай ведьмак в последний раз.

Хилюр выдохнул и закрыл глаза. Слабость наполнила его хрупкое тело. На измученном эмоциями лице отразился покой. Плотно сжатые губы дрогнули в улыбке, разгладилась привычная складка между бровями, которой он пошел в от-

ца. Веснушки казались золотом в лучах утреннего солнца. Этим туманным, холодным утром не было ничего прекраснее.

– Ты, правда, сделаешь это? – Спокойно спросил Винцент.

– Что? – Линус Адельхейд озадаченно посмотрел на них, – о, боже! Вот зачем ты собрал нас!

– Я решил, что люди, которым я доверяю больше всего, сохраняют мой секрет.

Они были здесь, далеко от людей и свидетелей, только вчетвером: верховный Чародей, юный убийца, устроивший геноцид, бывший Верховный Чародей и тот, кто привел их сюда.

Холодный весенний ветер обдувал их в предчувствии беды.

Вместо ответа Хёнд призвал фамильяра, орел разместился на его плече. Потом Хёнд повернулся к Винценту и протянул ему руку. Детский, неистовый восторг отразился в глазах Винцента, и он сделал шаг.

Линус тоже призвал фамильяра, кота, и взял Винцента за вторую руку. Их крупные фигуры нависали над спящим Хилюром. В горле Линуса скрежетала сталь. Никто из троих не сможет забыть это утро.

Глаза фамильяров засветились.

Хёнд начал шептать слова, положив ладонь на сердце Хилюра. Где-то там, под костями и кожей, оно сладко билось, отстукивая ритм. Древний, давно забытый язык слетал с губ

Хёнда и растворился в тумане. Хилюр не смог бы закричать, даже если бы захотел.

Винцент и Хёнд ощущали магию, живую и теплую, бегущую по их жилам, и принимали ее в себя, как родную. Линус лишь слегка ощущал ее, холодную, чужую. Не просыпаясь, Хилюр извивался от боли, ломающей его тело. Душа его не могла, не хотела прощаться с самым ценным.

Когда последняя капля магии покинула тело Хилюра, он обмяк в руках Хёнда.

Хилюр открыл глаза. Его душу пронзил холод: в ней, запертой между ребрами, клубилась пустота. Боль, отчаяние и неутолимая жажда засветились в глазах. Хилюр не смотрел на ведьмаков, он видел что-то за гранью.

– Он проснулся? – выдохнул Хёнд.

Линус хотел наклониться к Хилюру, но упал. Ему в нос ударил запах сырой земли. Земли, из которой Хилюр больше не вырастит цветок. Лежа, теряя сознание, он видел, как трясется тело Хилюра и как бездонно раскрыты в вечность его болотные глаза.

Хёнд неотрывно смотрел в эти глаза.

– Что я наделал?

– Хуже, чем убил, – будничным тоном заметил Винцент.

Винцент с примесью интереса и ужаса смотрел на Хёнда и Хилюра.

– Это ты... ты предложил.

– Но только ты принял решение. Ты вывел его из тюрьмы

и здесь исполнил приговор. Ты ввязал в это нас.

– Что с ним будет? – голос Хёнда казался пустым, как глаза Хилюра.

– Сойдет с ума и покончит с собой. Вернее, с тем, что от него осталось. Как морская дева умирает без воды, дриада без деревьев, так и ведьмак умирает...

– Без магии, – закончил за него Хёнд, и голос его дрогнул.

– Пойдет вслед за матерью. Он и так много повторил за ней. – Заметил Винцент с чересчур отстраненным голосом.

Винцент взглянул на Линуса и подумал, что того рано было приводить в чувства. Туманный воздух стал разряженным и натянутым, в предчувствии бури. Винцент завидовал Линусу. Вот бы тоже потерять создание, хоть на миг!

Хёнд склонился над Хилюром, провел рукой по его рыжим волосам и последний раз взглянул в трясину болотных глаз. Винцент отвернулся и направился к кусту ежевики, березе или к той глубокой яме, куда угодно, лишь бы не видеть. Сердце его закололо и сжалось, по лицу, обжигая морозным утром щеки, катились слезы. Он мог поклясться, что слышит, как скулит земля, шелестят в немом отчаянии ветки берез и плачут дриады.

Хёнд Адельхейд смотрел на тело девятнадцатилетнего Хилюра и хотел бы плакать, выть, но не мог. Тепло забранной магии все еще до отвращения грело его. Хилюр убил столькоких невинных существ, не чувствуя вины и раскаяния, так почему было так горько, почему ком в горле мешал ды-

шать, почему невыносимо больно?

Хёнд аккуратно закрыл глаза Хилюра и, оставив тело, направился к Винценту.

– Ты потерял ценный экземпляр из своей коллекции: ведьмака с редким даром. – С едкой злостью заметил Хёнд.

– Да, – ровным тоном ответил Винцент. – А что потерял ты?

– Душу.

Сердце Хёнда покрылось толстой коркой льда.

Винцент и Хёнд вернулись к ним: к пришедшему в себя Линусу и холодному телу на его руках. Но прежними они уже никогда не уйдут с этой рощи.

1953 год.

Тысяча девятьсот пятьдесят третий год стал для советника Регена переломным. Его карьера шла в гору, он стоял, как тень, за уже вторым Верховным Чародеем, ловко прицепив к пальцам нити. Конечно, иногда помогала и родная темная магия. Но он хотел больше, он хотел сам взойти на главный пост.

Все испортила молодая ведьма Маделиф. Кроме гордости и уверенности в своей неприкосновенности, Парцифаль имел слабость рассказать двум людям о своих грехах: своему бывшему профессору, с которым после окончания Академии вел переписку, и своей жене, с которой делил этот союз уже десять лет.

Не то чтобы они вышли друг за друга по любви, просто каждому стал нужен брак. Парцифалю, по прошлым законам, отмененным только в начале шестидесятых, нужно было жениться, чтобы претендовать на пост Верховного Чародея и иметь более высокий статус в Совете. Георгина Адельхейд получила спокойствие. Война шла полным ходом, касаясь магов, уничтожая их, и в агонии войны такой поступок казался Георгине отличным способом быть уверенной хоть в чем-то. Она стала статной дамой, с работой, успехом и семьей. У нее оказалось все, что ей хотелось. Но не так, как хотелось.

– Она кинулась с обрыва! – сокрушалась Георгина, грозно смотря на мужа. И не говори мне, что это несчастный случай. Это ты довел ее, внушая ей чужие эмоции! Ты же знаешь, что это опасно и запрещено. – Георгина развела руками. – Ты даже не скрывал свою причастность.

Парцифаль поморщился, взяв со стола гроздь граната. Их горечь вызвала у Парцифалья улыбку.

– Нужно купить еще, – заметил он.

– В ее теле нашли воздействия чар! Они доказали, что самоубийство подстроили, Парцифаль! – с нажимом произнесла Георгина.

Георгина казалась очень милой и мягкой внешне, но ярость превращала ее в разъяренного коршуна с рыжими кудрями, рядом с которым лучше было не стоять. Даже не смотреть.

– Она умерла!

– Я этого и добивался, дорогая, – будничным тоном ответил Парцифаль, точно его спросили, что он будет на обед, и взял еще граната.

Парцифаль оторвал взгляд от газеты и взглянул в светлые, горящие злостью глаза жены, изящные черты лица и изрытый морщинками лоб. Он находил ее очень красивой.

– Как ты думала, я поступлю? Как еще заставить ее замолчать? – Парцифаль приподнял брови.

– Ты просто мог дать ей немного зелья, – Георгине стало дурно от этих слов, – ты мог бы подчинить ее, довести мозг до безумия, мог бы изменить ее воспоминания, стереть с земли. В конечном итоге, всегда можно обратиться к древним вуду и некромантии, я знаю, ты владеешь этой стороной темной магии. Но ты выбрал публичное самоубийство, еще и рассказал, что знаешь нужное заклятие. Почему, Парцифаль?

Парцифаль замер. Он неуверенно взглянул на жену и быстро отвел взгляд. Как Парцифаль мог признаться жене, что каждый раз, только подобные мысли приходили к нему в голову, он отгонял их. Бежал от этих вопросов как можно дальше.

– Чего ты добивался? Хотел проверить, как далеко можешь зайти? – Спросила в воцарившейся тишине Георгина.

– Нет. Я-я... я не знаю... – голос Парцифала дрогнул. Георгина заметила, что только сейчас за все эти годы брака он

показался ей живым, не переполненным холодным блеском звезд чародеем, а простым человеком.

Но это быстро прошло, как только Парцифаль сказал:

– Ты знала, за кого выходишь. Верно? Пойми, она мешала мне стать Верховным Чародеем. Что оставалось? Мне жаль эту Ме... Миртл... Маделиф, но каждому свой путь.

Все эти десять лет Георгина закрывала глаза и резко открыла их. Открыла и теперь не могла спокойно смотреть. Реальность больно прожигала глаза.

– Она помогала тебе, была твоей первой рукой! – Георгина вглядывалась в его черные глаза, в надежде заметить там хоть один блик печали.

Но Парцифаль спокойно и еле слышно сказал:

– Я должен сместить Флориана раньше, чем тот соизволит умереть.

Георгина побелела.

– Даже не смей так говорить про моего отца! Я выходила за человека, который рассказывал мне про космос. Пока все говорили, какой ты черствый, я видела, как тебе становится тепло от холодного света звезд и падающих комет. А не за того, кто ради власти и сохранения мнимой чети готов свернуть чужие шеи. Может мы и не вышли по любви, но я не просто так выбрала тебя! Ты думаешь один мне предложение делал?

– Мы женились по расчету, ты сама сказала: не любишь меня, так к чему эти речи? Может ты и выбрала меня из-за

звезд, это уже не важно. – Сдержанно ответил Парцифаль. Ему вдруг стало неприятно от слов Георгины.

– Я запрещаю тебе видеться с сыном! Сильвестр не будет помнить тебя!

– В свои шесть? Нет, он запомнит. Сильвестр всегда будет помнить и уважать своего отца!

– Я отправлю его к маме и Терезе, а ты... ты не приблизишься к нему, Парцифаль!

– Думаешь? – улыбнулся Парцифаль.

Всю ночь Парцифаль провел в кабинете. Он не спал, наблюдая за звездами. Как же давно он не занимался любимым делом. Ребенком Парцифалья нельзя было оторвать от телескопа. Все, что оказалось нужно мальчишке из приюта для детей чародеев, это звезды, за которыми ему разрешала смотреть старшая воспитательница, жалея мальчишку. Это она купила ему первый телескоп.

Попав в Академию благодаря ее стараниям, Парцифаль не забыл любимое занятие. Магия и звезды пленили его. Лучший, самый популярный ученик на курсе и староста, примерный и прилежный ребенок. Такого с радостью приняли в стажеры в Совет.

Совершенно без стука, на рассвете, к Парцифальному пришел Винцент Вальден. Профессор выглядел встревоженным. Остатки беспокойного сна одолевали его. На его плече сидел черный ворон, такой же уставший и сонный.

– Профессор?

Винцент зачаровал комнату, лишив возможности что-либо услышать или войти.

– Что ты делаешь, Парцифаль? – забыв о всяких правилах вежливости, спросил Винцент. – Ты поминаешь, что об этом узнают? Антея мне показала, что с тобой будет, если ты...

– Никто не знает, да и у вашей нимфы редко бывают правильные пророчества, – оборвал его советник Реген.

– Мне пришло сообщение с фамильяром от Флориана, против тебя ведут расследования, и его ускорили из-за донесения твоей жены. А на рассвете выйдет статья Георгины. Впрочем, эта статья только повод, они уже давно готовы напасть.

Парцифаль выглядел спокойным. Он с грустью подумал, что ему совершенно не больно от поступка Георгины. Впрочем, за десять лет Парцифаль к ней более чем привязался, и ему стало жаль, что все так вышло. Георгина всегда пыталась его сдерживать, напоминала про звезды, о которых он напрочь забыл. Теперь же все это было не важно.

– Что вам нужно? Флориан вас послал?

Винцент почувствовал легкое покалывание в теле, от которого любой бы упал, крича от боли. Это вызвало на его лице усталую ухмылку. Винцент закатил глаза и вздохнул.

– Я наблюдал за тобой в Академии, ты всегда был сильным чародеем, тянулся к знаниям. За тобой шли люди, все ученики, даже презиравшие тебя, выполняли твои просьбы. А то, с какой быстротой и легкостью ты освоил все уголки

темной магии, – не сдержал восхищения Винцент, – и ты так бездумно подставляешься? Ты ведь знаешь, что Совет только искал повод, чтобы убрать тебя. И ты лично вручил им его в руки! Тебя лишат жизни, Парцифаль! В тебе такой дар, ты самый интересный собеседник за всю мою жизнь, и хочешь так глупо лишить меня этого? Не губи талант. Даже не станут судить. О, нет-нет, мой дорогой друг, они не убьют тебя, они лишат тебя магии! Они лишат тебя звезд! Ты этого хочешь?

Парцифаль покрылся холодным потом.

– Они точно знают, что я сделал? – осторожно спросил Парцифаль, хотя и сам все понял.

Винцент взглянул на дверь. Дверь дрогнула от сотворенной магии. Винцент и не думал, что они придут исполнять приказ так быстро. Парцифаль побледнел. Конечно, не убьют! Лишат магии, навсегда ослепят, чтобы не видел смысла жить. Он смотрел в лишенные надежды глаза Винцента, и стало так страшно. Парцифаль почувствовал себя тринадцатилетним мальчишкой, с испуганными, но горящими, жадными до знаний глазами, наблюдавшим за профессором на уроках.

– И куда же мне идти? – его голос словно доносился из тех времен.

– Куда угодно, – Винцент многозначительно обвел комнату рукой, – чародей, знающий наизусть все эти книги, решительно найдет себе место, куда бы ни шел. Только обещай, что уйдешь далеко от власти и сохранишь свой пытливым ум

от недостойного конца.

Парцифаль встал. Он чувствовал, как члены Совета снимают чары, не дающее подслушать. Он медленно подошел к бывшему преподавателю и взглянул в его беспокойные глаза.

– Если вас так волнуют знания в моей голове, профессор, лучший способ их сохранить, это Академия, верно? – Парцифаль сдержался, чтобы нервно не взглянуть на дверь, – дайте мне место в штате, мои знания будут под вашей защитой и далеко от любой власти. Это мои условия.

– Ты думаешь, там тебя не найдут?

– Я не знаю, что связывает вас и Верховного Чародея Флориана, но я уверен, что вы сможете защитить своего подчиненного от его гнева. Не знаю как, но, если мои знания и возможность говорить со мной вам так важны, вы поймете, за какие дергать ниточки. – Практически шепотом сказал Парцифаль.

Винцент Вальден опешил, а потом мягко улыбнулся.

– Тогда добро пожаловать обратно в стены Академии, на земли острова Туле, свет мой.

Парцифаль недоверчиво покосился на профессора. Дверь снова дрогнула. Винцент без всяких усилий сломал запечатывающее заклятие.

В кабинете никого не обнаружили.

1990 год.

Три рыжие девушки спустились вниз к бурной реке. Река

текла, огибая дубовую рощу. Именно здесь две из них, самые младшие, устроили себе небольшой шалаш, еще будучи детьми. Фрида и Астрид быстро пересекли рощу, а потом остановились у прозрачной воды. Матильда спокойно шла следом, то и дело оглядываясь.

– Мы никуда тебя не заведем, не волнуйся, – рассмеялась Астрид, прищуриив черные глаза, – впрочем, можем обернуться волками и съесть!

– Эй, – Фрида сдержала улыбку, ткнув среднюю сестру в бок.

Тильда молча села рядом с ними. Астрид и Фрида были еще юны и наивны, а Матильда чувствовала на себя необъятный груз. Мама тяжело болела и хотела выдать дочь замуж за влиятельного чистокровного мага из семьи Лунд, пока еще не умерла. Матильда его не знала, да и знать не хотела.

– Ты такая нервная последние дни, все в порядке? – Фрида осторожно коснулась плеча Тильды.

– Матушка тебя замуж выдает, как она и мечтала, за чистокровного, и Фрида своего чистокровного Рене любит.

– Агги! – Фрида грозно сверкнула глазами.

– Не называй меня так! Я не виновата, что наша послушная дочка не может сказать матушке, что не хочет. И что любит другого, – Астрид пожала плечами, – тут и провидцем быть не нужно. Двадцать семь лет, а соглашается на такое!

– Я не... – запнулась Фрида, покрывшись краской – неважно, отстань от Тильды. Сама разберется.

Матильда глубоко вздохнула. Молча она сняла обувь и вошла в холодную воду. Подол платья тут же стал мокрым. Матильда и не вздрогнула от холода.

– Я согласилась и на этом все, не пытайтесь. – Мерно, без какой-либо эмоции сказала Тильда.

– Фрида решила, что вдали от родителей ты одумаешься, хотя и делает вид, что ей все равно, а дело есть только мне.

Фрида пуще прежнего покрылась румянцем, но промолчала.

– Я уйду, уеду, не знаю, что будет потом, но так лучше, – сжав кулаки, сказала Тильда. Ей близилось тридцать, и жизнь требовала изменений. Даже Матильде они были нужны. Последнее время она так злилась, что даже вещи не хотели выполнять поручения.

– С мужем? – настороженно спросила Астрид, переглянувшись с такой же настриженной Фридой. Они и не думали, что старшую сестру не устраивает заниматься делом родителей. Она выглядела такой же увлеченной, как Тереза и Веса.

– С мужем.

К реке спустилось два парня. Одному было внешне чуть больше двадцати. Он был худощавым, не скрывал сотни шрамов и улыбался так, точно хотел оскалить клыки. В его синих глазах фиолетовыми бликами отражалось солнце. Его черные волосы спадали чуть ниже линии подбородка. Сзади шел пухловатый добродушный паренек, которому было под тридцать лет.

Илари похлопал Эди по плечу и остановился. Эди пошел дальше. Увидев их, Матильда застыла и стала бледной. Как давно она не видела его. Он так вырос... Сердце сжалось от боли.

– Я слышал про свадьбу, – Эди замялся, оглядев взглядом Фриду и Астрид.

Улыбнувшись, сестры поднялись к Илари. Матильда проводила их укоризненным взглядом.

– Тебя не приглашали... как ты узнал?

– Твои сестры написали. Это были самые ужасные два письма в моей жизни.

Матильда вскинула брови, но ничего не ответила.

– Если бы ты был ведьмаком, или я не была ведьмой. Было бы...

Эди подошел к Тильде, не обращая внимания на воду, приобнял ее, аккуратно положив руки на талию. Он прикоснулся к ней впервые за четырнадцать лет, и этот факт превратился в глубокий вздох. Эди смотрел на ее лицо, которое не видел так давно, но никогда не забывал. Ее тонкие губы чуть дрогнули, а потом снова приняли вид тугой нити.

– Все было бы легче, да?

– Мне запретили с тобой общаться.

– Мы писали друг другу с тринадцати лет, как ты уехала на остров Туле, помнишь?

Матильда резко прижалась к Эди, уткнувшись подбородком в мягкие плечи. Как много дней она мечтала так посту-

пить. Но остров Туле, Эстония, все это было так далеко от Швейцарии. И еще дальше от всего были они оба.

– Я рада снова слышать тебя. Видеть. – Матильда сильнее прижалась к нему, забывая о женихе и прочих вещах.

Заливаясь слезами, Илари Койвисто приобнял двоюродных сестер.

– Посмотри на них, – Астрид прислонилась к Илари, желая спрятаться в теплых объятиях оборотня. – За такое ее не вычеркнут из рода? Адельхейд не прощают...

– Я же тут стою, верно? Не волнуйся.

– Для Терезы ты всего лишь благотворительность. Если бы твоя мама не умерла, она бы и видеть тебя не захотела рядом. А так – приютила сиротку-племянника. Ну и пусть оказался волчонком, с кем не бывает? Не родной же.

– Нет, дорогая Астрид, может, так и было, но сейчас она искренни, заботится обо мне, я вижу.

– Я рада, что мы послушали тебя, братец, и написали Эдварду, – сменила тему Фрида, не желая дальше их слушать.

Фрида и Астрид радостно улыбнулись, смотря на Эди и Матильду.

Эди тихо прошептал:

– Ты станешь моей женой, Матильда Адельхейд?

1993 год.

Иво склонился над кроватью мирно спящей Суви. Прошло несколько месяцев с тех пор, как Суви потеряла своих

бабушку и дедушку. Она не будет их помнить, изучая старые фотографии, и это очень расстраивало Иво.

– Фрида так и не решила снова сойтись с бедным Рене. Парень, по мне так, хороший. Ему же и лучше. А родители так надеялись: чистокровный, сильный маг, перспективный. Стоило им сдохнуть и все, обещаниям сестры и след простыл, – Астрид победно похлопала в ладоши.

Иво сморщился, наблюдая за ней. Иво видел ее на соревнованиях, в библиотеке и всегда восхищался. Его пленили темные глаза Астрид и огненные волосы. Весь погруженный в книги и камни, Иво находил время, чтобы хвостиком бегать за средней Адельхейд.

Иво всегда забавлял Астрид. Но чаще всего быстро надоел.

Иво видел перед собой всю ту же красивую, буйную девушку, которую все еще любил. Вот только теперь поверх любви легли обида и боль. После смерти родителей Астрид, Иво наконец увидел, как жена относилась к нему. Как она смеялась, как разрешала к себе прикасаться лишь до рождения Суви, как нарочито терпела.

– Ты еще не собрал свои вещи? – вдруг спросила Астрид, – может, пойдешь к Фриде, она свободна, а ты у нас чист кровью, – рассмеялась Астрид.

Иво глубоко вдохнул и выдохнул пыльный воздух. Не помогло.

– Да ты всегда завидовала Фриде! Сама с ней больше но-

сишься, чем твои покойные родители. – Наконец выкрикнул Иво, покрывшись краской.

– Чушь! Родители всегда пылинки сдували с чертовой Фриды. Даже мое замужество на чистокровном чародее, на фоне брака Тильды, и рождение их единственной внучки не принесло плоды.

Астрид глубоко вздохнула.

– Ох, – Иво попятился от люльки, – так вот зачем тебе брак, вот почему ты так быстро захотела ребенка! Ты использовала нас!

– Брось, Иво, – усмехнулась Астрид, – никаких «нас». Суви – моя дочь, а не твоя. Ты ей – никто! Я использовала тебя.

Иво снял очки и крепко сжал оправу. А потом резко, отрывисто кивнул.

Он хотел наклониться к дочери, мягко поцеловать ее в лоб, но развернулся на каблуках и быстро вышел, покрытый краской.

Через несколько недель родители Суви развелись.

1998 год.

Парцифаль нашел ее могилу на одном из кладбищ в Кёльне. Тут Георгина Адельхейд провела свои последние годы жизни. И уже десять лет как покинула мир.

– Ты же всегда говорила, что умрешь раньше. – Парцифаль положил на ее могилу белые розы, усмехнулся, – прости меня.

Парцифаль сел рядом с могилой. Тут покоилась одна странная богатая старушка. Местные жители удивлялись, кто же пришел к ее могиле, какой-то подозрительный мужчина. Они знали, что у семидесятилетней тогда Георгины остались только слепой сын и внук, больше и не приходил никто. Конечно, Тереза навещала сестру, пока сама не осталась на кладбище в один день с мужем. Жизнь странных старушек всегда была покрыта особым мраком и не забывалась даже спустя двадцать лет. Особенно, когда к их могиле приходит статный старый мужчина.

Парцифаль печально вздохнул, подняв взгляд к любимым звездам, скрытым за лазурью неба. Звездам, которые напоминали Парцифалю о той, которую он никак не мог забыть. Хотя и долго боялся признаться самому себе, что полюбил жену. Понял, лишь ступив снова на зачарованный остров Туле.

– Мне так жаль, дорогая. – Прошептал Парцифаль.

Профессор Реген сидел так до утра, напевая колыбельные, которые Георгина пела их сыну. Сыну, которого Парцифаль не видел слишком много лет.

2000 год.

Начало ноября выдалось туманным и холодным. Целый день серая пелена не покидала город. В промозглом воздухе точно зависли капли в предчувствии дождя. С деревьев опадали последние, грязно-рыжие листья. Город готовился

к зиме.

Пока Суви играла в своей комнате, Эдвард и Матильда пили на кухне горячий чай с тимьяном. Их тихие, точно чужие, голоса не покидали кухню.

– Астрид не приедет, – наконец озвучил общую мысль Эдвард. Муж и жена уже несколько месяцев боялись даже подумать о таком.

Матильда кивнула. Что ей было еще делать?

– Нужно отправить Суви в местную школу. Девочка Хатри ходит в ту, что рядом с парком. Думаю, с новой подружкой Суви будет комфортнее. Нужно отправить в Совет прошение на опеку, – Эдвард увидел встревоженный взгляд жены и добавил, – у нас нет другого выхода, твоя сестра бросила дочь. Но мы не можем ее бросить, дорогая!

– Бросить? С чего ты взял, что я ее брошу? – Матильда тяжело вздохнула и уронила голову на руки. – Астрид все делает не так, как нужно. Никогда не знаешь, что от нее ждать. Вышла замуж не по любви, чтобы доказать что-то, родила для этого ребенка... Не нужна была ей Суви, и не стала теперь, вот и бросила она ее, какие тут загадки?

– Может, случилось что-то, – сказал Эдвард, отгоняя дурные мысли. – Я уверен, Астрид любила дочь.

– Никого наша Астрид не любила, кроме... – Тильда осеклась, смотря на листья одуванчика в чашке чая, – кому это сейчас важно?

– Пусть так. Завтра мы должны связаться с Фридой и сде-

лать все по правилам. Только что Иво? Ты говорила с ним?

– Да. Но он ничего не ответил. Все бросили бедную девочку, – Тильда заставила чашки полететь в мойку. – Мы с Астрид поссорились тогда, восемь лет назад, потому что Иво больше не обозначен отцом Суви. Я настаивала, говорила «раз выбрала не любимого в мужа, не значит, что не нужно уважать его права», да без толку. Иво об этом так и не узнал.

– Мы можем удочерить Суви?

Тильда вздрогнула от нотки надежды в голосе мужа.

– Я думала, мы решили, что раз не выходит, то не будет заводить детей, что нам это не так важно, – напоминал Тильда, с сомнением глядя на Эди.

– Я тоже так думал, – Эди упер взгляд в пол.

Тильда встала, обняла Эдварда, положив голову на его плечо. Она думала о том, как ей повезло, в отличие от сестер, найти человека, с которым было бы тепло и уютно, как дома.

– Можем.

Вечером Эдвард отпаривался навестить Суви, она не спустилась к ужину. Суви сидела на кровати, которая была слишком большой для нее, прижав колени к груди.

Услышав, как Эди открыл дверь, Суви подняла на него красные, опухшие глаза и быстро вытерла дорожки слез. Она натянуто улыбнулась.

– Милая моя, – Эдвард сел рядом с Суви и погладил ее по

голове, – что случилось?

Суви не смогла смотреть дяде прямо в глаза. Дядя и тетя ей очень понравились, и она бы с радостью прожила с ними хоть всю жизнь, но почему же при этом не должно быть мамы и папы?

Суви сильнее прижала к себе колени. Слезы снова подступили к глазам, и Суви отвернулась, вытирая их. Эди мягко повернул ее голову на себя и сказал:

– Не нужно стесняться слез, Суви, плакать, это совершенно нормально.

– Я взрослая – мне уже восемь лет. Я не могу плакать!

– Да, – согласился Эдвард, – восемь – это очень много. Но плакать все равно можно. Я тебе разрешаю. Я сам часто плачу по вторникам и иногда по субботам, по субботам очень хорошо плакать, – подмигнул ей Эдвард.

Суви звонко рассмеялась. От ее смеха и Эди захотелось смеяться.

Суви кивнула своим мыслям и с взглядом, полным доверия, сообщила:

– Я слышала ваш разговор. Мама бросила меня. Почему она меня бросила? Она не любит меня, да? И папа не любит меня...

– Эй, милая, что же ты так? – Эдвард ласково погладил Суви по спутанным рыжим волосам. – Тебя все очень любят. И мы с тетей Тильдой тебя очень любим.

– Правда?

– Кончено, – улыбнулся Эди, прижимая Суви к себе.

– Ты расскажешь мне снова про сотворение магии? – Спросила Суви.

Эдвард вздохнул и потер виски.

– Ты же столько раз слышала ее.

– Мне нравится, как ты ее рассказываешь. Пожалуйста.

– Хорошо, слушай тогда.

– Когда-то очень давно на земле жили люди и волшебные существа, обитающие в лесах. Одними из них были ши. Ши могли управлять огнем, воздухом, водой и землей, понимать животных, баловаться, создавая иллюзии и обращаясь в различных существ, редко они предсказывали будущее. А еще они долго жили и сами решали, когда им умереть. – В голосе Эдварда плескалась в свете луны древняя магия, – добрые Ши заботились о людях, помогали и защищали. – Голос Эдварда наполнился знаниями, скрытыми в потерянных манускриптах. – Но все изменилось, когда вместе с мелкими камнями из космоса на Землю пришла другая магия. Проведя тысячи лет в космосе, заточенная в камнях, магия давно погибшей планеты нашла нас. Наиболее восприимчивые люди – друиды, шаманы, жрецы и жрицы смогли стать местилищем новой магии. Так началась история первых ведьм и ведьмаков. – Голос Эдварда наполнился безмерной тревогой. – Тогда ши отвернулись от людей. Они ушли глубоко в леса, а чародеям объявили долгую холодную войну. Но были ши и чародеи, которые полюбили друг друга. Редко ведьмам

доставались силы стихий, и еще реже провидение. Бессмертие же считалось и вовсе невозможным, но самым желанным. – Голос Эдварда стал легкой, холодной пеленой. – Но магия чародеев была не одна, рядом с ней путешествовала другая форма магии, которую наши предки называли магией духов. Именно домовые и фамильяры, как Люпин и Эглантин, помогли первым чародеям научиться управлять магией, они использовали для этого слова.

Суви заснула, прижавшись к Эдварду. Он осторожно укрыл ее одеялом и добавил:

– Потусторонний мир, однако, остается закрытым для ведьм. Духи-помощники не желают делиться всеми тайнами и секретами. Но бывают и те, кто способен взаимодействовать с миром духов. Это были чародеи с сильным потенциалом, которые должны были умереть при рождении, но магия защитила их. Так появились медиумы. Но тебе рано об этом знать, милая, – Эдвард поцеловал Суви в лоб и вышел из ее комнаты.

Сердце Эдварда билось в тревоге.

2002 год.

Десятилетний Давид проснулся от ругани и треска. Казалось, это рушится сам дом. Как и все подобные ночи, Давид прикрывался подушкой, безуспешно пытаясь заглушить крики, и тихо плакал. Родители снова сорились из-за поставки драконов. В их криках Давид слышал отзвуки стонущих

ящеров.

Их домовой по имени Сиды забила под кровать и дрожала. Давид, проглотив комков в горле, спустился на пол и погладил домового по спутанным волосам.

Сиды приоткрыла глаза и всхлипнула. Уши Сиды беспокойно дрожали, пока она безуспешно пыталась остановить их руками. Она была еще очень молода и не знала, как поступать.

– Справишься? – встревожился Давид.

Сиды только сильнее заплакала. Давид нахмурился, а потом решительно сказал:

– Сиды, ты бы хотела прекратить это? – увидев легкий кивок, Давид продолжил, – тогда выбери меня хозяином. И их ссоры больше тебя не коснутся. Ты не будешь чувствовать их ярость.

Сиды ошарашенно раскрыла глаза.

– Разве же так можно, малыш?

– Дедушка говорил, что да. Попробуй! Нужно просто принять решение, сударыня.

А потом дрожь прекратилась. Темно-карие глаза сначала стали естественными – белыми, а потом зелеными, черные волосы стали каштановыми. Давид мягко коснулся руки домового. Рука Сиды впервые за всю жизнь Давида стала теплой, а не мертвенно-холодной.

Шум в другой комнате не прекращался. Давид тяжело вздохнул.

– Теперь вы хозяин в доме, сударь, – сообщила Сида, поклонившись. Давид почтительно поклонился в ответ.

Давид взглянул на Сиду и сделался очень суровым. Не меняя выражения лица, он направился в комнату родителей. Коридор ночью казался еще длиннее, извилистее и холоднее. Со стен на Давида с интересом и усмешкой смотрели его предки. Кто-то осуждал, а другие подбадривали.

Дверь в комнату родителей не была закрыта. Оттуда выглядывал свет и исходил запах дорогих сигар. Давид зашел в комнату. Комната точно стала больше, стеллажи наклонились, нарываясь сбросить книги, а люстра закачалась, готовясь кинуть снаряды – лампочки. Острые тени прорезали обои и деревянный стол.

– Не кричите, – строго приказал Давид.

Родители не бросили и взгляд на него.

Аск и Ипомея Лунд направили друг на друга руки. Еле держась на ногах, содрогаясь от ярости, они не сдавались. Ругань и брань слились в протяжный писк, который разом заполнил их черепные коробки.

Чародеи одновременно опустили руки. Чуть отдышавшись, они просверлили друг друга глазами.

– Мама, папа, мне нужно вам сказать...

– Пшол вон, не мешай нам, – приказал Аск.

– Но я должен...

– Ты не слышал отца? – Ипомея скинула несколько книг движением пальцев. Давид дернулся, уклоняясь.

– Я хочу, чтобы вы прекратили, – не унимался маленький Давид. Слипались глаза, и очень хотелось спать. От криков родителей и шума падающих книг Давиду отчаянно понадобилось забраться к сердцу одеяла. Там тепло и безопасно.

– Весь в тебя паршивец, – усмехнулся Аск.

– Ты видел, Арвид? Твой папаша вылитый ты в детве!

– Давид, мам, меня зовут Давид, – устало напомнил мальчик.

Ипомея Лунд недовольно поджала губы.

– Ты – Арвид! Я так хотела! Точка! Смотреть противно. И не мешай нам, у нас взрослый разговор! Прекрати быть таким!

Давид сильнее насупился. Его губы задрожали. Мысленно голова оказалась под большой мягкой подушкой.

– Я хозяин в доме! – собравшись с силами, выпалил Давид, выделяя каждое слово, – так что идите спать, хорошо? А утром поговорим.

Ипомея и Аск Лунд опешив, переглянулись. Потом их лица стали каменными. Давид слышал в тишине, как дышит Аск, точно разъяренный бык.

– Ты как с матерью смеешь разговаривать? Давно я, кажется, не учил тебя?

Сида содрогнулась. Она зажмурилась, ощущая боль нового хозяина дома. Давид изо всех сил старался не чувствовать боль, чтобы Сида снова не плакала. Но ничего не выходило. Он упал на колени и закричал, место, где будет новый шрам,

нещадно горело. Уже весь его торс, спина и плечи были в страшных шрамах и синяках.

Давид снова вспомнил о криках драконов и виверн, которые бились в цепях в их подвале. Вспомнил, как ящеров на них, представляя полет. Душою ящеры летели вместе с ним. Кого-то из них Давиду удавалось выпустить, за что мальчик получал наказание сильнее прежнего. В зависимости от количества ящеров и их рыночной ценности, это были удары плетью, темная магия и голодовка.

Давид думал о доме дедушки, в честь которого чуть не получил имя. Терпкий запах нарциссов вокруг дома, возмущенное кудахтанье куриц и петуха. Маленький домик, спрятавшийся на отшибе от всего мира. Спрятаться бы там, поскорее бы лето.

С того дня уже месяц Давид жил в доме своего дедушки. Арвид Лунд славился тем, что был строгим, но справедливым человеком. Вечно ворчал, чем-то недовольный. Он столько лет отдал своему народу, оставил всего себя в Совете, что совсем не углядел за Аском.

Однажды к Арвиду пришла Фрида Адельхейд.

– Пока дело не стало частью сплетен и слухов, я решила сообщить вам. Из моего к вам уважения...

– Аск что-то натворил, чертенок, с этой своей? Говорил же я, говорил, что не стоит связываться с этой... дело не в ее не знатности и бедноте, конечно нет! Но он все твердил, что

я вижу лишь это. Дурная кровь, бандиты сплошные!

– Аск и Ипомея Лунд обвиняются в контрабанде и жестоким обращении с драконами и вивернами, и другими существами, предположительно, грифонами и сфинксами, – сообщила Фрида, в душе вздрагивая от каждого слова – ее воображение живо рисовало картинки.

Арвид зацепился за стул, чтобы не упасть.

– Давид Лунд должен явиться в суд, не только, как свидетель, но и как обвинитель. Ведь мы отреагировали на его послание. Но он маленький, вы должны представлять его интересы, уважаемый Арвид Лунд.

Арвид бросил взгляд в окно. Там, в саду, маленький Давид поливал нарциссы и весело смеялся чему-то, подставляя палящему солнцу свежие и старые шрамы, ожоги и синяки. Давид открывал руки, думая, что дедушка не видит его. Арвид грустно и ласково улыбнулся:

– Значит, Давид сам может защитить себя. Он оказался сильнее, чем мы с тобой, Фрида. – Арвид встал, выпрямившись. – Если без этого не обойтись, мы примем бой. Я не брошу его. И должен был сделать это раньше! Но у меня есть одна просьба: после суда Давид возьмет фамилию... например, Бун... нет, Олсон. И я прошу официально не указывать это!

Фрида кивнула в знак согласия, смотря на Давида. Ее сердце сжалось.

Глава 11. Жасмином пахнет жаркий лес

2009 год

Последний год обучения Суви Адельхейд и ее друзей начался с холодного сентября, за ним следовал не менее холодный октябрь. Конец октября традиционно отводился Хэллоуину. Ученикам и профессорам строго запрещалось колдовать всю неделю.

Ступая по промерзлой земле, двадцать учеников встретились в лесу у одного из широких ручьев. Именно столько их числилось в самой маленькой группе из четырех на пятом курсе. Остальные страшные группы встретились в своих отдельных местах. Младшие курсы каждые встречали праздник вместе. Юные чародеи находились в предвкушении, ведь на последних курсах разрешалось праздновать без преподавателей. Но вороны всегда следили за ними.

Суви с одноклассниками устроились на небольшой скамейке, наблюдая за очередной перепалкой Иоланды и Прии по поводу того, какой сделать круг из веток. Азуолас Эгле наклонился к Суви и еле слышно прошептал:

– Не волнуйся, Рамуне выполнит твою просьбу и присмотрит за Адамом. Все будет в порядке.

Суви дернулась, а потом натянуто, но благодарно улыбнулась и кивнула. Она не знала, догадался ли Азуолас или сама Рамуне, что просьба более чем дружеская. Это вызвало у Суви сильную тревогу, но за весь вечер она так и не решилась спросить хотя бы намеками.

Хортензия и Виде не отходили друг от друга, отказавшись помогать Давиду, Мелиссе и другим одноклассникам, хотя и вызвались сами. Они приготовили место для костра и, собрав побольше трав, кинули их в будущий костер. Лаура то и дело бросала напряженные взгляды на воду, от чего ей вдру становилось дурно.

Хлоя Даль и Филикс Терхо вошли в выложенный из веток круг. Следом за ними вошел Адар. Ученики в упор посмотрели на ши, не веря своим глазам.

– Это же праздник ведьм! Что здесь делает ши? – возмутилась Хортензия.

– Это точно проделки Инны, – насупился Виде, встревоженно покосившись на Давида.

Инна тут же бросилась к Адару и, взяв его за руку, потянула к костру.

– Спасибо, что пришел, ши!

Адар смущенно улыбнулся ей.

– Я сомневался. Но ты так настаивала...

Инна покрылась краской и поправила выбившиеся кудрявые пряди за ухо.

– Разве ши можно к нам? – недоверчиво спросил Филикс.

– Разве можем мы запретить ши праздновать? – возмутилась Инна.

Инна встретила его широкую улыбку грозным взглядом и деловито отвернулась. Филикс лишь рассмеялся. Он щелкнул пальцами и вокруг Инны закружились бабочки. Их тон-

чайшие крылышки переливались огоньками, точно они были светлячками. Инна недовольно разорвала их движением руки.

Лаура в недоумении смотрела на них. Филикс поймал ее взгляд и наклонился к Инне.

– Ты за все эти годы не сказала ничего подругам?

– А было о чем говорить? – Усмехнулась Инна.

Филикс наклонился к ней, точно собираясь поцеловать, но, рассмеявшись, отстранился и ушел.

Инна поочередно посмотрела на внимательно следивших за ней Лауру и Адара. Не зная, куда спрятать взгляд, Инна направила его в холодную землю.

Адар подошел к ней.

– Мы не встречались, – тут же выпалила Инна.

Адар ничего не ответил, лишь пожал плечами. Его золотые глаза горели странным, непонятным для ведьмы огнем.

Прия, отрываясь от спора с Иоландой, посмотрела на небо. На нем не горели звезды, и грозы не освещали его. Остров Туле наполнила оглушающая тишина. Так завеса становилась тоньше самой легкой ткани, прозрачнее воздуха. Тут не было будущего, лишь рвущееся прошлое и звонкое настоящее с привкусом инея.

– Пора, – выдохнула Прия в морозный воздух.

Ученики встали в круг и взялись за руки. Двадцать будущих квалифицированных ведьм и ведьмаков крепко сжали руки, стараясь не смотреть друг на друга. Каждый из них ис-

кал в огне точку, соединявшую его с мирозданием. Они почувствовали приятное покалывание в теле и закрыли глаза.

Дриады запели где-то вдалеке, но их голоса разносились по всему острову. Их пение напоминало орла, пикирующего вниз на добычу, полевку, спрятавшуюся от хищника, ветер, застрявший в ветвях ивы, горный буйный ручей и весеннюю капель, падение осенних листьев, ливень и радугу после грибного дождя, за которой бежали веселые дети, мечтающие найти сокровища.

Адар мягко, точно став горным эхом, наполнял их пение голосом флейты. В этом голосе звучали отзвуки далекого, холодного острова, его древние, вечные тайны.

Костер поднялся выше, мигом согревая всех тех, кто замерз. И тогда чародеи закружились вокруг костра. Они прыгали и смеялись, приветствуя смерть.

Темнота поднялась из воды. Смерть шла в виде призраков, покинувших спокойную гладь. Духи остановились у круга, привлеченные, как мотыльки идет к огню.

Розмарин и лаванда проросли там, куда ступали ноги Суви.

Сырой ветер пробрал чародеев до костей. Суви вздрогнула, почувствовав на плечах руки матери. Она хотела открыть глаза, чтобы увидеть ее там, за чертой. Но поняв, что ее хватка слабеет, Прия и Лаура крепко сжали руки подруги, вернув ее в реальность.

Нельзя. Ни в коем случае нельзя открывать глаза! Потому

что иначе пойдешь к ним, иначе решишь искупаться, и никто не остановит тебя. Просто смейся, кружись и не думай о плохом, как завещали предки. Потому что с огнем в небо уносится горе, а вода омывает грехи.

Древние ведьмы считали, что земля будет мягкой, если их хороводы и смех станут путеводными огоньками для душ предков рода, и защитой для живых ведьм.

Вот только Хлоя открыла глаза. Она увидела прекрасный лик покойной бабушки и в ее движениях слышала биение волн. Воды звали к себе.

Хлоя отпустила руки Филикса и Хортензии. Они не решились открыть глаза и бежать за ней, а лишь быстро соединили ладони. Хлоя закричала, когда зачарованный круг выпустил ее. Холодные пальцы чего-то непонятного и потерявшего форму потянули юную ведьму к воде. Ученики замерли. Черные вороны ринулись на существо, отгоняя. Их острые когти касались призраков и ранили, заставляли кричать.

Адар прекратил играть и схватил юную ведьму, крепко стиснув в объятиях. Призраки задрожали, убегая от ши и воронов. Хлоя вырывалась, мечтая оказаться в воде. Глаза ее были недвижимы.

Вымотанная, Хлоя быстро уснула в руках ши. Адар осторожно положил девочку на плед рядом с собой. Сквозь пение слышались и другие крики.

Призраки начали возвращаться.

– Смейтесь, чародеи, – напомнил Адар, – смейтесь.

Звонкий смех Инны озарил тишину и остальные, сначала неуверенно, но поддались ей.

Когда ночь вступила в полные права, чародеи, позабыв об охватившем их ужасе, принялись за тыквенные пироги, мед и другие сладости. Они смеялись, танцевали, окутанные музыкой флейты и голосами духов леса.

А потом и сами начали петь, когда земля уже перестала быть промерзшей, и растаял иней под ногами. Точно уверовав в весну в разгар осени, земля дала пару ростков, скрывшихся в пожелтой листве.

Давид разжег костер еще сильнее. Искры взлетали выше макушек леса, стремясь к звездам. Громкий смех и песни до боли в связках разносились с разных частей острова.

– Мы живы, – театрально закричала Инна, – живы, пока звучат песни и смех, – она бросила короткий взгляд на крепко уснувшую Хлою, и еще более уверенно заключила, – мы живы, пока танцуем!

Ближе к утру юные чародеи решили вспомнить и старую забаву. Предки кидали в костер небольшие косточки и потому, что станет с ними в зале и судили о будущем. Только правильные ответы уже не знал никто, и тогда Мелисса, исходя из мнения своей бабушки, сделала всем прогнозы, но слова ее таяли в звонком смехе.

– Это кидали, чтобы поймать удачу, – сообщил Давид, мечтательно разглядывая небо.

– А у меня она уже есть, у меня есть вы, – подмигнула

Суви.

– Как мило, – Давид обнял ее.

Вскоре проснулась Хлоя. У нее кружилась голова, и поэтому Лаура помогла ей дойти до комнаты. Все двадцать чародеев встретили красно-желтое небо. Будущее снова ощущалось холодным покалыванием на щеках. А завеса стала прочнее любых засовов.

Инна нашла Адара у моста. Он сидел, прижавшись к нему, и слушал журчание холодной речки. Стоило закрыть глаза и чудилось, что рядом не речка, а целое море и шторм, дикий и древний.

Инна села рядом с ши.

– Как тебе праздник?

– Интересно. – Уклончиво ответил Адар.

– Я хотела бы побывать на празднике ши, – сказала Инна, внимательно следя за реакцией Адара, но ничто не изменилось на его лице.

– Я могу тебя сводить, однажды, но это опасно. Им не то, чтобы все равно, как цвергам... понимаешь?

– И что будет? Они меня убьют?

Адар поднял голову к серому небу. Он выдохнул и улыбнулся облакам. Облака послушно расступились, выпуская на холодную траву так нужное ей солнце. Инна подставила осенним лучам лицо и рассмеялась.

Адар посмотрел на нее. Ши считают себя самыми иде-

альными и прекрасными созданиями на Земле, но Адар не мог представить, что могло бы быть прекраснее этой задорной улыбки ведьмы и ее смеха. Осеннее солнце было теплым только потому, что она смеялась. Иначе и быть не могло.

Адар наклонился к ведьме и, лишь слегка, коснулся губами ее губ. Инна прекратила смеяться и замерла. Адар сам был неподвижен, напоминая Инне античную статую.

Инна дотронулась рукой до его щеки. Кожа ши напоминала мягкий, прохладный шелк.

– Кто же так целуется? – Усмехнулась Инна.

Адар хотел ответить что-то язвительное, но смущенно пустил глаза. Инна рассмеялась.

– Если другие ши на острове узнают, они убьют тебя, – заметила Инна, все еще не убирая руки от его лица. Она лишь гладила его щеку пальцами, впитывая мягкость его кожи.

– Они убьют нас обоих, – рассмеялся Адар, смех его напоминал шелест листьев во время летнего дождя.

Подул холодный ветер, Инна прижалась к Адару и, не думая ни минуты, поцеловала его.

Одевшись в теплое пальто, Суви быстро шла за Адамом. Адам не нуждался в дополнительном утеплении и был одет лишь в пиджак поверх рубашки. От тепла оборотня цветы на форме не дрожали от холода, а мерно пошатывались, точно дул легкий зефир. Суви с завистью смотрела на Адама.

Река изгибалась, точно хотела убежать от мягкой травы на

берегах. В преддверии заката розоватые облака мерно плыли в глади воды. Трава была еще зеленой, а вот листья безрез пожелтели. Адам подумал, что этот пейзаж легкими пастельными мазками написал Поленов.

Адам и Суви спустились к реке. От нее дул холодный ветер, словно река была огромным северным морем. Суви сильнее закуталась в пальто.

– Смотри, – Адам указал рукой на несколько светящихся фиолетовых цветов. – Я увидел их на днях.

Суви вспомнила, как наколдовала их на другом конце реки, у гор. По ощущениям это, казалось, было так давно. Красивые цветы отливали на сером камне фиолетовым, блестели, манили коснуться. На ощупь они были холодными, но внутри точно что-то билось, рвалось наружу.

– Я много просмотрел книг, но не нашел в них этих цветов.

– И я не видела, – замороженно сказала Суви.

– Ты мало говорила со мной в последние дни, – сказал Адам, садясь прямо у цветов.

Суви пристроилась рядом. Она долго смотрела на напряженного Адама. Он казался застывшей античной статуей. Трагичной и печальной. Уставшей от сменившихся эпох.

Каждый день она сверлила взглядом дневник матери, боясь открыть его. После разговора с профессором Реганом прошло слишком много месяцев. Дневник словно кричал, желая, чтобы его прочитали. С Хэллоуина Суви могла ду-

мать лишь об этом.

– Я читала, потом уроки, знаешь, тренировки... дел много...

Адам взял Суви за руки и нежно погладил. Суви захотелось и оставить руку, и резко выдернуть ее. Трепещущие рядом цветы замерли, прислушиваясь.

– Я бы тоже хотел гулять с тобой все лето, как Прия... Давид чаще видит тебя в компании Гилла, чем со мной. Ты ускользаешь, как призрак. Выдумал ли я тебя, Суви Адельхейд?

Суви натянуто улыбнулась ему. Может, и правда, выдумал? Суви захотелось стать выдуманной. Лишь нарисованной его талантливой рукой. Быть просто линиями, скрывающими за собой невообразимо глубокое чувство, которое так страшно открыть.

– Впереди еще ни одно лето, верно?

– Верно, – неуверенно ответил Адам, – но даже за неделю мы пересеклись лишь второй раз.

– Тренировки.

– Тренировки, на которые ты не хочешь ходить? Ты много месяцев назад собиралась их бросить. Знаю, мы давно не занимались магией ши. Перечитали все книги, и что дальше?

– Эй, – Суви наклонилась к Адаму и слегка коснулась прохладными губами его горячего лба, потом сняла с кудрявых волос пару веточек, – я здесь. Сейчас.

Адам поцеловал Суви, но тут рядом послышались шаги.

Суви резко отскочила и округленными глазами уставилась вперед. Редом, о чем-то смеясь и не обращая на других внимания, шли Мелисса и Хлоя. Суви разобрала упоминания заданных профессором Ульвен зелий.

– Здесь? – приподнял бровь Адам.

– Просто... просто я испугалась, что скажут что-то о тебе плохое!

– Да? – голос Адама вышел низким, наполненным рыком, – обо мне? Научись нести ответственность за свои решения. Или Адельхейд только и могут подстраиваться? Вы никогда не были лучшими, лишь делали вид. Что ты, что профессор. Тошно.

– Нет, я... Адам. Пойми, я...

– Замолчи.

Внутри Адама пробуждался оборотень: серые глаза отлили фиолетовым, языком он ощутил клыки.

Суви ничего не ответила. Ей захотелось лечь на холодную землю и раствориться в ней. Она закрыла глаза, слушая, как удаляются шаги Адама, но не сказала ни слова, не пошла следом.

Через землю она отследила, как Адам дошел до Академии и скрылся в ней. Трава, деревья и корни говорили с Суви, жалели ее и откликались на потаенные просьбы сердца. Лес поник, вторя ее грусти. Только тогда Суви сама решила вернуться.

Думать о случившемся Суви совершенно не хотелось, но

воспоминания так и резали сердце. Суви решила найти Адама и извиниться перед ним. И, быть может, объяснить, что случилось на самом деле.

Иоланда неожиданно оказалась рядом с Суви.

– Я все видела, – спокойно сказала Иоланда Линдберг.

– Да что ты?

– Я понимаю. Адельхейд не пристало водить такие отношения с оборотнями. Хотя, зная вашу историю... Я читала в газете, про... там упоминался оборотень... – пыталась объяснить Иоланда.

Суви сдержанно улыбнулась, не желая показывать, как ее задела слова одноклассницы. И все же легким движением руки она укутала травой ноги Иоланды.

– Не волнуйся, я не скажу никому, даже Рамуне. – спокойно сказала Иоланда, смотря на траву на ноге.

Суви натянула улыбку.

В комнате Суви застала Прию и Инну, орущими друг на друга. Когда они кричали, от движений их рук, с полок слетали книги, от чего сидевший на кровати Давид постоянно дергался.

– Ты что вообще творишь? Ты понимаешь, что ты подставила всех, дурная?

– Мне наплевать!

– Если ты продолжишь, если пострадает профессор Моен, я сдам тебя.

Инна задрала голову назад и звонко рассмеялась. Она за-

кружилась, и вокруг посыпались сотни иллюзий медалей. Они беззвучно падали на пол.

– Знаешь, почему ты злишься? Ты завидуешь мне. Я не стараюсь, мало учу и получаю высокие баллы. Я дружу с духами: ши и цвергом, даже видела лешего. И у меня есть способность. У нас троих есть, а у тебя нет!

На руке Прии появился тарантул. Инна перестала смеяться и недоверчиво покосилась на Давида. Глаза фамильяра Прии засветились.

– Что твоя дама задумала? Ты...

Инна не договорила. Она упала на колени, содрогаясь от жуткой боли. Ее сердце точно сжали длинные лапы тарантула и давили. Давили. Ребра стремились проткнуть грудную клетку, а в голове запищали мыши. Они бегали в панике, ища выход. Прогрызали путь.

«Как странно, – спокойно думала Пушпа, – обычно чародеи сжимают голову, а моя ведьма выбрала сердце...».

– Хватит! – закричал Давид, вставая между ними. – Прощу, хватит.

Круглыми глазами Давид смотрел на Прию. Суви, придя в себя, кинулась к Инне и помогла ей встать.

Суви усадила все еще тяжело дышавшую Инну на кровать. Давид погладил Инну по голове и сказал:

– Не стоило так говорить. И ей не стоило так делать.

Инна злобно окинула его взглядом, но промолчала. Сил спорить не было. Инна прижалась к Суви, пряча за кудрями

слезы.

– Я посплю сегодня в комнате Иоланды и Рамуне, – выдавила Инна.

– Как скажешь, как скажешь, – чуть покачиваясь, точно убаюкивая ребенка, сказала Суви.

Давид подошел к Прие и крепко сжал в объятиях. Он шептал мягко, но в то же время очень строго:

– Извинись перед ней, но не сейчас, позже. Пошли.

Когда Давид и Прия ушли, Инна сильнее прижалась к Суви. Она слушала ее успокаивающее дыхание.

– Ничего, – выдавила улыбку Инна, – я в порядке.

В комнату ворвалась Лаура, испуганная шумом. Она ошарашенно смотрела на девочек.

После рассказа Суви, Лаура крепко обняла Инну. В глазах Лауры застыл ужас.

– Но что же ты сделала, Инна? – Спросила встревоженная Лаура.

Инна сильнее прижалась к Суви, не желая отвечать. Лаура вопросительно посмотрела на Суви, но и та не знала ответ.

Адам сидел в кабинете профессора Хьюз. Его сердце мучительно билось о ребра. Раз за разом он прокручивал в голове случившееся на поляне. Адам не обратил внимания, как в кабинет кто-то вошел.

– Как ты? – Спросил профессор Дюбуа.

Адам дернулся, окинув профессора злобным взглядом.

Профессор Дюбуа благосклонно улыбнулся и сел рядом.

– Прости, я увидел, как ты вбегаешь в кабинет профессора Хьюз.

– Я не могу войти в кабинет своей матери?

– У тебя явно что-то случилось, я испугался за тебя.

Адам надломлено усмехнулся.

Они сидели так несколько минут, молча. С улицы и коридора доносились звуки, но Адаму не было до них дело. Шум улицы не заглушал его мыслей. Профессор Дюбуа продолжал сидеть рядом с Адамом, спокойно изучая пейзаж за окном, точно видел его впервые.

Адам подумал о Давиде, который каждый день садился рядом с ним в столовой и молча ел, ждал в комнате каждый вечер, увидев одного в коридоре, всегда подходил и просто стоял рядом, пока Адам сам не начинал с ним говорить. Сколько бы он так делал, если бы однажды Адам не понял, что Давид не просто популярный мальчик, он такой же израненный жизнью человек?

Тогда Адам посмотрел прямо в теплые глаза профессора, желая отыскать за их солнцем боль. Но, не увидев ее, сказал:

– Хотел бы я быть таким же. Не быть оборотнем, а просто по желанию становиться волком. Магия бы не отрицала меня, легче бы жилось.

Гаспар не удивился, что Адам знает его секрет. И Суви, и Уэни могли спокойно ему рассказать.

– Знаешь, обычно я не говорю об этом людям. Только мои

лучшие друзья и жена знают: в детве я бы отдал все, чтобы быть оборотнем, а не собой.

– Почему? – Адам чуть отстранился, недоверчиво смотря на профессора.

– Я жил в деревне чародеев. Надо мной смеялись в детстве, из-за того, что я медведь. Мало кто знал о такой силе, зато все знали про оборотней, видели меня оборотнем. Взрослые и дети смеялись надо мной, кидались разным, а потом разбежались. И то азарт в их глазах, то восторг, то ужас и паника. И когда у меня начались проблемы с контролем, все окончательно решили, что я оборотень... все испугались, стали меня избегать. Было бы легче все это принять, будь я, и правда, оборотнем. Профессор Вальден нашел меня, потом учил меня, помог обрести контроль над силой. А дома все еще кидали камнями... я давно не был там.

Глаза Гаспара стали медвежьими, лицо покрылось шерстью. В такие моменты его органы чувств воспринимали все так же остро, как и всегда у Адама.

– Мне очень жаль, профессор, – сказал Адам.

Гаспар улыбнулся. Теперь Адам нашел в тепле его глаз пронзительную боль. Это был забитый и испуганный ребенок. Он словно видел его, маленького мальчика под небом Франции, который бежит по лавандовому полю, и смеется, ложась на сладко пахнущие цветы, и вот он плачет, трясется, под ударами камней, пока дерн попадает под ворот рубашки.

– Я до сих пор не могу это принять. По-настоящему, гордо

говорить, что я – Медведь.

– Тогда это буду говорить я, – сказал Адам, приподняв подбородок. И произнес слова, точно официальную речь, – Вы, профессор, – медведь. И это очень здорово.

Гаспар рассмеялся. Он притянул к себе Адама и обнял его.

– Я давно хотел сказать тебе, что здорово, что ты такой замечательный человек и самый сильный из всех оборотней чародей, – мягко прошептал Гаспар Дюбуа.

И пока они сидели так, Адам верил профессору.

Прия никак не могла попасть в цель. Она злилась и даже пару раз, сорвавшись, направляла чужие стрелы в другую сторону. Она так долго не стреляла, что теперь ходила каждый день, пытаясь нагнать пропущенные месяцы. Ее тело болело и просило пощады.

– Что ты творишь? – Давид схватил ее за руку, строго смотря в глаза, – я буду вынужден убрать тебя с поля. Что с тобой?

– Думаешь, я не права? – усмехнулась Прия, – А ты? – Она строго посмотрела на Суви.

– Разве важно?

Прия вырвалась из рук Давида.

– Ты ни слова не сказала, что думаешь. Выбери сторону, хоть раз. Или Адельхейд все такие?

Суви вздохнула. Вторую ссору за день ей переживать не

хотелось. За окном взволнованно зашумели кустарники. Суви слушала их язык, такой могучий и древний. Она не понимала ни слова, при этом точно зная, что они хотят.

– Почему вы все про мой род говорите? – Суви подняла лук и, не концентрируясь, выстрелила.

– Ты не попала, – сухо сообщила Прия.

Суви бросила на нее злобный взгляд. Кустарники перестали качаться на ветру, обрастая шипами. Суви спросила:

– Ты видишь в этом смысл? Твои действия стоили того? Что такого сделала Инна? – Суви делала акцент на каждом слове.

Прия натянула тетиву и отпустила стрелу. Резкая боль пронзила ее тело, но Прия даже не дернулась. Стрела оказалась в быстро движущейся мишени, но у самого ее края.

Суви снова прицелилась.

– Я староста, я обязана следить за порядком, – напомнила Прия.

– И ради этого ты напала на подругу? – Суви опустила лук, бросив на Прию разочарованный взгляд, – знаешь, ты права, я выбрала! Пора мне хоть что-то выбрать, верно?

Суви резко отбросила лук и ушла из зала. Прия до боли вдавила в переносицу очки.

– Пусть так! – Она гордо выпрямилась и взяла стрелы. Но ее руки тряслись, дыхание сбилось. Тетива врезалась в пальцы.

Давид встал сзади, взяв Прию за руки. Ее пальцы пере-

стали дрожать, спокойно сжав лук. Мерное дыхание Давида успокаивало Прию.

– Стреляй. Я рядом. – Тихо произнес Давид.

Давид и Прия вместе разжали пальцы. Стрела сорвалась с тетивы, попав прямо в цель. Но Прия не ощутила радость.

Иоланда Линдберг и Рамуне Эгле собирались лечь спать, когда в дверь постучали. Девочки недоверчиво переглянулись. Дверь пошла открывать Иоланда.

– Ортега? – Иоланда хотела съязвить, но увидев измотанный, потерянный взгляд Инны, учтиво спросила, – все в порядке? Нужна помощь?

Инна поджала губы. Ей казалось, что она держится уверенно, но руки и голос не скрыли дрожь:

– Не спрашивай... можно я проведу ночь у вас?

Иоланда повернулась к Рамуне, говоря взглядом – «тебе решать». Рамуне ответила кивком.

Инну разместили на свободной кровати, которая пустовала уже год. Девочки долго не спали, весело разговаривая о разных вещах, от заданий профессоров и будущего, до вкуса конфет и Рождества. Инна отвлекалась на эти разговоры, и голос ее становился увереннее.

Ночью Иоланда проснулась от странных звуков. Она поняла не сразу, что Инна всхлипывает и вздрагивает, яркие картинки нещадно били ее.

Иоланда встала. Она взяла с полки приготовленное на за-

нятии сонное зелье. Пары его капель было достаточно, чтобы быстро заснуть и выспаться, лишаясь тяжелых мыслей. Иоланда молча поставила зелье перед Инной, в ответ ей было еле слышное «спасибо».

Инна спала сладким сном, лишенная боли и тревог.

Утром Иоланду позвала профессор Ульвен.

– Проходи, не стесняйся, – радостно улыбнулась Оливия. – К нам переводится новенькая девочка. Конечно, у вас уже последний курс, но я помню, как вы все просили подселить к вам третью девочку. Так что вам составит компанию...

– Не нужно, – перебила профессора Иоланда. – пускай остается так, как есть.

– Но... вы так просили, а я все первокурсниц не заселяла к вам... – растерялась профессор Ульвен.

Иоланда лишь пожала плечами, прокручивая в голове потерянный взгляд Инны.

– Так правильнее, – только и ответила Иоланда.

– Мне так жаль, – часами повторяла Лаура, вызывая на лице подруги раздраженный взгляд.

Они плавали в бассейне после занятий. Скоро должны были начаться тренировки, так что времени у Лауры было мало. Она резко спросила:

– Что у вас случилось?

Инна нырнула, ощущая соленый вкус воды и, вынырнув,

встретилась с пронзительным взглядом Лауры.

Инна вздохнула, сдаваясь. Ее голова и так разрывалась от боли, хотя удар пришелся и не на нее.

– Я знаю, что ты страдаешь kleптоманией.

– Что? – Лаура нервно усмехнулась, – ты о чем? Причем здесь... Бред!

– Понимаешь ли, я знала, всегда знала, что два года назад ты начала много воровать, всякие ненужные вещи... я случайно заметила, подозрительно было... я следила за тобой. И Рейнир следил, он шумный мальчик, но может, если надо.

Лауре захотелось нырнуть под воду и не всплывать.

– Почему ты не говорила мне, что знаешь?

– Я ведь тоже воровала. Правда, иногда ингредиенты зелий, а ты... тебе ведь не нужны были эти вещи. Я думала, что у тебя пройдет, и вскоре прошло.

– Не прошло. Мне с детства хотелось. Не знаю, когда мне было грустно и плохо... трудно объяснить, словно это заполняет пустоту. Когда я была на грани вылета из команды, я сорвалась. Если раньше я воровала где-то, где не могли меня узнать, то потом начала в Академии. Это оказалось так просто, когда ты ведьма.

Лаура подплыла к бортику и, облокотившись на него, спрятала лицо в руках.

– Почему ты начала снова?

Лаура вздрогнула. Слова с неожиданно легкостью выходили из нее.

– Папе стало хуже. Я не говорила вам. У Прии война с учебкой, у Суви умерла мама, а ты и Давид, вы так верили в меня...

Инна подплыла к Лауре и положила руку на ее плечо.

– Но какое отношение мои грехи имеют к вашей ссоре? – Спросила Лаура, насторожившись.

– У профессора Ланской пропали ответы к тестам. – Инна смотрела на Лауру, которая не шевелилась. – Я узнала об этом, найдя их в твоей сумке.

– Я взяла их, когда заходила в учительскую к папе. Они просто лежали, а мы так плохо поговорили и... я...

– Если кратко, рыбка, то профессор обнаружила их пропажу. А Прия, как и все старосты знавшая о пропаже, нашла их в моем столе. Я сама виновата, забыла, что оставила в том ящике...

Лаура дернулась, отстранившись от Инны. Слова, еле выходя из ее горла, превращались в стон:

– Ты... это из-за меня, она так из-за меня? Ты чуть не умерла из-за меня!

– Чуть не умерла я из-за того, что Прия не умеет выставлять приоритеты, а не из-за тебя, – строго сказала Инна.

Лаура подплыла к Инне и крепко обняла ее. Инна чувствовала, как Лаура плачет, слышала еле разборчивое «прости», повторенное сотню раз. Когда Лаура немного успокоилась, она спросила:

– Почему ты сделала это? Не призналась, и вообще забра-

ла ответы?

– Потому, что они быстро поймут, в чем дело.

– Но если бы узнали, то выгнали бы тебя вместо меня!

– Ну и что? Жила бы себе с Адаром в лесу. – Подмигнула ей Инна.

– Инна!

Инна мягко улыбнулась.

– Я захотела тебя защитить. И я бы повторила, даже зная, что мне... что со мной так поступят. Прости, но ты того стоишь.

Лаура сильнее разревелась.

Академию Чародеев оглушила печальная новость: профессор Гаспар Дюбуа решил уйти с поста преподавателя. Грустные ученики и учителя ходили по коридорам.

В беседке у березовой рощи в глубине леса Гаспар с детства любил проводить время. Мало кто сюда мог добраться, а защитное заклятие путало следы. Эти чары создал сам Гаспар, чтобы прятать тайное место. Тут было так красиво и так спокойно.

Джасмин наблюдала за прекрасной птицей феникс, мирно спящей на одной из веток. Гаспар в такие моменты замечал, как строгие черты Джасмин становились мягкими, взгляд теплел.

– Птицы часто тут спят, последние дни, – сообщил Гаспар.

– Они говорят, что будут скучать по тебе, – Джасмин под-

мигнула мужу.

– А я бы скучал по тебе, – Гаспар солнечно улыбнулся, а потом сел у ее ног, – но я буду скучать по своим детям. Зато больше не буду рвать сердце, когда они оканчивают последний курс или творят какую-то ерунду. Верно?

– В далеких лесах и горах ты забудешь об этом. Ты ведь хотел преподавать только пару лет, не более. Испытать себя. Испытание ты прошел, но оно затянулось, медвежонок.

– Пора идти дальше, – подытожил ее слова Гаспар.

Гаспар Дюбуа улыбнулся. Он потянул Джасмин к себе и мягко уткнулся лбом в ее лоб, издав медвежий рык. Джасмин затаила дыхание, наблюдая, как чередой непонятных мыслей бежит в его глазах.

Когда Джасмин появилась в Академии, она раздражала его. Ученики постоянно жаловались и не без причин. Джасмин тоже невзлюбила Гаспара, он казался слишком мягким и странным. Профессор Дюбуа влюбился в нее, увидев, как Джасмин ухаживает за вивернами, как подкармливает проходящих оленей, как она любит свое дело. Гаспар вдруг увидел простого человека.

Но Джасмин Блэр приняла его ухаживания лишь когда, разозлившись, Гаспар наполовину стал медведем. С того дня он стал для Джасмин лучшим из мужчин. Гаспару это нравилось. Столько лет стыдясь медвежьей сущности, он нашел ее, девушку, которая будет любить его таким.

Гаспар выдохнул, и шепнул, как самую сокровенную тай-

ну мира:

– Птицы полетят вместе с нами. Хочешь, я их уговорю?

Джасмин сказала с серьезным тоном:

– Это же я умею с ними говорить, забыл?

Джасмин рассмеялась. Ее смех переливом разнесся по роще.

В лазарете у целительницы Эйрлис Корсен вечером была лишь одна посетительница.

– Что же ты? Так и не вспомнила, дорогая, что смешала? Это бы помогло понять, что действует на голову. О, чтобы там ни было, с добавлением грецкого ореха и розмарина любое зелье голове поможет. Тут также кора черного дерева, порошок из листового золота, мальва, боярышник и мандрагора, поэтому ты можешь захотеть спать... – Эйрлис взяла флакон с зеленой жидкостью. – Попробуем это?

– Как скажите, – выдохнула Инна. – К сожалению, никак не могу заставить себя вспомнить...

Выйдя из лазарета с настойкой от головной боли, которая мучала уже неделю после ссоры, Инна спустилась в пустой холл. За шахматным столом сидела Рамуне. Она задумчиво изучала поле уже минуту, то протягивая руку к белому коню, то задерживаясь над белой ладьей.

– Помнишь, я всегда выбираю коня? Они милые.

– Разве я могла забыть?

Рамуне медленно приподняла голову и посмотрела на Ин-

ну круглыми глазами, не моргая. Точно в голове шахматные фигуры решали, как ходить.

– Посмотришь? – осторожно спросила Рамуне, подбирая каждую букву на вкус.

– Да? Да, конечно, – Инна улыбнулась, не показав, что просьба смутила ее.

– Ты знала, что Флориан не умел создавать чары, за него колдовал спрятанный чарами ведьмак. Он умел всего лишь говорить с животными. Конечно, у меня тоже не редкая способность, как и твоя. Но мы не стесняемся. Почему он должен?

– Кто может знать, – только и ответила Инна.

Рамуне ответ не интересовал, она ловко передвинула коня и съела черную ладью. С каждым ударом фигурок друг о друга, Инна вспоминала слова, спокойно сказанные Рамуне три года назад: «Ты не сообщила им, что дружишь со мной... ты хуже, чем все они!» – кричало в ее голове.

– Я так и не извинилась. Я поступила очень некрасиво. Мне жаль. – Вдруг выпалила Инна.

Сидя в компании Суви, Лауры и Прии, с которыми она вдруг подружилась, Инна тайком наблюдала за одинокой Рамуне. Многие смеялись над чудаковатой девочкой, и Инне было трудно признать, что она, и правда, хуже них. Но ей стало спокойнее, когда Рамуне смогла растопить сердце своей соседки по комнате. И Иоланде совершенно не было стыдно. Она гордилась дружбой с таким чудесным человеком.

– Знаешь, – Рамуне зажала между пальцами ферзя, – не передо мной нужно извиняться. Ты так боишься, что люди узнают тебя.

– Может, начнем заново? Я скучаю по дружбе с тобой. Мне было так спокойно у вас в комнате, – улыбнулась Инна. – Так что ссора с Прией помогла мне это осознать. У меня всегда было на одну подругу больше.

– Теперь на две, – мягко улыбнулась Рамуне. В ее голубых глазах горело солнце.

Инна замороженно смотрела, как пальцы Рамуне, словно пальцы музыканта, касаются черных и белых фигур. Рамуне остановилась, посмотрев на зрительницу.

Рамуне убрала руки от шахмат, и они сами начали ходить, повинясь приказу.

– В древних орденах особых магов демонстрировать способность было платой, – серьезно заявила Рамуне, – ты доверяешь секрет, и можешь войти.

В этот момент волосы Рамуне стали кудрявыми и белыми, как у Лауры. Инна рассмеялась.

– Моя мама лучший гроссмейстер, она обыграла всех великих мастеров Совета. Помнишь? Я сделаю тебя.

Рамуне хищно улыбнулась.

Вечером Рене шел по коридорам в свою спальню, когда увидел идущую на него Лауру. Если так о ней можно было сказать. Она еле шла, держась за стены. Рене подбежал к уче-

нице и придержал ее, чтобы она не упала.

– Профессор, – протянула слово Лаура и медленно улыбнулась ему.

Сперва Лаура много и невнятно говорила, а потом потеряла сознание.

Рене впустил ее в свою комнату и закрыл дверь. Он усадил Лауру на диван и сел напротив нее. Лаура вертелась на диване, что-то невнятно повторяя. Рене укрыл ее пледом, в панике раздумывая, что же теперь делать.

Оставлять ее в коридоре было не безопасно, относить в ее комнату – тоже, да и в свою заводить, пожалуй, было плохой идеей. Нужно было вести ее к Ванде.

Вскоре Лаура очнулась. Лаура смотрела на Рене и смеялась. Ее совершенно не смущало то, где она и что происходит. Рене принес ей ведро, прекрасно понимая, что последует за звонким смехом.

Рене заботливо придерживал ее светлые волосы, помогал выпрямиться и укрывал пледом, когда она дрожала. Каждый раз он безуспешно уговаривал: поспи.

– Я украла вино из настойки тюльпанов у профессора Ланской, – вдруг сказала Лаура, пытаясь овладеть словами, – но я выпила только пару бутылок. Я не пьяна.

Казалось, ей стало легче. Она могла говорить.

– Почему?

– Из-за меня пострадала моя лучшая подруга, из-за того, что я ворую, – прошептала Лаура, наклонившись к Рене, точ-

но их могут подслушать, – вот такая я. – Лаура резко вскинула руки, – но я больше не буду. Честно!

– Я знаю, что это ты, – сказал Рене. – И ты украла ответы у профессора Ланской.

Лаура, округлив глаза, посмотрела на профессора.

– Почему же вы меня не сдали?

– Из-за жалости к твоему отцу. Он мне нравится, да и всем. Он особенный и очень хороший... – Рене осекся, – Я знаю, что твоя мама умерла, когда грабила здание в Совете. У тебя и у него были бы проблемы. Сигве бы не пережил...

Лаура вспомнила маму, красивую и прекрасную Камелию Селланд, которая читала ей сказки на ночь и старалась делать все, чтобы обеспечить их троих. Но, чем больше она отдавала себя, тем больше прошлое, от которого она бежало, настигало ее. В бедности семьи Камелия винила Членов Совета, со скандалом выгнавших ее. Ну что ей еще оставалось?

В тот вечер мама обещала прийти, но не вернулась. И никто не сказал маленькой Лауре, как им жаль.

Лаура резко наклонилась к Рене и коснулась губами его губ, Рене оттолкнул ее. Лаура упала на спину и начала смеяться.

– Не волнуйтесь, мне уже есть восемнадцать, я старше одноклассников на несколько месяцев. – Слово тайну сообщила Лаура.

Рене покачал головой. Он дотронулся пальцами до лба Лауры, и она уснула. Рене заботливо укрыл ее пледом и выдох-

нул.

Утром Лаура проснулась с сильной головной болью. По- няв, где она и вспомнив, что было вчера, Лаура вжалась в диван. Она испуганно смотрела на спокойного Рене, пере- бравшего за столом бумаги. Рядом с ним сидела ящерица, недовольно отстукивая ритм хвостом.

Голову Лауры пронзила сильная боль. Ее губы пересохли.

– Доброе утро. – Сказал Рене, подавая зевок, – Рядом с тобой настойка из паслена, обжаренной поганки и змеиной кожи. Еще там вербена и водоросли. Выпей. Оно от похме- лья, аллергию не вызовет. Всю ночь тебе готовил.

Лаура поморщилась и выпила. На вкус жидкость напоми- нала испорченную рыбу.

– Спасибо, – сказала Лаура.

Ее голова перестала болеть, обретая легкость.

– Да мне не сложно приготовить, – улыбнулся Рене.

– Я... – Лаура смущенно опустила взгляд, – спасибо за все, что не выдали меня, зная правду и...

– Если ты продолжишь воровать, – строго сказал Рене, – то я не смогу тебя прикрыть.

Лаура резко закивала головой.

Глава 12. В тиши полей, в тени лесной

2010 год

Рождество, несмотря на ссоры, казалось радостным и ча- рующим. Суви сидела напротив окна, слушая музыку из но-

вых колонок, подаренных на рождество, и наблюдая, как падает снег. Обрывками воспоминаний она погружалась в те беззаботные дни, когда играла в снежки с мамой. Все казалось таким простым.

На фоне снега за окном отчаянно росли небольшие фиалки. Их запах наполнял комнату.

Иво, приехавший на рождество, помогал Тильде по хозяйству, чему Тильда не была рада. Она все еще помнила, что Иво сказал о ее муже. Да и выбор сестры Тильда не одобряла, пусть в итоге это и привело в их мир Суви.

В комнату Суви постучались.

– Тильда сказала, ты не пойдешь к Хатри. – Эди выглядел взволнованно. Суви, со дня приезда, была молчалива и отстранена. Если раньше она старалась скрывать печаль за улыбкой, не всегда удачно, но старалась, сейчас же и вовсе не делала этого.

Эди подошел к книжному шкафу, не глядя взял книгу, она тяжелым грузом легла в его руку. Такие диалоги он никогда не вел, но Суви была выжата, лишена сил, забыв их где-то между спортивным полем и ветками деревьев леса.

– Да. – Сухой ответ заставил Эди вздрогнуть.

– Прия, ведь, с твоего первого приезда не отходила от тебя. Вы все время проводили вместе. Часто ночевали друг у друга.

– Но теперь она решила, что мне нужно отойти, так что нет смысла обсуждать, – резко ответила Суви. Она не хотела

признавать, как скучает, как ей грустно без близкой подруги.

Со ссоры на тренировки они больше не разговаривали и в комнате практически не пересекались.

Эди просидел так еще двадцать минут, потом, поняв, что не дожидается слов и сам спросить не может, встал. У двери его остановил голос Суви:

– Она поступила ужасно с Инной. И знает это. Признавать не хочет, и... она сама меня оттолкнула, так что. Она хотела этого. И Лаура куда-то делась... – Взгляд Суви врезался в стену, точно там происходило что-то тревожащее и важное.

Эди, выдохнув, вернулся и сел рядом с Суви.

– Значит, она лишилась сразу всех подруг? Думаешь, она этого хотела?

– У нее есть Давид.

Эди кивнул. Слова плохо складывались в его голове.

– Я уверен, ей плохо без вас, но она очень упрямая и настойчивая, и вам...

– Я выбрала, Эдвард! – Суви напряглась, готовая отразить нападение, – Это мое решение! Я – Суви Адельхейд, ведьмы из моего рода должны быть сильными. Адам и Прия сказали... – Суви дернулась, точно от удара током, – они не правы. Верно?

– Я, ведь, не знаю, о чем речь, милая, – Эди осторожно дотронулся до ее плеча, – но ты сама веришь им?

Суви потупила взгляд в пол.

Эди внимательно выслушал историю Суви о знакомстве с

Адамом, о поцелуе и ссорах. Он подумал об Астрид Адельхейд, об оборотне Илари Койвисто, вспомнил об их боли. Перед глазами Эди встал одинокий и испуганный мальчик, кормящий внутренних демонов свежим мясом, как и все оборотни-чародеи, своим.

– Может, твой Адам и прав. Все мы, имеющие отношение к роду Адельхейд, даже косвенно, стремимся выбелить себя, создать лучшую версию и подстроиться под мир. Просто мы ищем лучших себя. И не находим, путаемся, боимся. Кому-то, как Фриде, Терезе, им везет. Им не нужно искать, они уже идеальны сами в себе, даже без способностей. А есть твоя мама, твой дедушка Веса, сотни ведьм и ведьмаков. Они не идеальны, но такие подходящие. Просто не знают об этом. Чародеи великого рода Адельхейд должны быть примером для самих себя, верно? Так тебя учила Тильда.

– И кому нужны такие примеры? – от взгляда Суви завяли фиалки.

– У нас в семье есть множество примеров достойных чародеев, чьи имена прославляют семейство Адельхейд, есть и такие, как Тильда, о таких не пишут книги, но именно они держат древний род на плаву.

Чувство вины и тоски в глазах любимой племянницы заставило Эди пойти на тот шаг, который он в жизни не хотел предпринимать.

– Ты знаешь, кто я, Суви? – серьезно спросил Эди. Мягкие черты его лица стали суровыми и каменными.

Суви непонимающе посмотрела на Эди.

– Эдвард Адельхейд, человек, мой дядя, муж Матильды Адельхейд, гениальный повар и кондитер, – чуть подумав, ответила Суви. Взгляд Эди заставил Суви вздрогнуть от холода.

Эдвард глубоко вдохнул наполненный ароматами цветов и трав воздух.

– Имя при рождении мне дали вовсе не Эдвард. Ты отлично знаешь мою первую фамилию, – Эди продолжил на выдохе, – я родился в знатном роде чародеев. Да, – Эди горько усмехнулся, заметив взгляд Суви, – я мог быть чародеем. Но не стал: магия не проснулась во мне. В тринадцать лет я оказался ненужным. Род Линдберг отвернулся от меня.

Суви замерла. Это было не те слова, которые она когда-либо ожидала услышать от Эди. От него пахло сладкой выпечкой и свежим хлебом. Кудрявые волосы цвета льна мягко падали на лицо. Но в голубых глазах набухали гроззовые облака. Суви увидела в этих облаках растерянного и разбитого ребенка.

– Мне так жаль, – Суви осторожно взяла Эди за руку.

– Родители отправили меня в Швейцарию, в школу-интернат для обычных людей. А всем сообщили, что я умер, устроили похороны... до сих пор есть могила... Они не хотели знать и видеть того, кто так посмел предать род – родиться простым человеком, опозориться перед великим родом Адельхейд, ради которого ни переехали в Эстонию. –

Эдвард с трудом набрал в легкие больше воздуха. – Родители, братья отказывались общаться со мной, прошлое выкинуло меня. Я пообещал, что никогда больше не притронусь к миру магии. И так обиделся, что даже отказывался праздновать свой день рождения, говорил в интернате, что ко мне приехали родители, а Тильде, что с друзьями... Моя милая Тильда, Матильда Адельхейд. Мы дружили с детства, семьи часто навещали друг друга. Узнав, что я не чародей, Тильда не отвернулась, она начала писать и присылала письма обычной почтой. Я был влюблен в нее с двенадцати лет и никак не мог ни забыть, ни признаться. Да и зачем, думал я, ей такой? Повезло еще, что Тильда не забыла меня!

Мы общались тайно. Как бы там ни было, но Тильда оставалась рядом. Мы не виделись четырнадцать лет. Даже закончив обучение, я боялся встретить ее. Вернее, боялся, что она увидит меня. Я знал ее лицо лишь по воспоминаниям. И все же я любил. Твоя бабушка, решила устроить старшей дочери свадьбу. Тильда не смогла отказать. И я приехал лишь потому, что меня уговорили ее сестры. Как бы я сам решился? – Эдвард печально улыбнулся далеким воспоминаниям, – Тильда спокойно познакомила меня с матерью и отцом. И они, пусть и нелегко, но приняли ее выбор. А если бы не приняли, она бы ушла, поверь мне.

– Мне жаль, что так случилось, – Суви прижалась к Эди, утыкаясь лицом в его мягкие плечи, – но я очень рада, что вы с тетей не потеряли друг друга. И что ты есть у нас с ней.

Эдвард покрылся краской.

– Я тоже рад, Суви. Люди много говорили, хотя они не знали, кто я на самом деле, даже простого отсутствия магии достаточно. Но все же Адельхейд приняли меня и позволили стать частью семьи. Эти люди, перед которыми мои родители так боялись потерять репутацию, ради мнения которых убили сына, эти люди приняли меня, дали свою фамилию. Так что, Адельхейд не так плохи. В нашем роду было много светлых и темных магов, плохих и хороших, было много талантливых, но не меньше обычных.

Эди горько рассмеялся и поцеловал Суви в рыжую макушку.

– Я не знаю, что творится в твоём сердце, почему ты отвергаешь Адама. Прав ли он? Это можешь понять лишь ты, дорогая Суви, никто больше. Но, когда поймешь, скажи ему об этом, ладно?

– Даже если это будет тяжело?

– Тогда в первую очередь. – Эдвард серьезно посмотрел на Суви. – Подумай, что ты хочешь сказать Адаму и Прийе. Вам нужно поговорить и помириться. Обещаешь мне?

Суви кивнула. Она понимала, что могла бы сказать Прийе. Но вот Адаму... как сказать: «я не знаю, что чувствую к тебе»?

– Сначала я поговорю с тетей Матильдой!

Суви снова обняла Эди и вышла из комнаты. Матильда занималась бумагами, пока вокруг летали метелки, тряпки и

швабры, подметая пыль и убирая грязь.

– Тетя, – серьезно начала Суви, заставив Матильду напрячься, – я хочу уйти из стрельбы! Это твоя мечта, мечта мамы, но не моя. Мне нравится стрелять из лука, я это люблю и умею делать, но соревнования губят чувство... Я устала гоняться за не нужными трофеями. Я боялась сказать, но пока есть время, пусть и полгода. Я понимаю, как глупо...

– Глупо, – перебила ее Тильда, – очень глупо! – Матильда взглянула в испуганные глаза мужа, застывшего за спиной Суви и, вздохнув, произнесла, – но это твой выбор. Я не злюсь на тебя.

Эдвард довольно улыбнулся, а Суви заключила Тильду в крепкие объятия.

Суви проснулась рано утром. В полной темноте, одевшись теплее, юная ведьма вышла на холодную улицу. По ее коже пробежала неприятная дрожь.

Суви стояла на крыльце заднего двора. К ее ногам падали редкие снежинки. Суви закрыла глаза. Он слышала, о чем говорят голые ветки под слоем инея и снега, как дрожат они на беспокойном ветру, как под теплым одеялом из сугроба спит старая трава.

Уснувшая земля говорила с ней на неведомом ведьмам языке.

Суви сошла с крыльца, оказавшись на заснеженной дорожке. Тело пробила новая порция холода. Ветки спрашива-

ли, чего она хочет, готовые дать ей свежие яблоки посреди зимы.

Но Суви хотела не этого. Она просила снежинки замереть, закружиться в заданной лишь ей траектории. Она просила северный ветер стать южным, принести запах шумного рынка, запах щербета и лукума, легкость шелковых платков, блеск палящего солнца на острее ножа, смех и не слышное движение каравана по вечным пескам пустыни. Чтобы ветер, согревая, говорил о тайнах пирамид, о затерянных в пустынях фараонах.

Но холодный ветер лишь дул сильнее, не спеша сообщать о своих секретах.

И все же Суви чувствовала, как кусочек магии ши бурлит в ней, бьется загнанной птицей. Холод сковал ее.

Суви невольно подумала о жарких объятиях оборотня. Всеми силами она обратилась к теплу воспоминаний о легких прикосновениях губ, кротких поцелуях, о том, как Адам утыкался лбом в лоб Суви, по-волчьи рыча. И тепло, точно волны южного моря, растеклось по ее телу.

Адам был так далеко. А его объятия оказались так нужны. Дело было уже не в магии. Поняв это, Суви судорожно сжала ткань зимнего пальто, вцепившись в нее, точно она единственное, что способно было удержать ведьму от падения. Теперь Суви была готова.

Впитывая любовь, магия вокруг Суви задрожала.

– Прости меня, – прошептала Суви.

Морозный воздух поймал ее слова, спрятав в кружащихся снежинках, точно древнюю тайну.

Через два дня Инна и Лаура приехали в дом Адельхейд. Инна сидела на кухне, играя с Верховной Чародейкой в шахматы. Фрида достойно приняла уже второе поражение.

– Ты не хотела бы пойти в Совет? – спросила Фрида, попивая между ходами горьковатый иван-чай.

– Никогда!

– И все же, ты подумай, – подмигнула ей Фрида. – Впрочем, – она задумалась, – с твоим даром к зельям, это была бы пустая трата времени, – согласилась она.

Инна довольно засияла.

Тем временем Лаура помогала Эди готовить ужин.

После вкусного завтрака, приготовленного Эди, девочки поднялись в комнату Суви. Увидев, как Суви меряет комнату шагами, Инна решила спросить:

– Что случилось?

Суви резко остановилась и села на кровать. Ее рука упала на книгу ши. Книга забавно покалывала под ладонью.

– Я хочу кое-что рассказать.

Суви долго говорила подругам о магии ши, о том, почему изначально проводила с Адамом время. С каждым словом Суви все больше заливалась краской. Стыд, липкий и холодный, окутал ее. Суви видела в глазах подруг и интерес, и упрек.

– Суви! – Воскликнула Лаура.

– Ты должна была сказать нам раньше, – укоризненно произнесла Инна, а потом резко захлопала в ладони и широко улыбнулась, – но это же так здорово! О, так вот откуда та книга Белладонны? А я думала это из вашей библиотеки...

– Я просто хотела стать более сильной и достойной, – смущенно прошептала Суви.

Инна приподняла лицо Суви за подбородок и посмотрела прямо в глаза.

– Ты и так достойнее всех Адельхейд вместе взятых. Я горжусь тобой, Суви. И, если ты покажешь магию ши, я буду гордиться тобой сильнее!

Глаза Суви загорелись.

Суви закрыла глаза и сосредоточилась. Внутри нее билась и клокотала магия. И пусть магии ши было немного, она остро ощущала каждую ее часть.

Суви, не шевеля руками, призвала к себе плющ и падуб. Они поползли к ведьме. Фиалки и орхидеи на окне обзавелись новыми бутонами. Чувствуя магию внутри ведьмы, растения откликались на ее призыв.

Инна рассмеялась, а Лаура смотрела, затаив дыхание.

– Я могу и другое, – улыбнулась Суви, гордо рассказывая подругам об альраунах и выращенных волшебных цветах, о языке земли и растений.

– Я тоже бы так хотела, – мечтательно растянула слова Инна.

– Ши используют магию внутри себя. Она помогает им понимать этот мир. Во мне и в вас есть частичка магии Ши. Не осознавая того, мы используем ее. Две магии. Конечно, мы не способны овладеть полностью магией ши. Ты, Инна, не сможешь управлять ветром, растениями, водой и огнем, не превратишься в животное, не поймешь их язык, не создашь свет, не вдохнешь в предметы временную жизнь, и не приподнимешься над землей. Но можешь развить то, что имеешь. Представь, ты можешь создавать не один цветок, а целый зимний сад, не только луну и пару созвездий, а целый Космос, скопления Галактик. А быть может и вовсе иллюзии, до которых сможешь дотронуться, ощутить холод звезд или мягкость лепестков, услышать голоса. Ты сможешь, даже, создавать настоящие, реалистичные сюжеты. Говорят, ши творят такие иллюзии, когда ведут хороводы.

Инна мечтательно улыбнулась.

– Только не говори Адару, мало ли, он не хочет, чтобы секреты знал кто-то, кроме Винцента. Это ведь книги ши.

– А я? – Спросила Лаура, – как мне развить силу?

Суви задумалась, в книге о копировании ничего не говорилось. Ши часто использовали ее с другим существами и ведьмами, если хотели сделать то, что не подвластно им. Поэтому обсуждать подобное было не принято.

– Ты и так совершенна, – солнечно улыбнулась Суви.

Целый день Инна потратила на попытку постигнуть магию ши. В конце концов, у нее получилось наполнить комна-

ту парой пересмешников. И даже райская птица гордо уселась на покрытом плюющим шкафу, издав пару нот. Пусть и не обретшие полную телесность, иллюзии гармонично жили вокруг.

Девочки не заметили, как к ним вошли.

– Это очень красиво, – Прия осторожно придвинула ближе к носу очки.

Суви кротко кивнула Прии. Суви удалось тайно отправить Прии записку и та, уже готовая сама идти извиняться, тут же пришла. Увидев Прию, Суви поняла, что скучала сильнее, чем думала. Она так захотела ее обнять.

Лаура сначала радостно улыбнулась, а потом натянула маску безразличия.

Инна вздрогнула и взмахом руки отправила один из горшков с цветком в сторону. Тот вылетел, разбив окно. Инна виновато посмотрела на Суви, но Суви лишь улыбнулась.

Иллюзия долго не смогла продержаться без внимания создательницы и исчезла. Прия дернула пальцами, и окно починилось: выбитые стекла встали на место, не оставив швов. Кажущееся многим простым заклятие восстановление, считалось сложным, но Прия легко смогла им овладеть.

– Это, правда, красиво. – Прия неуверенно села рядом с девочками. Молча сняла очки, отложив их в сторону, и только тогда продолжила, – простите меня. Мне жаль, что так получилось... Я не должна была срывать на тебе, Суви. И не должна была применять на тебе темные чары, Инна. Ты

была не права, но не заслужила такого за свой проступок. Я... я ужасно поступила.

На глазах Прии навернулись слезы. Она сжала ткань брюк и прикусила губы. Лаура в шоке смотрела на нее.

– Ты будешь должна мне по гроб жизни! – насупилась Инна. И все же, увидев легкую полуулыбку на лице Прии, она сама еле сдержала ответную улыбку.

– Согласна. – Прия, как в детстве, протянула руку, – мир?
– Мир!

Хотя напряжение еще витало в воздухе, Суви обняла подруг. Она была счастлива впервые за многие дни.

В поседении дни каникул, проводив Инну и Лауру, Суви снова осталась одна в комнате. Полная решимости, Суви достала запрятанный мамин дневник. Он тепло щекотал ее руку.

Шум метели за окном, шелест цветов, голоса внизу, стук собственного сердца. Все это Суви не была способна услышать, поглощенная новыми строчками, которые ей открыла темная магия.

Читая, Суви слышала в голове голос матери. Звонкий и сильный, точно мелодия сотни кинжалов. Астрид Адельхейд, наконец, откровенно говорила со своей дочерью. Пускай для этого ей и понадобился зачарованный дневник.

К девяносто девятому году записей становилось все меньше.

«Март 1999. Я уговорила Илари обратиться ко мне. Я знаю, для него это трудная ноша. Мне показалось, что он решил это сделать лишь из уважения к Терезе. Тогда никто не узнает, как пала дочь великого рода. Илари просит потянуть, просит подождать, пока Суви повзрослеет. Но к тому моменту я могу оказаться не первой.

Сегодня я слышала от Илари, что волчонок, рожденный в Ирландии от ведьмы и оборотня, пережил пять лет! Это редкость. Если он станет магом, боюсь, его мать раньше меня добьется успеха.

Я лучше нее, кто бы она ни была, и я лучше Фриды, и докажу это! Она еще пожалеет, что Парцифаль, как и все мои родственнички, в итоге отдал предпочтение ей. Ну уж нет. Они примут меня такой.

Май 1999. Температура спала. Я могу дышать и даже записывать. Ночами все еще появляется озноб, но теперь я привыкаю. Запахи, звуки и свет больше не кажутся такими резкими. Илари сказал, что каждый справляется по-разному, кому-то нужен месяц, кому-то год.

Но теперь я буду все ближе к цели.

Парцифаль снова отвечает на мои письма, я невероятно счастлива. Он поддержал мое решение!

Июнь 2000. Мне все хуже. Илари был прав, уговорив отправить милую Суви в частную школу, люди хорошо приняли ее. Но я больше не могу навещать ее и делать вид, что все в порядке. Мне трудно сдерживать волка.

Не знаю, правильное ли это решение. Я больше ни в чем не уверена, кроме того, что я должна справиться. У меня не получается колдовать. Пару раз я чуть не убила взрывами Суви, пока она гостила на каникулах. Ей нужна семья, люди, которые смогут о ней позаботиться. Тильда не та, кому можно доверить ребенка, но Эди я всецело доверяю.

Я бы отдала ее Парцифалю, но это было бы странно, правда? Но он бы воспитал из нее великую темную ведьму!

Я плакала всю ночь, собирая ей вещи. Суви, моя дорогая Суви, так и не поняла, что случится. Я искренне просила ее поверить, что вернусь. Я и сама хочу в это верить!

Обращаться так больно, но потом телу лучше. Тело оборотня мощнее, лапы упругие и сильные. Так легко, пока бежишь... Но постепенно начинаю забываться. Ведьмам так просто потерять себя в теле волка...

Сквозь ветки роз я смотрела, на Суви у дверей дома Тильды. Дом Тильды... это так странно, раньше это был и мой дом...

Хотела крикнуть «прости меня», но Суви бы испугалась моего рыка.

Прости меня, Суви, надеюсь, однажды ты меня простишь, и мы поговорим об этом. Я обязательно вернусь!»

Суви отложила дневник и закрыла глаза. В висках пульсировала боль. Суви стало трудно дышать. Она отрыла окно и впустила в комнату холодный воздух. Ее взгляд зацепился за куст белых роз. От ее взгляда распустились бутоны.

– Мама была здесь, – сказала ветру Суви. Но он ответил ей воем.

Суви с трудом принялась читать дальше. Даты и слова ударами плети проносились перед глазами.

«Апрель 2005. Илари сказал, что ирландский волчонок пережил тринадцатилетие. У этой Хьюз, которую я видела на днях, слишком самодовольный вид. Так бы и выколола ей глаза.

И все же жалко мальчишку. Если я, взрослая ведьма, еле справляюсь, какого ему? Интересно, какие темные заклятия использует его мать? Он явно не мог сам пережить этот возраст. Магия должна была убить его...

От мысли, что я сама бы сделала такое с моей дочкой, становится дурно. Я бы лучше умерла!»

Суви, вскользь читая болезненные записи, долго перечитывала одну из них:

«10 мая 2005. Суви сегодня исполнилось тринадцать лет! Я больше не могу часто навещать ее, или просить Илари. Я знаю, как она скучает и ждет меня, и я ее жду. Я тоже скучаю...

Я знаю, что Илари пишет от моего лица письма, но я уничтожаю их. Что я скажу моей малышке?

Мы были на ее празднике вместе. Всегда любила тринадцатилетие. Это особое празднование.

И за моей дочкой отлично ухаживает. Она не бросит ее, не даст в обиду и обеспечит всем необходимым. Кроме меня...

Я так горжусь Суви, она станет отличной ведьмой. Илари долго смеялся, вспоминая, как Суви обвила весь дом виноградными лозами. Суви достался редкий дар. Если бы Тереза увидела, какая у меня дочка! Может, тогда она бы поставила меня в пример Фриде? Хоть раз...

Июнь 2005. Ох, у меня ужасные новости: я больше не могу призывать Петунию! Я пытаюсь, но Илари говорит, что мало у кого выходит призвать фамильяра. Я так скучаю по Петунии, без нее холодно и страшно...

Вчера видела крысу, разрыдалась. От отчаяния сначала решила, что это моя Петуния... жалостливый взгляд Илари сделал только хуже!

Я боюсь написать об этом Парцифалю, что, если он скажет, будто Фрида, конечно же, Фрида, не потеряла бы контроль?

Август 2005. Способность Суви натолкнула меня на мысль. Я вспомнила легенду, которую давно мне рассказывал Винцент. В восемнадцатом веке в Исландии родился ведьмак Хёнд, будущий Верховный Чародей Хёнд Адельхейд. Он где-то в Финляндии нашел волшебный волчий цветок, родившийся от слезы первого оборотня. Сок этого цветка вылечивает боль волков.

А если эта сказка правда? И был этот цветок... мы ведь точно знаем, что был сам Хёнд.

Без Петунии все еще холодно.»

К 2008 году записи о тяготах путешествия ведьмы-обо-

ротня все больше редели. Сгораемая желанием найти заветный цветок, Астрид сильнее теряла контроль над магией.

Суть оборотня сжигала и рвала ведьму.

Суви было дурно, но она читала до рассвета. Уставшими, слипающимися глазами она прочитала последнюю запись дневника. Эту запись она будет перечитывать долгие годы.

«Июль 2008. Мы обошли все леса. Равнины и пустоши, горы и даже сады Финляндии. Нигде нет этого цветка. Илари просит остановиться или подключить других оборотней. Но я не сдамся!

Я так устала идти. Я везде чувствую присутствие слуг Фриды.

Руки болят, и я еле могу записывать, спать, есть... Больше не могу обращаться, застреваю на половине пути. Я вижу, с каким ужасом на меня смотрит Илари.

Как-то, думая, что я сплю, он сказал севшей рядом сойке: «Я давно хотел вернуться на родину, но не так. Астрид сведет нас обоих в могилу. Я тащу ее на себе полпути... даже у оборотня силы могут кончиться. Но и бросить ее я не могу.»

Ничего, дорогой Илари, слава восполнит твои тяготы и тайные передвижения сполна! Уверенна, именно это птица ответила бы тебе, если могла бы понять.

Мы найдем цветок!

Я так хочу увидеть Суви. Я не думала, что буду так скучать.»

Дальше записи обрывались.

Избегая родственников, Суви вышла на улицу. Ей нужно было пройтись. Мысли кубарем неслись в голове. Суви узнала две вещи: маме было больнее, чем она могла представить, мама сама решила выбрать этот путь. От осознания последней мысли Суви самой хотелось выть и кричать.

Суви дошла до безлюдного переулочка, призвала Тару, и тут же обрушила на фамильяра поток боли.

– Как она могла так безрассудно, так глупо бросить меня! – слезы градом текли из ее глаз. Тару молча села рядом, грея Суви.

Суви стало спокойнее. Сердце больше не ныло. Лишь горькое сожаление грызло душу.

– Я найду его, обязательно найду! – решительно заявила Суви, – это все не будет напрасно!

Тару взволнованно забила хвостом по замерзшей земле. А потом сказала:

– Я сберегу тебя, моя ведьма!

Дойдя до дома, Суви остановилась у забора. Она не могла войти, боясь сорваться. Но, представляя себе разговор с Эди, Тильдой и уезжающей Фридой, снова заплакала.

Суви присела на корточки, обхватив себя руками и закулила, точно сама была волком. Ей жизненно необходимо было увидеть Адама, оказаться в его теплых заботливых руках. Прижаться и ощутить себя в безопасности рядом с ним.

Но Адама не было рядом. И рассказать ему о своей боли

Суви не могла.

Ветер, сжалившись, укрыл ведьму теплыми потоками, принося запах фиалок и краски, запах ее оборотня.

Стреляй на выдохе, почувствуй всей сущностью стрелу – так всегда говорила Астрид, обучая дочь стрелять из лука. Астрид слегка поправляла ее руку, заправляла волосы за ухо, чтобы не лезли, и ждала. Суви натягивала тетиву, краем глаза косясь на уровень плеча. Выдыхала.

– Многие чародеи, занимающиеся спортом, плохо стреляют из простого лука без магии, – сообщала Астрид каждый раз, когда Суви жаловалась, что ей рано учиться.

Суви любила магию, любила ее покалывание на кончиках пальцев. И она любила стрелять. Слышать, как стрела рассекает ветер. Так быстро. Душой Суви летела вслед.

Суви чувствовала, как стрела в руке дрожит, как волосы слегка шевелятся на холодном ветру. Куда подует ветер.

Мишень стала четкой и ясной целью перед глазами. Суви отпустила тетиву. Стрела сорвалась и вонзилась в мишень, прикрепленную к молодой вишне. Суви снова была счастлива стрелять из лука.

Суви рассмеялась, вдыхая морозный воздух. Она запрыгала на месте, подставляя лицо зимним лучам солнца.

Тильда наблюдала за ней из окна. Она смотрела на радостное лицо племянницы. Лицо, уставшее от потерь и ссор. Лицо, пронизанное зимним ветром.

Суви застыла, делая глубокий вдох. Тильда машинально повторила за ней.

– Я так же выглядела, когда стреляла на соревнованиях. Сколько в ней силы. Посмотри на нашу девочку. – Сказала Матильда Адельхейд, смотря на фотографию сестры.

Суви выпустила стрелу и, рассекая первую, попала в цель. И ни одна ветка не дрогнула от ее магии.

Всю дорогу до острова Туле Инна провела в компании Рамуне, Иоланды и Суви, все время ищущей Адама взглядом. Прия с Давидом сели вместе со своей командой, а Лаура со своей.

Адам приехал раньше, как обычно, вместе с профессором Уэни Хьюз. Отойдя от друзей, Суви направилась к нему. У Суви быстро застучало сердце. Она думала о встрече все рождественские каникулы, и первый раз была рада видеть Адама не как обычно, а до безмерно сильного желания обнять.

Суви так скучала. Грустный, отстраненный, хранящий в душе зверя, и при этом спокойный, он показался Суви самым родным и нужным.

Увидев Суви, Адам сначала улыбнулся, не сдержавшись, а потом, вспомнив, почему гнал мысли о ней, опустил взгляд, рассматривая линии на полу. Он был влюблен в Суви с того момента, как она снова встретилась ему в библиотеке, но это не имело значения. Адам впился когтями в ладонь, чтобы

согнать улыбку.

Суви оказалась так близко, что можно было легко написать созвездия на ее лице. И так хотелось сделать это, ведя теплыми пальцами по прохладной коже ведьмы.

– Прости меня, – повернув лицо Адама на себя, нежно касаясь его подбородка, Суви приподнялась, поцеловав уголок губ. От накатившей волны тепла, у ног Суви распустился тимьян.

Не дав Адаму ответить, Суви снова потянулась к нему и в этот раз напрямую к губам. Адама окутал сладко-горький аромат цветущего луга. Его глаза под закрытыми веками стали звериными. И выросли клыки. Он ощутил запах сотни распустившихся под ногами тимьянов и, углубив поцелуй, услышал, как трепещут ветки ближайших деревьев.

Отстранившись, он прошептал:

– На нас все смотрели, – терпкий запах тимьяна путал и без того закружившуюся голову.

– Не обольщайся, никто не заметил, – подмигнула Суви.

Но все заметили и все смотрели на них. Самые тактичные отвернулись, но не каждый был на это способен. Где это было видано, чтобы ведьма рода Адельхейд целовала оборотня?

Адам рассмеялся, обнажая еще не ушедшие волчьи клыки. Он взглянул на тимьян под ногами и еще раз вдохнул его аромат, чтобы запомнить навсегда.

– Пошли, – Суви переплела их пальцы и потянула Адама за собой.

Прия, Лаура, Инна и Давид поддерживающе улыбались им.

Они шли по саду, держась за руки. В саду еще не выросли цветы, и статуи гордо сдерживали одиночество. Ни них никто не смотрел, как и на Суви с Адамом.

Только когда они сели на скамейку, Адам заговорил. Голос его был ровным, скрывающим тревогу.

– Ты прочитала дневник матери?

Суви сглотнула подступающий ком в горле и медленно кивнула.

Собрав силы, Суви рассказала Адаму все, что прочитала из маминого дневника: что она сама сделала этот выбор, что она навещала ее, про волчий цветок, и что не смогла справиться с противостоянием волка и ведьмы.

– Мне так жаль, – Адам нежно поцеловал ее. Суви глубже вдохнула его запах.

И тогда Суви не выдержала. Не скрывая горечь, она сообщила:

– Я так хотела, чтобы ты тогда обнял меня, успокоил... я нуждалась в тебе.

Адам вздрогнул и стал серьезным. Он притянул к себе Суви и крепко сжал в объятиях, пряча своим волчьим телом от холодного февральского ветра. Он обнимал ее за все те дни боли, когда она нуждалась в его руках, за тот самый день, когда ей было больше всего.

В его голосе чувствовалась спокойствие.

– Мы обязательно найдем этот цветок.

Суви ничего не ответила, лишь сильнее прижалась к нему.

Вместе профессора Регена, куратора последних курсов, в лазарете встретил Прию профессор Дюбуа. Чуть пошатываясь, она сидела на стуле и уверенно смотрела вперед, то и дело поправляя очки.

– Что случилось? – взволнованно спросил профессор.

Прия подняла на него затуманенный взгляд.

– Я упала в обморок. Ничего такого, просто хотела добиться результата лучше. Скоро последние соревнования и я, правда, волнуюсь.

– Это уже пятый обморок за начало недели, – строгим голосом напомнил профессор.

– Перед каникулами я пришла десятой, профессор. Разве это нормально?

– Да, это нормально!

Гаспар Дюбуа подозвал к себе стул и сел на него.

– У тебя понизилась успеваемость. Ты плохо работаешь на уроках. Плохо для себя. Ты теперь староста, но профессор Реген чаще видит Иоланду, – профессор говорил мягко, но строго, – Целительница беспокоится о твоём здоровье. Я тоже.

Прия опустила взгляд в пол и крепко сжала кулаки.

– Разве у меня есть выход? Они обходят меня.

Гаспар Дюбуа пожал плечами. Он наклонился к ученице и прямо посмотрел в ее пронзительные черные глаза. Прия

могла бы поклясться, что смотрела не в глаза человека, а в глаза медведя. От профессора пахло лесом и горьким деревом. Гаспар практически прорычал:

– Как ты думаешь, твои действия принесли нужный результат, Прия? – он получил ответ в ее взгляде и добавил, – я волнуюсь за тебя.

– Но как мне тогда быть? Кем мне быть? – Прия напряглась, услышав свой испуганный голос.

Она не знала почему, но больше не могла сдерживать маску. Может, дело было в пряном запахе осеннего леса в конце зимы, может быть в первозданной магии, питавшей способность профессора. А может просто в том, как он смотрел.

– Если ты продолжишь, профессор Реген будет вынужден связаться с твоими родителями. И ничего не останется, как запретить стрелять и снять с поста старосты. Тебе это нужно, когда осталось так мало? Я не хочу тебя напугать, но послушай меня. – Гаспар тепло улыбнулся и сжал руку Прии в своих теплых ладонях, – я знал такую же девочку, без нее я бы вылетел из Академии. Она загубила себе карьеру лучницы. Пусть и стала прекрасным учителем.

Прия сняла очки и аккуратно сложила их. Ощущая тепло медведя, Прия вдруг сказала то, что никому, кроме Давида, не хотела говорить:

– Вы знаете, что только у меня из нас четверых нет способности? Даже в простой школе я старалась хорошо учиться, нянча младшего брата, которого на меня скидывали. Я до-

казала всем чего стою, я должна постоянно это доказывать. Я должна стать самой великой ведьмой и спортсменкой, сделать хоть что-то великое и запоминающееся. Что же мне делать? – Прия сломлено усмехнулась.

– Ты никому ничего не должна, Прия Хатри. И ты уже стала такой, как хотела.

Прия отрицательно покачала головой, так сильно сжав очки, что радужка до боли впилась в руку.

– Ты удивительная ведьма, ты знаешь об этом? – мягко сказал профессор. У его глаз образовались новые солнечные морщинки.

– Больше нет. – Прошептала Прия.

Гаспар Дюбуа взял очки из рук Прии и положил их на стол.

– Тогда тебе снова нужно это узнать. Потому что я вижу это. Но то, что я вижу, совершенно не важно, пока не видишь ты. Ты можешь быть, кем угодно и делать все, что угодно, Прия. Ты, это не твои достижения, а все то, что ты любишь, об остальном же не стоит думать. Ну а что делать? – Гаспар мягко улыбнулся, – научись слушать себя, ладно?

– Вам легко говорить. Вас все любят просто за то, что вы такой позитивный и солнечный. Вам досталась прекрасная сила, которые вы, почему-то, стремитесь скрыть.

В глазах профессора отразилась печаль.

– Я не дал этому миру убить во мне свет. Это было трудно, но я справился. И ты справишься, Прия Хатри.

Суви, стоя в толпе одноклассников, почувствовала на себе внимательные взгляды серых глаз. Она улыбнулась, чуть повернув голову. Адам смотрел на нее с восхищением.

Прошел месяц, холодная зима отдала свои права чуть менее холодному марту, но Адам все еще не мог привыкнуть, что больше не нужно скрывать чувства.

Суви сорвала по дороге вдруг выросший цветок незабудки. Убрала прядь пшеничных кудрей с лица Адама, Суви вставила в них цветок. Адам рассмеялся, вдыхая сладкий запах.

Они дошли до беседки, где первый раз встретились для тренировки.

– У меня ничего не выходит, – нарочито сухо сообщил Адам.

– Мы найдем цветок, обойдем всю Финляндию. С моими силами это точно выйдет. Я почувствую его, каким бы он ни был. – Суви приобняла Адама, успокаивающе погладила рукой по спине.

Адам прижался щекой к ее щеке, вдыхая запах луговых трав. Ему стало трудно дышать.

– Я так хотел, чтобы ты мной гордилась, – его дыхание сбилось окончательно. – Я так хотел...

В его глазах блестели слезы, отражая фиолетовое свечение. Суви могла поклясться, что он был прекрасен таким: несовершенным, с засохшей краской на пальцах, со шрамами на руках и животе, с глазами, уставшими от чтения и бессонных ночей, изящными чертами лица и строгой, но ласко-

вой улыбкой.

Адам был прекрасен, когда рисовал, смеялся и плакал.

Суви потянулась к его уху, слегка касаясь и мягко произнесла:

– Я горжусь тобой.

Ветер шумел в ветках деревьев, напевая звонкую песню, точно перелив колокольчиков. Но Адам слышал лишь громкий набат своего сердца и ласковый смех Суви.

Глава 13. Они цветут, не радуя сердец

В апреле ученики все чаще ходили в лес, наслаждаясь теплыми весенними днями.

Светило яркое солнце, создавая иллюзию лета. Ученики шли по тропинке между березами, они веселились и разговаривали о своем, точно просто гуляли, а не шли на занятие. Березы бросали на сочную траву и камни легкие, коричневые тени. Казалось, все березы, травинки и белое небо написал своей кистью Шишкин.

Адам и Рамуне шли сзади группы. Никто не смотрел на них, странная девочка, любящая теории заговора, и оборотень, по их мнению, сегодня не заслуживали неодобрительных взглядов. Они начали привыкать, да и солнце было такое яркое.

– Я прочитала все те книги, что ты прислал. Но, думаю, вряд ли мне это поможет. Но я обещаю попробовать стать сильнее. – Подмигнула ему Рамуне.

Как только они отставали, Рамуне брала Адама за руку и тянула за собой. Но в этот раз Адам остался стоять на месте. Рамуне удивленно смотрела на него. Адам точно прирос к земле. Его лицо покрылось холодным потом.

– Адам?

Адам отпустил руку Рамуне и прижал ладони к груди.

– Больно. – Адам упал на траву. Его тело заныло, оставаясь глухой болью. С трудом собрав воздух, Адам прошептал кинувшейся к нему Рамуне, – позови Суви...

– Ох, – Рамуне вскочила, она заметалась вокруг Адама, не зная, что делать: толи использовать заклинание, толи бежать. Она даже призвала своего фамильяра. Крыса уютно разместилась на ее плече. Все же Рамуне наклонилась к Адаму, погладила его по волосам и пообещала скоро вернуться.

– Профессор Ланская, профессор Ланская! – Рамуне бежала так быстро, что больше не могла говорить. Крыса, которую она положила карман, испуганно наблюдала за своей ведьмой, крепко сжав лапками ткань. Не отдышавшись, Рамуне выдавила, – Адам... Адаму плохо.

Свечение на кончиках пальцев профессора Моен вызвало немалый восторг у учеников. Казалось, магию они никогда не видели. Все застыли, раскрыв рот от удивления. Профессор касался пространства пальцами, играя на воображаемом инструменте и звуки, трогательная мелодия фортепиано, заполняли класс.

В этой прекрасной музыке Суви слышала пение сверчков. Множество сверчков собрались где-то между пространством, в пустоте и на свету, чтобы сообщить что-то очень важное. Только Суви не смогла разобрать их слов. Лишь поняла, как им тревожно и больно.

На окно сел Ахон и призывно каркнул, обрывая звук.

– Извините, – мрачно сказал профессор Моен, покидая класс, – если не приду до конца пары, можете спокойно уходить. – Он посмотрел на Прию, – возможно понадобятся старосты.

Рене Моен ушел под гомон класса. Никто не понимал, что происходит. Одногоруппники выжидающе смотрели на Прию, но та лишь сообщила:

– Вам не о чем волноваться!

Профессор Моен быстро миновал два этажа, пока не поднялся в кабинет директора.

В глазах учителей застыл страх. Уэни Хьюз и вовсе утопала в слезах, пока Мюге гладила ее по волосам и что-то приговаривала. Сигве сидел рядом, то и дело предлагая ей леденцы.

– Все хуже? – Рене так и остался стоять на месте, – сколько?

– Еще сорок за утро, – могильным голос ответила Ванда, – большинство было на моих уроках вчера. – Гаспар сжал ее руку, Ванда лишь сдержанно кивнула ему. – Может что-то в лесу?

– Всегда все в лесу, дорогая Ванда, – Винцент выглядел спокойным, отбивая пальцами еле слышимый ритм. Директор обратился к Рене, – Эйрлис прекрасная целительница, она справляется. Только Адам Хьюз не приходит в себя. – От этих слов Уэни лишь сильнее зарыдала.

– Вы знаете все мои идеи, профессор, – Рене Моен ухмыльнулся, от чего черты его лица стали более красивыми, – вы и так знаете, что нужно идти к ши.

– Сначала я должен обговорить это с хозяином леса, потом, так и быть, пойдем к ши. Если найдем кого-то, – Винцент подозвал к себе книгу. Книга мягко уместилась в его руках. – Думаю, Амарант согласится со мной. Но ши тоже могут кое в чем помочь. Однако, сейчас нам нужны дриады. – Винцент нахмурился, – и ученица – Суви Адельхейд.

– Что это значит? – Гаспар напрягся.

Парцифаль оставался невозмутим. Винцент добавил:

– Я видел такое. Однажды целый геноцид простых людей в деревне устроила одна ведьма из рода Адельхейд, жена Верховного Чародея Хёнда, кажется, ее звали Цинния... а еще был ведьмак Хилюр, он управлял растениями... убил много оборотней. – при этих словах Парцифаль вздрогнул, – Нам нужно найти цветок. Всего лишь нужен волшебный цветок, выращенный ведьмой.

– Вы же не думаете, что девочка...? – чуть слышно сказала Оливия.

– Виновата? Конечно. Только ведьма с такой силой может

пробудить этот цветок.

– Еще не доказано, что дело в цветке, – сдержанно уточнил Парцифаль. – Суви Адельхейд может быть не при чем.

– Ты порой так наивен, мой свет. Если бы я раньше знал, что в тебе такое есть... – покачал головой Винцент и улыбнулся.

Грозно рыча, Гаспар схватил Винцента за плечи, так, что и без когтей оставил на них следы. Несмотря на то, что Гаспар и Винцент были одного роста, сейчас более крупный Гаспар напоминал огромного разъяренного медведя, схватившего кролика.

– Как вы смеее так говорить? Как вы смеее даже думать о таком?

Гаспар говорил спокойно, но в его голосе не могли скрыться гнев и злоба. Он напрягся, чтобы не взорваться, нежный взгляд стал яростным, хищным. Со скрипом он выдохнул.

Винцент оставался невозмутимым. Учителя ощущали силу и уверенность, идущую от Винцента. Всеи колдовской сутью они чувствовали его стать и магию. Даже в таком положении.

– Ладно... успокойся, Гас, – Ванда осторожно коснулась его плеча. От этого прикосновения Гаспар немного умирил пыл. – Извините его, директор, он просто волнуется за учеников. Принимает близко к сердцу. – Торопливо добавила Ванда.

– Я понимаю его волнение, – вежливо ответил Винцент.

Освободившись от хватки Гаспара, Винцент подозвал фамильяра.

– И мы будем просто ждать, пока Амарант ответит? – возмутился Гаспар, готовый снова схватить директора.

– Вы будите ждать! – жестко ответил Винцент.

Гаспар закрыл глаза и, рыча, ударил по столу. Все время Джасмин молча, словно без какого-либо интереса, наблюдала за происходящим. Она подошла к Гаспару и слегка приобняла его. Тот обнял жену и крепко сжал в объятиях.

Осведомленный дриадами Амарант уже ждал Винцента. Он устало вздыхал и морщил брови, думая о разговоре с чародеем.

– Приветствую вас, хозяин леса, – учтиво произнес Винцент, войдя в убежище лешего.

– Беспокоят цветы? И что ты хочешь, чародей? – безмятежно, но строго спросил Амарант.

– Провидения и удачи.

– Я принял вас здесь, дал остров. Я все боялся, что твои ученики уничтожат его. И что же? – Амарант усмехнулся, – вы губите сами себя, чародеи.

– Вы, как всегда, все знаете, мой господин. – Сдержанно сказал Винцент. Манеры и воспитание, даже спустя столько веков, не давали ему шанса вести себя иначе. – Но извольте понять, если это тот цветок, о котором я думаю, то наше незнание...

– Незнание? – Амарант указал рукой на распутившийся вдруг куст клубники. – Ты же пришел учить. Может просто на старости лет ты стал плохим учителем?

Винцент Вальден кивнул и криво улыбнулся. Его усталое лицо озарилось отблеском стали. Воздух наполнился грозой.

– Я написал двадцать семь книг о происхождении и использовании магии, и так же учебники в трех томах. Я самый печатаемый и уважаемый маг в мире. Мои ученики считаются одними из лучших. Мне сто раз предлагали пост Верховного Чародея. Я сделал множество открытий. Я познал многие глубины магии и сложнейшие заклятия. Так что я могу многому научить, господин. – С холодной гордостью ответил Винцент.

Глубокая тень легла на лицо Амаранта. Это не значило ничего. Для лешего имел значение лишь лес. Но он спокойно произнес:

– Это честно.

Корни пробили дерн, обвив ноги Винцента. Тот и бровью не повел.

– Я помогу найти вам первый цветок, – корни поднялись выше. – Это доброе решение, верно?

Ведомая корнями, их громкими голосами, Суви вышла на поляну. Сзади нее шли дриады и профессора.

Суви не понимала, зачем ее вызвали и что происходит. Преподаватели хранили молчанье, лишь кидали на Суви

взволнованные взгляды. Украдкой смотря на нее, Винцент надеялся, что его предположение ложно. Но он слишком хорошо понимал правду.

Они оказались на огромной поляне, заросшей различными цветами. Иван-да-марья, чертополох, медяница, дурман и петров крест светились изнутри фиолетовым. Тончайшие ниточки паутинки обвивали их стебли и листья.

– Что это? – Оливия Ульвен, раскрыв шире и без того большие глаза, обратилась к директору.

– Болезнь. – Сухо ответил Винцент.

– Как я могла это упустить, – негодовала Ванда, с ужасом оглядывая поле.

Винцент прикоснулся к зараженным листочкам. В его взгляде отразились интерес и скорбь. Севший рядом Ахон с грустью опустил мордочку.

Винцент обратился к дриаде:

– Почему Амарант не прислал кого ни будь из вас? Вы знали, что это развивается в земле.

– Мы должны обо всех цветах сообщать, ведьмак? – возмутилась Антея, – Он паразит, но не вредит лесу, только красит цветочки. Пока так. Амарант может его убрать, конечно.

– Так пускай уберет! – рыкнул Винцент и все, кроме Парцифаля Регена, удивленно посмотрели на профессора. – Это ведьмин цветок, он опасен! Хозяин Леса знает это! – карие глаза Винцента наполнились гневом. Винцент был готов зарычать, подобно грозному Гаспару. Тень профессора запол-

нила собой всю поляну, точно крылья огромного ворона.

Ветер замер, чувствуя исходящую от колдуна силу.

– Цветок у ручья, чуть ближе к горам, с южной стороны, там часто гуляют олени, – дрогнула Антея, сделав шаг назад.

От нехватки воздуха у Суви закружилась голова и закололо на кончиках пальцев. Суви сделала несколько глубоких, казалось бы, бесполезных, вдохов. Все плыло.

Чарующий голос директора разнесся по поляне. Спрятавшиеся дриады и хорьки, не желавшие притрагиваться к фиолетовой траве, в благоговении замерли.

– В восемнадцатом веке один чародей по имени Хилюр устроил геноцид оборотней, найдя такие цветы. Верховный Чародей Хёнд остановил его, приказал лишить магии и уничтожить. Говорят, он убил его собственными руками... – Суви показалось, что профессор вздрогнул, – потом Хёнд нашел и уничтожил и все ведьмины цветы. – Винцент задержал пронзительный взгляд на Суви и будничным тоном сообщил, – это природный яд против оборотней. Полагаю, последний цветок остался на острове и ждал своего часа.

– Профессор! – возмутилась Оливия Ульвен, бросив испуганный взгляд на приросшую к земле Суви.

Винцент кашлянул. Ему вдруг сделалось неудобно.

– Право, говорят, есть и другой цветок, его прозвали волчьим. В старых легендах он белый, сладкий и очень скрытный. Найти его трудно даже ши. Но я верю... – Винцент осекся, – только слишком все неожиданно и неправильно. Так не

вовремя. – Голос его сравнялся с мерным биением сердца. – Мне решительно жаль, но, если бы мы его и нашли, Адаму он уже не в силах помочь.

Невидимый барьер, точно созданный магией, отделял Винцента от остальных. Липкой и мерзкое чувство окутало его. Горький привкус потери застрял на тонких губах.

Винцент Вальден и Суви Адельхейд стояли полностью бледные. И каждый желал исчезнуть.

– Попросите уничтожить цветок, чтобы не появились новые больные. – Парцифаль положил руку на плечо Суви, – не волнуйся, его человеческая часть поможет выдержать. Будет трудно, но Адам сильный мальчик. Верно?

Сердце Суви еле билось, пока вокруг стрекотали сверчки, ветер разносил по воздуху запах, напомнивший Суви фиалки. Суви кивнула и, лишенная всяких мыслей, пошла вперед. Не дожидаясь прихода ши и хозяина леса, Суви покинула преподавателей. В горле ее застряли слезы.

Чем ближе она шла к первому цветку, тем сильнее воздух разрывало пение сверчков.

Суви вытянула руку и направила на цветок. Несколько листиков подсохли, но сам цветок остался невредим.

Прия, Лаура и Инна нашли Суви рядом с Гиллом. Суви сидела, прикрытая его могучими крыльями и смотрела в одну точку.

– Профессор Ланская нам все рассказала. – Девочки сели рядом.

– Смотри, что мы принесли тебе, – Инна достала из сумки банку с печеньями со вкусом сиропа из коры дуба, терновника и ясеня, – давай, заешь горе.

Суви взяла немного печенья. Подумав, достала еще. Инна, не смотря на Прию, протянула ей банку. Прия, взяв немного, села рядом. Лаура сама взяла печенье.

– Ты ведь знаешь, что не виновата? – Уточнила Лаура.

– Не знаю, – Суви посмотрела в глаза Гиллу, и тот заскулил, – это ведь я пробудила цветок.

– Адам поправится. Если что ши поможет, я попрошу Адара. – Инна ободряюще улыбнулась, – Адам ведь человек.

– Оборотень. Наполовину оборотень. – Сухо уточнила Суви.

Утром, не пойдя на занятия, Суви направилась к Адаму. В лазарете еще оставалось много учеников, но все они находились в более-менее приличном состоянии из-за экстренно принятых мер. Эйрлис и Оливия приготовили отличное зелье, проведя всю ночь за котлами. Адар с радостью подсказал им рецепт.

Лишь Адам, которому отдали отдельную палату, чувствовал себя плохо. Его бледное лицо покрылось потом. Светлые кудри липли, прикрывая плотно сжатые глаза.

– Адам, – Суви взяла его руку и ужаснулась: когда-то теплый оборотень напоминал кусок льда.

– Я в порядке, – процедил Адам сквозь зубы.

– Я не...

– Скажи, что веришь, – Адам открыл глаза и умоляюще посмотрел на Суви. Глаза цвета дождливого неба напоминали разродившиеся грозой облака.

– Я тебе верю, – мягко произнесла Суви, надеясь, что вышло убедительно.

– Вчера ко мне приходил Давид. И Рамуне из моей группы. Мы подружались после Хэллоуина. У меня теперь так много друзей: Ты, Давид и Рамуне, – Адам улыбнулся. Улыбка вызвала боль.

– Я рада, что ты нашел еще друзей. Все станет как прежде, вот увидишь. И друзей будет больше.

– Прекрасно, – Адам сжал ее руку, – Я еще так много не успел. Мы еще не нашли цветок твой матери.

– Я знаю. – Суви погладила его по мокрым от пота волосам.

Суви не пошла спать и всю ночь провела у кровати Адама. Эйрлис Корсен иногда приносила ей чай из крапивы и лесных трав. Это все, что она могла сделать.

– Я пыталась вымыть яд из печени и почек, столько зелий с пижмой извела, – вздыхала Корсен.

Суви было все равно, если это не помогало. Она просила Инну тоже готовить зелья, используя лучшие книги ши, давала их Адаму... аютины глазки, мирра, олеандр, левкой, амарант, бузина... кора дуба и тиса, пыль яшмы, лазурита и топаза – ничего не помогало, все было без толку.

К утру Адаму стало хуже. Все, что он видел – силуэты. Все, что он чувствовал – жуткая жажда и ломка в теле. Адам выгибался, не в силах сдерживать рык. Выпуская когти, он впивался ими в живот. Тогда лицо становилось звериным, и вспотевшее тело покрывалось шерстью.

Вены стали фиолетовыми, они пульсировали, пуская в кровь яд.

Услышав, что идет мама, Адам попытался встать. Он сполз с кровати и, отпихнув руку Суви, приподнялся. Он тяжело дышал. Сдавленно, хрипло. Точно фиолетовая кровь бурлила и в глотке. Он не позволит Уэни Хьюз увидеть его таким.

– Сынок, – Уэни кинулась к Адаму, прижала его к себе так крепко, точно он не сломается.

– Я же весь потный, – Адам возмутился, с трудом вырывая из себя слова и вырываясь из ее объятий.

Суви решила оставить их.

Она шла по коридорам, слушая гул голосов за дверьми. Люди жили дальше, а Суви понимала одну вещь. Вещь, застаревшую на языке, отдающуюся горьким привкусом.

«Цветы проросли в его теле. – Все крутился в памяти голос Корсен. – Их яд душит. Только из-за присутствия магии чародея, Адам все еще держится. Мне жаль, Уэни».

Мысли Суви прервали голоса.

– Так и надо этому щенку, – усмехнулся Виде, – у нас элитная Академия. Мой отец...

– Кому какое дело до мнения твоего отца? – возмутилась Хортензия, – его выгнали из Совета!

– И все равно, этот щенок... – продолжил Виде.

– Хватит говорить так, он же умирает, – мягко сказала Хлоя.

– Ну и пусть, – усмехнулся Виде.

– Да, пустьдохнет, – поддержал его Филикс, – но нашу Суви жалко.

– Оборотни – ошибка природы. А Суви из рода Адельхейд, она должна знать, что делает! Эти жалкие недочародеи должны... агх... – Виде выгнулся, потянув руки к прутьям терновника, обвившем его шею. Шипы, ставшие острее лезвий, воткнулись в его горло.

– Виде! – Хортензия попыталась оторвать от его шеи прутья, но терновник сильнее тянулся к Виде.

Из оставшихся сил Суви вызвала Тару. Фамильяр взволнованно закружился вокруг Суви. Тару нервно забила хвостом, следуя за своей ведьмой.

Суви вышла из укрытия, сжимая пальцы в кулак. В ее венах бурлила сила. Травы и деревья вокруг зашевелились, потянулись к стенам. Розы пробили землю и подняли вверх Виде, Хортензию и Филикса.

– Суви? Суви, что ты делаешь? – Хлоя кинулась к Суви, но та лишь бросила на нее гневный взгляд, не желая отступить.

Суви сильнее вдавила пальцы в ладонь и кровь внутри ее одноклассников закипела. Они покраснели и начали за-

дышаться. Они бы закричали, но не могли даже вздохнуть. Внутри их тел, бурля, кипела лава, обжигая органы. Руки Виде и вовсе опустились. Он потерял сознание.

Хлоя безуспешно пыталась трясти Суви, чтобы хоть как-то привести ее в чувства. В голове Суви, перекрывая голос Хлои, кричал от боли Адам.

Тару, чуть отойдя от Суви, коснулась лапой руки Хлои. Хлоя удивленно взглянула на нее.

– Что ты хочешь? – Хлоя посмотрела на свою руку, потом горящие белым глаза фамильяра. – вот как... это не запрещено. Ты умница, фамильяр.

Тару сомневалась в этом. Она нарушала правила.

Хлоя Даль поднесла ладонь к лицу Суви. Ладонь засветилась, создавая шарик чистого света. Слепленная, Суви разжала руки и поднесла их к глазам. Она услышала, как с грохотом падают одnogруппники.

Суви сидела в кабинете профессора Регена. Ее тело пробивала дрожь. От настойчивого взгляда Парцифалья дрожь лишь усиливалась. Суви могла поклясться, что профессор уже знает о том, что она сделала.

Парцифаль снисходительно улыбнулся.

– Что ты хотела?

Суви с силой сжала кулаки и резко взглянула в глаза профессора. Она выпалила на выдохе:

– Научите меня темной магии!

Суви ожидала, что взгляд профессора станет довольным, забирая в темный мир еще одну душу, но его взгляд не был даже осуждающим. Ничего не поменялось в его спокойном лице.

– Зачем тебе это?

– А что ответили мама и тетя Фрида?

На этот раз еле заметная тень прошла по его лицу.

– Астрид и Фрида хотели стать сильнее, хотели познать этот мир, но преследовали разные цели. Они не первые и не последние, кто приходил ко мне. Я согласился лишь потому, что они дочери Терезы и потомки...

– А я ее внучка.

Парцифаль улыбнулся. Но улыбка эта показалась Суви вымученной и слабой, точно отпечаток той улыбки, которой Парцифаль хотел ее одарить.

Парцифаль подошел к Суви и сидел рядом. От него пахло теплым майораном и горькой геранью. Посмотрев в его глаза впервые так близко, Суви смогла заметить, как в глубине черных глаз мерно горят созвездия в вечном и безмерно древнем молчании. Холод космоса, цепляясь за незаметную радужку глаз, мерцал вековой усталостью.

Суви не было страшно от этого взгляда. Напротив, в нем хотелось утонуть. Без остатка, забыв имя, болезнь Адама и предательство родителей. Ничего не имело бы значения в пучине бездны.

– Ты думаешь, раз не помогло целительство, поможет чер-

ная магия?

Суви кивнула в ответ.

– Есть одно заклинания, направленное на защиту рода. Но его должна читать профессор Хьюз, не ты... к тому же, будем откровенны, мало кто из чародеев выживал после прочтения этого заклятия.

– Так пускай пожертвует своей жизнью ради сына! Пускай сделает хоть что-то для него!

Суви вскочила. Космос дрогнул в глазах Парцифалья.

– Я сегодня использовала одно заклятие. Случайно. Мне было так больно, я злилась и...

– Такое бывает в порыве гнева, – согласился Парцифаль. – К тому же, ты сильная ведьма, тебе было легче необдуманно использовать темное заклятие.

– Прошу вас, – Суви опустила голову, запуская пальцы в рыжие волосы.

Парцифаль взял ее за руку и потянул к себе. Суви обдало запахом герани еще сильнее, за ним она ощутила запах звезд. Суви была уверена – именно так они и должны пахнуть.

Осторожно Парцифаль положил руку на ее спину.

– Я попытаюсь сделать все, что смогу, но ты не должна...

Получив срочное послание от Винцента, Матильда и Фрида отправились в Академию. Они были так взволнованы, что не могли идти по тропинкам, вспоминая годы своей учебы.

– Это возмутительно, Фрида! А если об этом узнают? –

сокрушалась Тильда. Она была бледной, чем раньше и явно набрала вес.

– Мы не вправе ее винить, – спокойно сказала Фрида, – дорогая, что бы ты сделала, случись такое с Эдвардом?

Тильда бросила на сестру злобный взгляд. Но Фрида вдруж обеспокоенно сказала:

– Не нужно было мне тебя брать... В твоём состоянии. Лучше бы дома осталась.

– Еще чего? – Возмутилась Тильда.

Винцент ждал их в компании Парцифаля Регена и напроставшегося присутствовать Гаспара Дюбуа. Гаспар то и дело метался от одного угла к другому.

– Ее не исключат, успокойтесь, – твердо сказал профессор Реген.

– За нападение на учеников? Тем более с темной магией. Откуда она вообще это знает? Виде Бьорк бы умер, да и остальные... – Гаспар с грохотом упал в кресло.

Он вздрогнул, в очередной раз представив, как три детских маленьких гроба выносят из Академии. Успокаивало лишь то, что дети в надежных руках Эйрлис Корсен.

– Но не умер же. Выговор сделают и все. Никто не исключит ведьму Адельхейд.

– Безнаказанных не бывает, мой дорогой друг, – строго сказал Винцент, – ее род, изволь понять, при всем моем особом отношении, не дает ей право применять магию на других учениках и нападать на них.

– Я не об этом, она защищала друга, – возмутился Парцифаль. – Кончено, это не значит, что должны страдать другие, но...

– Вот и славно, – мягко улыбнулся Винцент, запуская пальцы в перья ворона.

Не заглянув к племяннице, Тильда и Фрида сразу отправились к директору. Тильду трясло от злости, а Фрида оставалась спокойной. Они говорили долго, около трех часов. Слышались напряженные голоса.

Фрида понимала, что общественность не простит ей снятие наказания с племянницы, но и наказывать ее она не хотела. Тогда она сама приняла решение.

– Накажите Суви работой по хозяйству, в загонах виверн, думаю, профессор Блэр ей спуску не даст...

– Разве для нее это наказание? – прошипела Матильда. – Она и без того часто там.

– Наказание. – Сурово сказала Фрида, – Будь с ней мягче, у нашей малышки скоро будет еще один траур. Не слишком ли много для ребенка?

– Ей уже скоро восемнадцать! – настаивала Тильда.

– Но она ребенок, Матильда, еще ребенок, – поддержал Фриду Парцифаль, – отругаешь ее за проступки потом.

Матильда опустила к полу глаза.

– Так что же мы решим? – Прервал тишину Гаспар.

Суви лежала на кровати. Прия, Лаура и Инна отказались

выходить из комнаты, боясь оставить подругу. Вся злость Матильды ушла, когда она увидела воинственные лица девочек и разбитую, лишенную энергии Суви.

Тильда села рядом с Суви и взяла ее за руку. Все ее тело ныло от боли, но она ласково улыбнулась.

– Эди передавал тебе привет. И испек торт с черникой и черемухой. Мы привезли...

– Я не хочу есть вообще. Как они накажут меня? – Раздался пустой голос Суви.

– Не важно, – Тильда заботливо поцеловала племянницу в лоб, – поспи и не думай об этом.

– Вы останетесь? – Суви сжала руку Тильды.

– Конечно! – Фрида легла рядом и обняла Суви, – Извини, что приехали только так. В такое время...

Суви вдруг посмотрела на Тильду очень внимательно и выдохнула. С трудом, но мысли сложились в ее голове.

– Вот это новости, – она хотела было улыбнуться, но не смогла.

– Мы хотели сказать тебе, но...

– Я очень хочу пирог. – Сообщила Суви.

Тети остались сидеть рядом с племянницей, а девочки, наконец, вышли погулять. Они нуждались в свежем воздухе.

– С ней ничего плохого не будет. И Адам поправится. – Настойчиво повторяла Лаура.

Прия вдавила очки в переносицу. Она вдыхала сладкий запах весны. Все вокруг пробуждалось, но казалось каким-то

фальшивым на фоне их тяжелых дум.

– Что мне им сказать? – вдруг спросила Прия, – Суви и Давиду. Что сказать им, если Адам умрет?

Инна лишь пожала плечами. Из леса доносился ласковый голос флейты Адара. Вокруг гуляли ученики, летали виверны и жизнь стремительно неслась вперед. Мимо пробежало несколько оленей. Они окинули ведьм скучающими взглядами и унеслись прочь, точно не появлялись вовсе.

– Что ты рядом, скажи им это, – ответила Инна.

Когда Суви уснула, Фрида оставила ее с Тильдой. Она дошла до комнаты Рене и остановилась. Ее сковала неуверенность.

– Я знаю, что ты там стоишь, – слышалось из-за двери.

Фрида зашла к нему. Ее обдало запахом гибискуса, разместившегося на столе профессора. Рене Моен сидел за горой бумаги, проверяя работы. Увидев Фриду, он кинулся к ней. Крепко обняв за все то время, что не видел, Рене жадно вдохнул запах оранжевого дерева.

Фрида чуть отстранила его, покрывшись краской. На самом деле ей хотелось ровно противоположного. Она и не думала, что ощутит это, спустя девятнадцать лет увидев Рене.

– Как ты? – спросила Фрида.

– Ты приехала из-за Суви? – печально улыбнулся Рене.

– И из-за нее, – Фрида отошла и села на диван. Она откинула голову назад. Когда-то давно они вместе сидели за

партами в этой Академии. Это казалось таким настоящим, а теперь лишь тенью касалось мыслей. – Тебе тут не душно? Ты хотел менять мир...

– Я и меняю его. Через своих учеников. Я учу детей творить заклятия и менять мир. Это много стоит, Фрида.

Фрида с умилением посмотрела на профессора. Из мальчика, бежавшего от мира в тень, он вырос в мудрого и сильного мужчину.

– Извини, что не отвечала на твои письма. Я...

– Не стоит, это не важно, – волосы Рене стали кудрявыми и рыжими, как у Фриды. – Много работы и все такое, я знаю, что ты скажешь. Не хочу это слышать. Знаешь, пока тебя не было, я женился, развелся, детей не завел. Но, раз пришла, просто поговори со мной о погоде и выпей чай.

– Ох, Рене...

Профессор мягко улыбнулся. Под напором его улыбки и светлых глаз, Фрида выдохнула.

– Я... я должна выговориться. Ты имеешь полное право больше не выслушивать меня, я пойму, – Фрида принялась усердно рассматривать стены, – правда пойму.

– А я, правда, хочу выслушать тебя. Даже если ты расторгла нашу помолвку, и мы не общались слишком много лет, я все еще твой самый близкий друг.

Фрида протянула руку над свечой, и под ладонью загорелся огонь. Фрида взяла его пальцами и, как живой, огонек плавно оказался на центре ладони. Он стал больше. Неболь-

шой костер горел на ладони Фриды, сладко потрескивая домашним уютом.

Рене практически не дышал.

– Я все еще дефектная, Рене. И не говори мне, что это не так! У меня никогда не получалось сделать больше, сколько я не пыталась. Я должна была не контролировать огонь, зажигать все, испепелять. А что я могу? Суви может убить человека парой обычных плющей, она сильная, растения слушаются ее... Огонь лишь смеется надо мной.

Тепло свечи отразилось в глазах Рене.

– Фрида... Теперь ты можешь взять его на руки, это же замечательно!

– Я уже пожары должна устраивать, всю Землю за ночь сжечь, оставив от нее только пепел, если бы захотела! Ты ведь понимаешь...

– Понимаю. – Рене помолчал и добавил, – я все еще единственный, кто знает об этом?

Фрида дернулась, ее губы исказила кривая усмешка. Казалось, она еле сдерживала истерический смех. Огонь на ее руке возмутился и потух.

– Астрид знала. Она увидела как-то раз... я просила ее не говорить родителям, никому не говорить, даже Тильде. Она так возгордилась, начала подшучивать надо мной, мол, я теперь жалкая. Побежала сразу к родителям, кричала: «Ваша Фрида дефектная, она тоже неправильная. Ей досталась великая сила, а все, что она может – зажигать свечи!», роди-

тели не поверили ей, наказали и на день заперли в комнате. Она знала, всегда знала, что у меня на самом деле слабый магический потенциал. А я... – голос Фриды дрогнул, – я сказала, что она все выдумала. Я должна была не просто защищать ее на словах, Рене, я должна была показать, что она не хуже... Но я не смогла, я была идеальной: умной, успешной, сильнее и популярнее всех! – Фрида надрывно рассмеялась.

Рене взял ее ладонь в свои, ощущая тепло потухшего огня, и поднес к кубам.

– Стало ли бы Астрид легче? Да и ты бы все равно выросла великой ведьмой.

– Я должна была тогда ее защитить, я должна была все рассказать, я должна была всегда выгораживать ее лучше, я должна была найти ее и спасти, понять, что она с Илари... я должна была защитить Суви, убедиться... но она ведь с Винцентом, я думала...

– Фрида! – Рене резко прервал ее. В его глазах бесконечная забота соединилась с острой болью. – Ты не святая. Ты можешь быть неправильной. Ты можешь совершать ошибки, не держать все под контролем. Я повторял тебе это тогда, и буду повторять каждый раз, когда ты забудешь.

Фрида удивленно смотрела в его глаза, не понимая, зачем она ему нужна. Все еще. Он все еще ее любил, и Фрида в этом не сомневалась.

– Ты не должна была ничего, ты не могла ничего сделать. Это их жизни, Астрид была вправе прожить такую жизнь,

а Суви вправе жить свою. – Рене потянул Фриду к себе и крепко обнял, уткнувшись в пышные рыжие волосы.

– Я должна рассказать. Должна всем рассказать, что я не идеальная. Верно?

Рене погладил ее по голове.

– Если тебе так будет легче. – Он поцеловал ее в лоб, и бережно прижал к себе.

Парцифаль сидел у кровати Адама, смотря как тот спит. Он думал о сыне, которого никогда не видел в таком возрасте. И что-то острое, притаившись, ударило в сердце.

– Сили...

Восемнадцатилетний юноша, красивый и до безумия бледный, лишенный всякого намека на жизнь, бурлящую в нем, лежал перед ним. Кудрявые пряди были убраны назад, открывая впалые щеки и синие круги вокруг глаз. Его вены, переливаясь фиолетовым, мерно блестели.

Эйрлис Корсен, увидев профессора, приветливо улыбнулась ему.

– Вы снова пришли, профессор? Я так рада вас видеть, – взгляд Эйрлис потускнел, – только мальчику все не лучше... я так стараюсь, все книги перечитала, но...но это... и ши эти помочь не могут. Неужели все потерянно?

– Эйрлис, – Профессор схватил целительницу за запястье и посмотрел ей прямо в глаза. Эйрлис замерла, не в силах дышать, – ты делаешь, что можешь. Иногда и мы бессильны.

Эйрлис неуверенно кивнула. Парцифаль отпустил ее руку.

– Оставь нас. – Мягко приказал профессор.

Когда целительница ушла, Парцифаль достал из кармана небольшую монетку, переливающуюся всеми цветами радуги. Он положил ее в ладонь Адама и начал что-то шептать. Слушаясь его, монетка мерцала все ярче. Впиваясь в кожу Адама.

– Я не знаю, подействует ли, как сработает в этот раз, ведь ее дали ни мне, ни тебе... но прошу, верь в нее, Адам Хьюз, как верят создатели ее – лепреконы.

Парцифаль погладил Адама по мокрому лбу и ушел. Тогда Адам открыл глаза и сжал кулак. Когда он его разжал, монеты уже не было. Монета была в нем. Адам сдавленно рассмеялся.

Неделя прошла мучительно долго. Вечером Давид снова решил навестить Адама. От увиденного он впал в ступор. Адам побледнел и ослаб. Он отказывался от еды и много пил воду, не способный напиться. Он с трудом сидел на кровати, закрыв тонкие веки. По шагам он узнал Давида.

– Как ты? – Спросил Адам, – Давно не виделись!

– Я заходил вчера, – Давид направился в сторону Адама.

Адам резко встал, попытавшись сделать шаг, но не выдержал и упал. Давид поймал его и усадил на кровать. Он слышал сбивчивое тяжелое дыхание друга.

Давид видел много смертей, хоронил множество виверн и драконов, видел, что жестокие люди могут делать с ними и с ним самим, но сейчас ему было, как никогда, больно и картины ужаснее Давид представить не мог.

Увидев его взволнованный взгляд, Адам ободряюще улыбнулся.

– Я поправлюсь! А если и нет, я прожил дольше таких же, неправильных... Я стану посмертно известным художником и где бы ни оказался потом, буду счастлив.

– Я уверен, ты поправишься. – Твердо сказал Давид.

Слабый голос Адама заполнил покои лазарета:

– Я счастлив, что мы подружились. Никогда не думал, что, если найду друга, это будет капитан команды, популярный мальчик и парень самой крутой девочки, – Адам усмехнулся, – ты как из книги.

В зеленых глазах Давида, похожих на бескрайние луга, воцарилось спокойствие. Но под ними бушевал шторм.

– Ты был мне отличным другом, – продолжил Адам, – пока многие смелись надо мной, унижали, желали смерти... я неправильный, а ты... вы все, вы приняли это.

– Не прощайся, – чуть слышно попросил Давид, – не смей этого делать.

Мягкий взгляд Давида стал серьезным. Адам читал в них боль и надломленность. Маленький мальчик по имени Давид, скрывающий шрамы и синяки под длинными кофтами, защищающий драконов самим собой, сейчас сидел перед

ним.

Они были всего лишь детьми. Разбитыми, ранеными судьбой. Отравленными чьим-то неведомым выбором и непомерными для своего возраста решениями. Может, сгорая от ночных кошмаров, легче однажды понять друг друга?

Пытаясь отвлечь, Давид рассказывал Адаму про занятия, про стрельбу и летний чемпионат, на который дедушка снова непременно достанет им билеты. Что в библиотеке дедушки появились новые книги, которые Адаму бы стоило почитать. Про то, как пригласит его однажды на первый чемпионат своей команды и придет на первую выставку, где все картины кисти Великого Адама К. Хьюза. С болью в теле и хрипом Адам смеялся.

Вдруг Адам задрожал. Он сполз вниз, жадно глотая чистый воздух. Давид спустился следом, чтобы поднять друга. Адам резко схватил его за руки, с трудом умудряясь удержаться.

Давид нервно сглотнул слюни, боясь произнести хоть слово. Он с ужасом рассматривал теперь тощее тело Адама, впалые серые глаза, лишенные блеска, светлые кудри, прилипшие к вспотевшему лицу. Если от этого бледного лица вообще хоть что-то осталось кроме глаз. В его глазах бушевало море у берегов Ирландии и чайки, пикируя вниз, разлетались на частички смерти.

С трудом подбирая такие нужные слова, Адам произнес сквозь слезы то, что обухом ударило Давида по голове. Адам

думал, что готов принять свою участь, ведь с детства ему твердили, что он не доживет до шести, четырнадцати...

– Я не хочу уходить! – Адама трясло от холода. Он резко сжал в объятиях Давида, впивая в пиджак когти и прижал к себе, цепляясь за друга, как за ткань мироздания, пытаясь не упасть. Давид застыл. – Я не хочу уходить! – градом пуль отлетало от стен.

Вскоре Адам обмяк в его руках, и Давид помог ему снова сесть в кровать.

Когда вернулась целительница, Давид отправился обратно в их общую комнату. Давид замер на пороге, наблюдая за нарисованным драконом на стене. Дракон мирно спал, подергивая во сне огромными крыльями. Он сопел и из пасти его шел легкий дым.

На столе лежали недочитанные книги. На мольберте был только покрытый первым слоем краски холст. Небрежно повешенные на стул вещи. Свернутые эскизы и разбросанные черновики. Все застыло в немом ожидании хозяина.

– Останься, – прошептал Давид в пустоту комнаты и слезы скатились по его щекам.

Глава 14. Где звездами цветет земля сырая

Лес никогда еще не был так безмолвен.

Тяжело дыша, отвергая любую пищу, отвергая любую магию, оборотень встал. Его голову, измученную болями, успокаивал легкий звон колокольчиков. Он звал его к себе, в теп-

люю и уютную оранжерею, прочь от стен лазарета.

Адам шел, ведомый чувством, знающий то, о чем остальные лишь думали. Все свои силы он тратил на то, чтобы дойти.

Он вышел в теплое утро на улицу. Ветер терзал изнуренное бессонными ночами лицо. Адам дошел до оранжереи и упал. Он слышал щебетание проснувшихся птиц, слышал шелест и перешептывания травы. И все, что он мог, это вцепиться в землю когтями и ползти.

Он прижался холодным телом к огромной теплой вазе. В ней, извиваясь, росли живые ирисы. Они тянулись к Адаму. Сквозь шум мира из тишины леса Адам услышал пение тысячи сверчков.

Адам вытянул руку и направил все свои силы, всю магическую суть на одно заклятие, которое тренировал годами. Из рук Адама пророс ведьмин цветок. Чтобы сдержать крик, Адам прикусил губы до крови, но не опустил руку.

Перед ним появилась белоснежная сова. Адам рассмеялся, захлебываясь в подступившей крови. Фамильяр забил крыльями, разминая их. Как давно он ждал этого дня. Вдруг он встревожился, кинулся к Адаму. Он накрыл своего ведьмака крыльями, излучая тепло. Сил сделать что-либо еще у Адама не оставалось. И фамильяр, точно прикованный, не мог позвать на помощь. Лоб Адама покрылся трещинами, их пробили маленькие стебельки.

– Я так рад видеть тебя, – у глаз Адама скопились слезы. –

Я назову тебя Кухелла. Ты не против?

– Не против, это самое чудесное имя, – мягким, самым родным голосом раздалось в голове Адама. Как же он его ждал.

Потеряв связь с магией, Адам закрыл глаза. Кухелла яростно забил крыльями и исчез.

К своему несчастью Адама нашла Суви. Крик, безмолвный, всепоглощающий разлетелся по оранжерее, выбивая стекла, ломая балки, снося цветы. Ведомые лишь криком ведьмы, листья и ветки закружились вокруг нее в бешеном порыве.

Не помня себя, Суви подошла к Адаму и легла рядом. Она ощутила спиной холодную поверхность вазы. Суви взяла Адама за руку и преподнесла ее к губам.

Руки Адама, давно не покрытые краской, пахли полынью. Горькой, как кровь.

Суви прижала его руку к земле и положила сверху ладонь. Она чувствовала пульс корней под землей и в вазах, она чувствовала вибрацию. Цветы медленно поползли, стебли их удлинились. Суви сжала тонкими пальцами белые лилии и они, дрожа, поменяли свой цвет на неестественно бордовый.

Тогда с губ Суви слетел еле слышимый, надрывный смех. Не используя рук, она призывала растения. Она просила цветы, траву и корни о помощи, и они вторили ее боли, подчиняясь зову. Чем больше боли клубилось в ее сердце, тем плотнее становились ряды растений.

Суви слышала удивленные голоса учеников, пришедших на занятие. Цветы и плющ полностью покрыли оранжерею, заковав внутри своих стеблей сталь.

Ощущая тепло земли через руку Адама. Суви прижалась к нему, уместив голову на его груди. И, как бы ей ни хотелось плакать, она не могла. Суви лишь лежала, глядя в пустоту, забирая последнее, еле ощутимое тепло его тела.

Инна в это время ждала аудиенции хозяина леса. Рядом с ней нервно подпрыгивал на месте Адар. Инна смотрела на него спокойно, даже слишком. Адар не верил, что Хозяин леса сможет помочь. Они всегда отказываются. Они всегда хотят лишь наблюдать.

– Раз ши сделать ничего не могут, ну как он поможет? – сокрушался каждую минуту Адар.

К Адару и Инне вышла Дафна. Она мягко улыбнулась и протянула руку.

– Идем, ведьма, хозяин леса ждет тебя.

Амарант задумчиво разглядывал полынь, выросшую в его прекрасном саду. Ее вот-вот готовые распуститься цветы нависали над маленьким фиалками. Те, боясь, прижимались к земле.

Инна сделала реверанс. Амарант одарил ее легким кивком. В его голосе говорила сама природа:

– Что беспокоит тебя, юная ведьма?

– Адам... он умирает и ему нужна помощь. Вы же знае-

те. Он ведь часть леса, оборотень. – Инна не заметила, как Амарант усмехнулся. – Я знаю, первородная магия, которая течет в вас, может помочь. – Инна не сомневалась, но в голосе ее чувствовалась решимость.

– Мы уничтожили цветы, – в голосе лешего отразилась боль, – что еще я могу сделать?

– Вылечить... моего друга, как вылечили Адара.

Адар вздрогнул, вспоминая бесконечные часы боли.

– Я не могу, я могу лечить лишь своих подданных. И тех, кого приютил этот лес.

Амарант стал безвременно печальным, по его зеленому телу прошла заметная волна. Сотрясалось логово Хозяина леса. Земля кричала, и Амарант сам издал рваный крик, наполненный болью потери. Надрывный крик. Так кричат, не в силах вздохнуть.

В лесу заматались олени, косули, грызуну и птицы. Птицы и вовсе метнулись ввысь, не желая больше находиться на деревьях. Их крик раскатился по острову, размножился в горах, теряясь в пучине моря, стремясь снести все вокруг.

Полынь расцвела, как и все тут, раньше своего срока, а фиалки под ним завяли. Амарант поднес к фиалкам руку, но цветы оставались мертвы.

Амарант поднял на Инну золотые грустные глаза. Его брови собрались вместе, придавая лицу еще более печальный вид.

– Ты сейчас нужна подруге, Инна Ортега.

Ноги Инны подкосились, и она бы упала, если бы Адар не поймал ее.

Инна легко нашла Суви. Рядом с коконом из растений столпились профессора и ученики. Прия, Лаура и Давид стояли ближе всего. Уэни Хьюз полностью повисла в объятиях профессора Ульвен. Рамуне, вытирая слезы, кинулась к Инне:

– Где ты была? Ты слышала, что случилось?

Инна с шумом вдохнула напряженный воздух.

– Она не пускает?

– Никого. Даже профессора Хьюз или друзей.

Инна встала рядом с Прией, Давидом и Лаурой. Она говорила медленно и тихо. Ее голос тонул под гомоном толпы.

– Просто закройте глаза и сделайте шаг. Суви не пропустит нас, но есть та, кто могут. – Инна кивнула очертанию Дафны, и вошла в оранжерею, точно призрак пересекая цветы. Удивленные Лаура, Давид и Прия пошли за ней.

Суви сидела, дрожа, напоминая белый, хрупкий стебелек тростника.

– Ох, дорогая, – Давид сел рядом с Суви, погладил ее по спутавшимся рыжим волосам.

– Я убила его, – прошептала Суви.

– Ты не виновата, – так же тихо сказал Давид, – я знаю, тебе трудно в это поверить.

– Я ходила к хозяину леса, просила помочь, а он сказал, что не может, да и поздно уже... – вставила Инна.

– Природа всегда отвергала оборотней. Они неестественны для нее. – Осторожно добавила Прия.

Суви усмехнулась. Усмешка вышла неестественной. Точно тень жизни, балуясь, слегка коснулась остывшего тела.

– А ведьмы? Мы паразиты. Мы берем магию из пространства, мы забираем ее. – Суви выждала паузу, – но часть магии, первородной магии, течет во мне. В каждом и нас, как бы ши ни отрицали это. Они еле признают нас. И не зря...

– Суви, – Прия крепко сжала ее руку, – что ты так, – она выхватила Суви из объятий Давида и прижала к себе.

Отрываясь не только от Давида, но и от Адама, разрывая соединившие их стебли плюща, Суви закричала. Зарыдала так сильно, что деревья наклонились, точно поднялся ураган. Друзья так же обняли девочек, согревая надрывающуюся от слез Суви.

Выплакав все слезы, с пустотой внутри, Суви обмякла в объятиях друзей. Тогда растения отступили, медленно пропуская всех внутрь. Суви слышала возгласы, слышала крик Уэни, слышала, как та подбегает к Адаму. Но смотрела она лишь на директора. Суви смотрела в его спокойные глаза.

Винцент Вальден протянул Суви руку, помогая встать. Она все продолжала смотреть в его глаза. Ученики обступали их. На физическом уровне Суви хотелось вернуться и остаться с Адамом, оттолкнуть всех и снова прижаться к нему. Но она шла вслед за профессором, прожигая взглядом его шикарный сюртук.

Над ними кружился Ахон, точно охотник, готовый пронзить цель.

Мимо Винцента и Суви никто не прошел. Лишь летали птицы. Шелестела трава от ветра. Они шли, и каждый шаг делал их путь длиннее.

Голос Винцента разлетался по полю, точно гулкое, пещерное эхо:

– Дорогая Суви, этому миру слишком естественна смерть. Это бесконечно идущий процесс. Звезды, подарившие нашему миру магию, рождаются и умирают. – Винцент посмотрел вверх, точно на небе были видны звезды, – даже они просто рождаются и гаснут. Красиво, впечатляюще, но гаснут. А мы, право, как ни банально, наслаждаемся их мертвым светом.

Суви вспомнила про маму и Адама. Они были так близко и так далеко. Теперь навсегда.

Ее голос напоминал острое кинжала.

– Почему же тогда вы сами все еще живы? Вечная жизнь, она есть у вас. Но ее нет у Адама. В чем он виноват? А моя мама? Чародеи? Люди?

– Вот как? – профессор ухмыльнулся, его строгие черты стали мучительно болезненными, теперь через них просматривался его настоящий возраст. – Вечная жизнь – это мучение. Но она не возможна. Я лишь могу жить долго. Я продлеваю жизнь, только и всего. Я хочу открыть этому миру столько тайн мироздания, сколько выдержу, пока не уйду. И с собой не заберу ничего. Когда я выберу смерть, когда я решу,

что мне пора, я приду к ней и позволю отвести себя. Смерть дана человеку в личное пользование: так считают люди. Но это не так. Она неизбежна.

Внутри Суви нарастало возмущение. От боли стало трудно дышать.

– Но вы можете избегать смерть, профессор. Поэтому вы так легко жертвуете другими? Может, это вы надоумили маму искать волчий цветок?

Суви сама удивилась своим словам, но не смогла им смутиться.

Винцент дрогнул. Он снова вспомнил, как однажды навещил Флориана Адельхейда, тот рассказывал дочке легенду о волчьем цветке, услышанную от самого Винцента. А она могла рассказать своим дочерям. Холодный пот пробежался по его спине. Едкое чувство вины усилило горе. Пусть это и была случайность.

Но когда Парцифаль рассказал ему о последнем письме бывшей ученицы Астрид Адельхейд, все стало на свои места. Слишком поздно Винцент все понял. Но однажды план, такой легкий и слишком сложный родился в его тревожной голове.

– Если хочешь узнать, то это не моя вина. Астрид была в хороших отношениях с профессором Регеном, поговори с ним.

– Я уже пыталась, он... он всегда уклоняется... – Суви осеклась, – но это не важно, когда вы такое позволяете. Вы

жестокий! И трусливый! Вот кто вы!

Суви никогда не думала, что позволит себе так говорить с директором. Но единственное, что беспокоило Суви, это тело Адама, которое убрали из оранжереи под плачь Уэни Хьюз и несли где-то позади. Он плыл, зачарованный, за спиной профессора Регена, печально смотря на светлое небо пустыми серыми глазами, отливающими фиолетовым.

Адам был там, позади. Можно было развернуться, но тогда вся оставшаяся выдержка слетит. Тогда только высохшие слезы вновь покинут глаза. А Суви этого допустить не могла. Ей нужно было грозно смотреть на профессора Вальдена. Ради Адама.

– Почему ты обвиняешь меня, Суви? – с силой и нежностью в голосе спросил Винцент.

– Адам говорил... вы подсказывали ему искать книги ши, чтобы он научился бороться с волком внутри, если бы не ваши книги, я бы не нашла тот цветок, – с трудом выдавила Суви, и грозно добавила, – это жестоко!

Суви потупила взгляд. Вся ее спесь растворилась в запахе поля. Винцент устало вздохнул, прогоняя возникшую головную боль. Суви убрала руки назад.

– Ты практически права, мой свет. Но эти книги были не ему, а тебе. Ши тоже не знают, как лечить оборотней. Но я надеялся, что, овладев магией ши, ты узнаешь про волчий цветок. Выпустившись, ты найдешь цветок в лесах Финляндии, где его видели последний раз. Ведь только ведьма с си-

лой управлять растениями может его найти. Заветный волчий цветок, вероятно, может быть, как и был ведьмин цвет, только лишь семечком. И тогда ты, я решительно был уверен, поможешь Адаму, с которым вы непременно подружитесь. Конечно, я мог поискать еще чародеев с такой редкой силой, но как же красиво все складывалось в роду Адельхейд...

Суви с трудом понимала его слова. Они казались такими чужими, словно остров Туле вдруг перестал переводить языки. Но она знала немецкий так же хорошо, как и родной язык, и если бы остров Туле затих, голос профессора говорил бы с ней на понятном языке.

Больше они не разговаривали. Но когда они дошли до здания Академии, Суви услышала профессора. Его бархатный голос дрогнул, или же Суви очень хотелось услышать эту дрожь:

– Если бы не это несчастье... Мне очень жаль Адама, Уэни, я... я понимаю ее слишком сильно, – мало кто видел в глазах Винцента боль. Директор посмотрел Суви в глаза и в ее сердце что-то треснуло. Винцент начал говорить негромко, торопливо, боясь своих слов, – и тебя мне жаль. Жаль, что тебе пришлось пройти через новую потерю, чувство вины, которое никогда не отпустит. Меня не отпускает уже триста лет. – Горько добавил он. – Мне жаль, что я не смог помочь. Мне жаль, что я допустил подобное. Я должен был открыто поговорить с Адамом и с тобой, помочь вам, а не наблюдать со стороны, подталкивая в нужную мне сторону.

Может, тогда бы все вышло иначе.

Суви хотела продолжить кричать, но, очарованная голо- сом и взглядом Винцента, начала говорить совершенно дру- гое:

– Если... если бы я могла отменить его смерть, переиг- рать... вернуться назад. Я знаю, что попытки отмотать вре- мя заканчивались смертью чародея, но я... я бы... – Суви запнулась, давая слезам спокойно стекать по щекам.

– От смерти нельзя скрыться, моя дорогая, как бы нам ни хотелось. Все наша жизнь, это движение к смерти и от нее. Как в детской игре: мы бегаем перед смертью, дразнимся, и ждем, пока она коснется нас рукой. Тогда игра закончи- лась, мы выбыли, остановились. Мы бегаем вокруг нее, все быстрее и быстрее, во что-то врезаемся, падаем, сталкива- емся с другими, но продолжаем бежать. Поэтому пообещай мне, прошу, не бежать от нее или к ней слишком быстро, а сделать так, чтобы, остановив тебя, смерть пожалела об этом. Никогда не забывай этих слов, мой свет.

Завороженная, Суви медленно кивнула.

– И я надеюсь, Суви Адельхейд, ты сможешь за свою жизнь найти способ простить своего глупого, старого пред- ка. Может, однажды... – чуть слышно закончил Винцент.

Оставив Суви одну, профессор Вальден вошел в Акаде- мию незаметно, точно растворился в ветре. Суви так и стоя- ла, не в силах окончательно понять слова профессора, пока на ее плечо не упала тяжелая рука.

– Это он... он...

– Кто? – Нахмурил брови Гаспар.

– Профессор Вальден. Да и я... Мы оба убили Адама. –

Суви сжала кулаки и под ее ногами расцвела полынь. – Он не такой уж хороший и великий, каким хочет казаться.

Она повернулась к профессору, но поймав его взволнованный взгляд, быстро опустила глаза.

Голос профессора звучал мягко, но Суви слышала, как он напряжен:

– Ты расскажешь мне, что произошло? Если ты не хочешь, можешь не...

Но Суви рассказала и с каждым словом слезы покидали ее. Профессор Дюбуа слушал ученицу с таким серьезным видом, который Суви никогда не могла представить на тронутым солнцем лице. А потом он сказал:

– Что ж, ты имеешь право на него злиться, – мягко заключил профессор Дюбуа, – но ведь это могло произойти, если бы ты и знала о плане директора насчет твоих способностей. – Гаспар говорил спокойно, но внутри его трясло.

– Значит, виновата только я?

– Ты не знала, что цветок существует. Даже в образе мифа. Суви, ты не знала. – Настойчиво добавил профессор.

– Профессор Хьюз...

– Профессор Хьюз виновата лишь в том, что родила Адама, и в том, что думала лишь о себе. Профессор Ланская виновата лишь в том, что чудесные растения остались незаме-

ченными. Адам был виноват лишь в том, что хотел жить...

Суви посмотрела на лес, над которым, вырисовывая круги, танцевали вороны. Выходя из леса, ученики направились в их сторону. До Суви далеким, нелепым отзвуком доносился их смех.

– Кого же мне тогда винить?

Гаспар Дюбуа пожал плечами. Взгляд его все еще был серьезным, хотя на губах заиграла улыбка.

– Будет легче, если кто-то виновен, верно? Ведь, если смерть случилось просто так, по нелепым обстоятельствам... это трудно понять.

– Трудно.

Суви хотела уйти, но вместо этого спросила:

– Почему Адам не такой оборотень, как вы, профессор?

– Если бы, – голос профессора Дюбуа оказался хрупким.

Суви поняла, что он плакал, и от этого ей стало немного тепло на душе.

Суви посмотрела на профессора, в его глаза, похожие на молочный шоколад, на заточенную в них тоску и боль.

– Мне будет не хватать вас, профессор.

– Взаимно.

Гаспар тепло улыбнулся ей.

Суви села на ступеньки, провожая взглядом улетающих птиц. Лес стал привычно спокойным. Суви знала, что в комнате ее ждут друзья, что они обнимут ее и скажут хорошие, но такие нелепые слова. В комнате ее ждали не только они,

но и Адар.

Но Суви ощущала себя лишь загнанным зверем – она металась в пределах своей души, билась о стенки себя же, пытаясь или пробиться, или найти покой. Сделать хоть что-то.

Суви в отчаянии начала рассматривать камни. Она метала по ним взгляд, как тот самый зверек. Она хотела быть с друзьями и никогда к ним не подниматься. Она думала о теле Адама. Она думала, что завтра его не станет даже так. Смерть пришла за ним. И он встретил ее, победив магию внутри себя.

Суви жадно глотнула воздух, стараясь не заплакать.

Она почувствовала, как рядом сел большой и лохматый медведь. Суви вдруг рассмеялась. Ее смех звенел полупустым и усталым, но таким искренним переливом. На время даже дышать стало легче. Суви погладила медведя по голове, и тот издал забавный звук, который Суви восприняла как ответный смех.

Винцент Вальден собрал профессоров в учительской. Такой глухой тишины, как в этот час, в учительской еще не было. Каждый думал о своем. Каждый думал об Адаме. Каждый думал о своей жизни. Винцент молчал, сам не желая прерывать своих тяжелых дум.

Рене Моен думал о том, как хоронил своих братьев и сестер, как их юные тела засыпали землей. И теперь эта участь ждала еще одного ребенка – юного Адама. Он вздрагивал,

точно кто-то бил по спине плетью.

Рене не умел переживать такие дни. Когда умерли братья и сестры, никто не принимал боль Рене. Маленький мальчик остался один, погруженный в издававшееся вокруг «вот нам плохо, мы потеряли детей, нам хуже, чем тебе». Родители непрерывно давили на него, припоминая: «Ты – наш единственный сын, наша последняя надежда, ты должен быть лучшим». И Рене старался, как мог. Никогда не получая одобрения и в родительском доме всегда ощущая нависшую тяжесть давно закопанных гробов.

Гаспар Дюбуа сидел в мягком кресле, сливаясь с ним. Он то и дело бросал пугливые взгляды на то место, где сидела Уэни. Его лицо покрылось легкой шерстью, в глазах не высохали слезы. Медведь рвался наружу, мечтая разнести все вокруг. Ему отчаянно казалось, что, быть может, он подобрал бы те самые, нужные, слова. И тогда бы Адам остался жив. Хотя Гаспар прекрасно знал, что его слова против заражения пусты и бессмысленны, но как же ему хотелось все изменить. Спасти мальчика. Как однажды профессор Вальден спас самого маленького Гаспара.

Гаспар думал о детях, которых видел каждый день, они приходили такими юными, а уходили слегка повзрослев. И все же, каждый раз, затаив дыхание, он думал, что ждет дальше этого человека, что вырастет из него, достаточно ли он вложил знаний? Но про Адама он не сможет так подумать. Выпущенными когтями Гаспар впился в подлокотники крес-

ла.

Джасмин Блэр заботливо накрыла руку мужа своей и мягко поцеловала в плечо. Гаспар прижался к ней, жадно вдыхая ее запах. Реальность теперь казалась куда прочнее.

Джасмин нравился Адам, нравилась его волчья суть, и она не раз сообщала ему об этом. Адам отвечал взаимностью. Джасмин была первым человеком, смотревшим на Адама не с жалостью, а с гордостью и радостью видеть его. Только на ее уроках юный оборотень чувствовал себя спокойно, и хорошо учился.

Оливия Ульвен встревоженно вдыхала запах успокаивающей настойки, крепко сжатой в ее руках. Придя в Академию на острове Туле, Оливия хотела лишь одного – сбежать от нависшей тяжелой реальности, ставшей комом в ее горле. Ей уже никогда не вернуть своего сына. Он безоговорочно мертв. Мертв и мальчик Адам.

Уэни то и дело всхлипывала, теребя промокший платок. Небольшими глотками она пила настой из медуницы и боярышника, с пылью жемчуга, который ей заботливо сделала целительница.

В школе Уэни никогда не была популярна, надеясь на чистоту крови, она не выиграла с этого ничего. Она все еще была странной, и магия ее, буйная, непостоянная, то и дела сводила с ума. Больше всего Уэни доставалось за ее любовь к оборотням, как только не обзывали ее дети... И Уэни казалось, что вот оно – она доказала, что может быть вели-

кой, она поддержала жизнь оборотня-чародея, каким бы он ни был несчастным, вот только все оборвалось.

Уэни жалела, что двадцать лет назад, приехавший в Ирландию случайный прохожий по имени Винцент спас ее жизнь.

Ванда Ланская всегда мечтала быть учителем, как и ее родители, покинувшие мир, когда той было четырнадцать. Ради них Ванда училась еще усерднее, изводя себя. Иногда она врала всем, что мечтала больше всего стрелять. Все ее цели и мечты, вся ее личность, сейчас были ей же поставлены под сомнение.

Ванда ходила по кабинету, то выглядывая в окно, то прикасаясь к ручке двери, то идя за совершенно не нужной книгой. Она все чувствовала тошнотворно-сладкий запах фиолетовых цветов и точно ощущала их горечь на губах. В ее груди возрастали ярость и злоба. Ванда сжала кулаки, впиваясь ногтями в кожу, чтобы не закричать, не сознаться в своей вине.

Парцифаль Реген остановил ее, схватив за тонкие запястья. Ванда вздрогнула, смотря в его черные глаза. Еще никогда она не видела солнечного тепла и безмерного беспокойства, которые сейчас отражались в этих глазах. Парцифаль, под удивленные взгляды коллег, потянул к себе Ванду и обнял. Неуверенно, Ванда коснулась руками его спины.

С ужасом Ванда почувствовала, что Парцифаль также дрожит. Ванда не знала, что Парцифаль винил себя, что ни-

как не предупредил Суви, не смог убедить Винцента поговорить с детьми. Точно, если бы они знали, глупой случайности могло бы не быть. Капли крови упали на его тщательно выбеленные руки. Ванда не знала этого. Все, что она поминала, Парцифалю трудно, как и ей, пережить смерть ученика.

И все же сердце его билось медленно и спокойно. Черная магия мерно струилась по венам. Ванда слушала это биеение, и ее сердце начинало биться в такт. Казалось, прикасаясь к его спине, утыкаясь лицом в плечо, она отдает Парцифалю всю свою боль, чтобы этой ночью, впервые за несколько дней, уснуть.

Сигве Селланд сидел поодаль от остальных. Он все время с досадой думал, что забыл в комнате леденцы. А они в этот раз у него с шалфеем, черемухой и облепихой. Он бы мог раздать их остальным, и тогда бы, Сигве был уверен, им бы стало чуточку легче, печальные глаза посветлели бы, а губы дрогнули в улыбке. Но вот досада, совсем замотался и забыл.

А еще он тоже думал об Адаме. Он его плохо знал, и даже не обращал внимания, оборотень там или нет. Как учился Адам, он вспомнить не мог. Сигве злила смерть Адама: это заставило всех расстроиться и ходить грустными, это изменило все в выстроенном распорядке дня.

Ну и, конечно, Сигве очень сочувствовал Уэни и не мог даже представить себя на ее месте. Попытался, но ничего не вышло.

Мюге Кираз, конечно, была лично знакома с Уэни и ви-

дела ее сына, общалась с ним. Но уроков у Адама не вела. Мальчик показался ей хорошим, но замкнутым, что, думала Мюге, было не так уж удивительно. Смерть ученика в стенах Академии, как факт, случившийся, обрушившийся на ее голову, пугал Мюге. Первый раз в жизни она столкнулась со смертью ребенка и не знала, что думать, что теперь говорить.

Винцент хотел многое сказать, но не находил слов. Он смотрел на своих профессоров: сильные светлые и темные маги, талантливые дети – практически всех из них он выучил в стенах этой школы, они испуганно и преданно, как в свои тринадцать, ловили каждый его шаг, каждое слово.

Как бы он ни был убежден Гаспара, что его взяли из-за просьбы Ванды и только из-за нее держат среди учителей, он глубоко ошибался. Винцент никогда не упустил и не отпустил бы чародея с редчайшим даром – обращаться в животное. Ванду, обладающую частой способностью, он и взял, только испугавшись, что без нее Гаспар, не желавший идти в учителя, покинет Академию. И только потом оказалось, что они оба отличные учителя.

За свою способность и глубокие знания места получили и Рене с Джасмин. Но, если Рене согласился сразу, то Джасмин отказывала директору Академии десять лет.

Сигве поражал Винцента. Он отличался от других, словно жил в другом пространстве, отеленным легкой, неуловимой материей. Он знал все о горных породах, о земле, и пусть плохо учился на остальных предметах, здесь он блистал. Ко-

гда Сигве вдруг пришел пробоваться на место, другие, казалось бы, более сильные кандидаты, отпали сразу. Что-то было в нем идеальное для коллекции.

Мюге Винцент выбрал за ее заслуги в спорте, в стрельбе и плавании, она идеально подходила. Винцент долго наблюдал за ней, подбирая замену. Мюге была удивлена такому предложению, но думала отказаться, пока не приехала на остров, посмотреть. Остров Туле влюбил ее в себя.

Только Оливия и Уэни не были приняты ни за способности и знания. Оливия работала в обычной человеческой школе учителем химии, потом стала директором, вышла замуж за обычного человека и жила спокойно. Винценту очень хотелось узнать, как бы она соединила свой опыт, и есть ли разница в преподавании в таких разных школах. Но Оливия упорно отказывалась, пока ее муж и сын не погибли в аварии. В тот день, похоронив родных, Оливия пришла к порогу кабинета Винцента.

Уэни была принята, чтобы провести эксперимент.

– Простите меня, – только и смог сказать Винцент. Его голос отлетал от стен глухим отзвуком давно забытой речи.

Профессора удивленно смотрели на директора, тревожась за него. Винцент Вальден, бледный и поникший, казалось, еле держится за воздух.

– Вам не за что извиняться, – профессор, сказала Оливия. Остальные согласно кивнули.

Винцент хотел выкрикнуть ей в лицо: «Я подвел их!». Он

хотел кричать, пока связки не порвутся, но лишь спокойно ответил Оливии легкой, слишком острой улыбкой и сказал:

– Всегда есть за что.

Винцент чувствовал себя так же, как триста лет назад. Он стоял перед всеми – маленький и испуганный, одинокий и бесконечно ранимый, погрязший в липком чувстве вины.

– Простите меня. – Повторил Винцент.

Они многое хотели обсудить: дальнейшие планы, похороны, но продолжали молчать. Никто не решался больше заговорить, как будто мысль, облаченная в слова, могла разрушить всю реальность.

Глава 15. Цветы мне говорят — прощай

Все уроки были отменены. Ванда нашла Оливию Ульвен в пустом кабинете. Оливия сидела на краю парты, неровно теребя в руках носовой платок.

– Мы вас везде ищем, – обеспокоенно сказа Ванда.

Оливия Ульвен напоминала потерянного, запуганного щенка. Совершенно маленькая рядом с ней, Ванда теперь казалась намного больше.

– Ох, Ванда, не только Джасмин с Гаспаром уходят, но и профессора Реген и Вальден, ни с того, ни с сего, просто решили уйти. Сигве уходит... Мюге... – Оливия попыталась выпрямиться, но снова согнулась под тяжестью разочарований, – как же я буду? Останетесь только ты и Рене. Ох, милая, оклемаемся ли к сентябрю? Как же мне быть? Я не умею

так, как профессор Вальден, искать людей и...

– Оливия, – Ванда осторожно взяла за руку свою бывшую учительницу, – мы с Рене поможем. Мюге утром решила остаться. И Блумма Бьорк возвращается, сказала, что всегда жалела о внезапном решении уйти, так что она будет тут. А главное, дети любят вас, вы будете отличной директрисой. Иначе профессор Вальден не оставлял бы вам этот пост.

Ванда вздохнула. Она искала профессора Ульвен, чтобы сказать ей первой, что увольняется. Ей стало грустно, что старый друг, который оставался рядом каждый день, теперь уходил. Но не это вызывало желание у самой Ванды уйти. Теперь же она допустила опасный цветок, не досмотрела, что с лесом что-то не то. Она не досмотрела за тем, куда идут дети. И бедный мальчик был мертв. Без шанса быть спасенным. Мертв.

Но нужно было идти на его похороны. Нужно было быть сильной. Вина все утро мешает жить, перекрывает дыхание.

– Оливия, я...

– Нет... не говори этого, – Оливия давно за тридцать лет преподавания научилась понимать, что хотят сказать ученики в оправдание, – останься со мной.

– Пойми меня, Адам Хьюз он... он мертв.

– Он не винит тебя, я уверена. В этом нет твоей вины, – Оливия тут же перестала плакать, и стала серьезной, – останься со мной хотя бы на первое время. Ладно?

Тело Адама Хьюза положили на мягкую подстилку из мха. Он, лишенный всяких признаков недавней болезни, был красивый и статный. Адам напоминал юного короля, безжалостно убитого в бою. Руки его точно держали меч, хотя когти были куда острее. Его глаза были закрыты. Наглые лучи солнца иногда освящали легкие шрамы.

Уэни Хьюз держалась лишь за руку Оливии. Темная магия струилась по ее венам, как лава в вулкане, вырываясь нервными всполохами. Темная ведьма так наивно верила, что ей и ее будущему ребенку удастся совершить прорыв. Уэни точно знала, что ее ребенок станет великим открытием.

– Я виновата, я... я так хотела... я думала, выйдет так хорошо, – Уэни судорожно всхлипывала, – я не думала, как ему будет жить в этом мире. Мне казалось, не укушенный, а рожденный, он станет самым великим чародеем...

– Он бы им стал, – уверила ее профессор Ульвен, – Конечно, суть оборотня мешала, и все же. Мало кто доживает до тринадцати лет, а он и их пережил... – Оливия бросила взгляд на Адама, на Суви и стоявших рядом друзей, – о нем будут помнить. А не это ли самое главное?

– Помнить, – залилась слезами Уэни.

Рене, Винцент, Гаспар и Парцифаль подняли гроб, покрытый мхом, где лежал Адам. Без магии. Ведьмаки ощутили тяжесть всей жизни Адама.

Суви услышала, как поют в траве сверчки. Они радовались солнечному весеннему дню. Их крылышки трепетали в

унисон, их пение напоминало Суви смех Адама.

Тело Адама осторожно поместили в могилу. За процессией наблюдали Амарант и другие жители леса. Печально склонив голову, Амарант скрылся от чужих глаз. Никто здесь не должен был его увидеть. С ужасом для себя Амарант заметил, что ему искренне жаль.

Суви подошла к Адаму и положила в его гроб прекрасные астры.

– Я запомню тебя таким, – прошептала Суви, – нашедшим покой.

Она запомнит его таким: волком, убегающим от себя, ведьмаком, пытающимся себя победить, человеком, стремящимся познать мир, талантливым художником, честным и любимым. Суви навечно запомнит его, свою первую любовь.

Стая черных воронов взлетела вверх. Они безмолвно неслись над деревьями древнего острова. Вороны, расправляя крылья, ловили ветер. Свободные. Навсегда, каким и мечтал стать Адам.

Вернувшись в комнату, Суви села перед окном. Она взяла в руки дневник матери и крепко зажмурила глаза.

– Мама, я не знаю, услышишь ли ты так меня, но я прошу, позаботься об Адаме, присмотри за ним. – Суви печально и ласково улыбнулась. – Он понравится тебе. Прошу, будь рядом с ним. Подари там ему всю любовь, которую не смогла отдать мне.

Слезы стекли по ее щекам.

Весь день по лесу разносилась музыка флейты. Адар стоял где-то неподалеку, а казалось – везде. Музыка уносилась под землю и проходила сквозь волны. Заходила в горы к цвергам и ореадам. Музыка утраты и вечной скорби.

Через день Суви устроила выставку работ Адама. Картины Адама К. Хьюза, которые он точно знал, никогда не увидят остальные, заняли свое место в главном холле. Ученики ходили мимо картин, всматриваясь в тонкие линии и силуэты. Они всматривались в его мир. Мир красивый, дикий и необузданный, но строгий, мягкий и чуткий. Мир, который видел гибрид оборотня и чародея. Такой же мир, как видят все они. Наполненный яркими красками, резкими мазками и блеском луны. Только луна его блестела особым, фиолетовым светом.

Некоторые картины навсегда останутся висеть на стенах Академии рядом с великими художниками.

Уэни решила прийти лишь ночью. Она не выходила из своей комнаты, не прекращая плакать.

– Это очень талантливо, – заметила Иоланда. – хорошо бы смотрелось в галерее дяди. Я могу попросить его приобрести...

– Прекрасная мысль, – только и ответила Суви. Здесь не было самых любимых Адамом работ, портретов Суви. Все их она оставила себе.

Слишком личными и нежными казались ей эти картины.

Зато портреты Давида и Рамуне гордо весели на стене. Именно портрет Рамуне и пару пейзажей решила приобрести Иоланда.

– Адам был благодарен тебе, – уверила Рамуне. – Он всегда говорил о тебе по-особому.

– Рами, – осекла подругу Иоланда.

Но Суви натянуто рассмеялась.

– Спасибо вам.

Вечером Инна сварила Суви зелье от кошмаров, которые все мучали ее последние дни. Но зелье не просто дарило пустой, глубокий сон. Зелье позволило Суви хоть немного расслабиться и, когда чувство вины покинуло тело с последними нотками флейты Адара, Суви увидела сон.

Она шла по лесной тропинке таким же солнечным днем, как и сегодня. Нежный ветер обдувал лицо. На поляне, куда Суви вышла, росла дикая, сладкая малина.

Ее рука оказалась в теплой руке Адама. Суви знала, что это он. Ничего не говоря, Адам потянул ведьму за собой.

Но Суви резко остановила его, уткнулась лицом в грудь и, хотя так хотела заплакать, просто вдохнула запах краски, чернил и книг. Еще он пах полынью, астрами и дерном. Он пах весенней, пробуждающейся землей и магией.

– Дикая ягода всегда вкуснее, – заверил Адам, рассмеявшись.

Его смех мягко разнесся по поляне. Суви поняла, что она дома. Это вовсе не сон, а самая нужная реальность. Так хо-

рошо быть здесь, в его руках, окруженной его смехом.

Адам отстранил Суви и сжал ее пальцы. Сжал так сильно, точно это она могла исчезнуть, раствориться в тумане сна.

– Мне не холодно, цветы согрели. Не бойся. – Прошептал он, и по шее Суви пробежали неприятные мурашки.

Адам сел на корточки рядом с колючим кустиком малины. Он коснулся пальцами ягод и те послушно упали в его ладонь. Адам поднес сладкие ягоды к губам и съел их. Потом он посмотрел на Суви. В его серых глазах, первый раз за столько времени, Суви увидела покой.

Суви потянулась к ягодам.

– Тебе нельзя, моя ведьма, – Адам улыбнулся, и клыки блеснули на солнце.

Суви подошла к нему, так же села на корточки. Она осторожно сорвала ягоду, та с трудом поддалась. В руке, пульсируя, точно билось маленькое сердце. Суви слегка коснулась ее губами и поднесла к губам Адама. Он наклонился, прижался лбом к ее лбу, чуть заурчал.

– Я нуждаюсь в тебе, – с дрожью прошептала Суви.

Адам бережно провел пальцами по рыжим волосам Суви, потом взял из рук ягоду и тут, оцепенев от нахлынувшего ужаса, от осознанности вселенской пустоты, Суви снова прижалась к нему. Суви так ясно чувствовала его тело, теплое, человеческое.

Суви стало все равно, придумала она его во сне, или его дух как-то смог с ней связаться. Адам был тут, в ее объятиях,

здесь и сейчас. И это было ведьме до боли необходимо.

– Я в тебя верю, Суви из рода Адельхейд, – прошептал Адам и исчез, оставив Суви в пустоте на залитой солнцем поляне.

Все выходные Суви провела во владениях Анемон. Она смотрела, как выселяться цверги. Как работают и живут. Тут все было другим, чужим и древним.

Но вскоре Суви стала проводить время с ши, которые решили выйти из своих укрытий. Она смотрела на их хороводы и мечтала так же танцевать, забывая имя, жизнь, свою суть.

Их волосы становились цветом под стать огню.

– Лучше бы ты у нас оставалась, ведьма, – сказала Анемон, присаживаясь рядом, – они не откажут в танце.

– Я просила уже...

Анемон выдохнула и покачала головой.

– Не пойдет так, ведьма. В замок иди, к друзьям.

– Это мне решать. И мне танцевать с ши, если я так решила.

– Ишь, какая, удумала чего!

Ничего не добившись от ведьмы, Анемон вскоре ушла. К Суви тут же подошел Адар.

– Не слушай ее. С ши можно танцевать и по-другому. Мы не заберем тебя. – Адар протянул Суви руку. Суви не стала ему сообщать, что хочет противоположного.

Хотя Адар был выше ростом примерно на две головы, это

не мешало Суви с ним удобно танцевать. Адар вспоминал, как часто танцевал на родине, как жар костра, зажженного на своей земле, касался кожи. Может, это было уже и не с ним. Где-то там, под чужой луной и чужими звездами, в дурманящей терпкости чарующего вина.

Но это было с ним. Это было-где-то там. Адар был признателен ши острова Туле, за то, что они приняли его к себе. И все же сердце его рвалось.

Адар закрыл глаза и горько улыбнулся. Его волосы стали светлыми и кудрявыми, а глаза серыми.

Запах древних поверий окутал Суви. Светлячки взметнулись к кроне, точно звезды.

Дафна пела и голос ее – трепещущий, журчащий поток реки, разлился в порывах ветра, застрял в листве. В ее голосе отражались биение волн о скалы, шум южных портовых городов, разливающееся по бокалам вино и сладкие, вкуснейшие финики, падающие на жаркий песок. И это казалось таким уместным среди холодных гор и лесов Туле.

По воле Адара ветер закружился вокруг них, капельки начинающегося дождя застыли в воздухе, и своим жаром их согревал горящий вдалеке огонь. Суви закрыла глаза, а открывая, видела себя и Адара на скалистом, усыпанном темно-зеленой травой выступе, под навесом темно-серого неба. И как странно, глупо было думать, что это только иллюзия.

Все два танца Суви не переставала смотреть на Адара, на изменившийся цвет волос. Как же ши был красив и отрешен,

переполнен магией, таинством лесных троп, лучами солнца над далекими островами, пряным запахом жасмина и дуба. В снова золотых глазах разрывались древние легенды и мифы, невероятная тоска по дому за бушующем морем. Там, где бродил лишь во сне. Там, куда сородичи запретили возвращаться.

Когда они прекратили танцевать и присели у костра, Адар сказал:

– Твое сердце разбито, это нормально. Я бы огорчился, не будь на твоём сердце шармов, Суви, – ши улыбнулся, – но, прошу, больше не делай глупостей. Они бы забрали тебя, не запрети я. Да и нимфы тебя охраняют.

– Я просто... я... – голос Суви предательски наполнился дрожью, потонул в мелодии арф и флейт, в мягком напеве Дафны.

Суви положила голову на его плечо. Адар вздохнул, вздох его напоминал шелест первых весенних листьев.

– Все в порядке, правда, ши Адар. Правда.

Суви рассмеялась. И за долгие бессонные часы смех этот казался единственным живым в ней.

Вернувшись вечером в Академию, Суви решила еще раз взглянуть на картины Адама. Суви закрыла глаза и очнулась в темном подвале. Вокруг мерно горели свечи. Голова гудела так сильно, что хотелось оторвать ее. Суви узнала голос матери Адама, ее смутное, расплывающееся лицо.

– Очнулась?

Суви развернулась, посмотрев на преподавательницу. Бледная, измотанная, потерявшаяся за длинными черными волосами, она что-то растирала в ступке. Суви узнала запах пажитника, диких роз и крапивы. А потом Уэни залила все темным раствором. В нос ударил едко-горький запах.

Суви попыталась встать, но не смогла. Круг из трав удерживал ее.

– Что вы сделали? Что происходит? – Сердце Суви бешено забилося.

– Я просто хочу увидеть своего сына, вот и все... вот и все, – Уэни упала на колени перед Суви. – это зелье шаманов, с его помощью они входили в транс и общались с умершими.

– Они были медиумами! – напомнила Суви, – отпустите меня! Я ничего не расскажу...

– Не расскажешь, – Уэни надломлено улыбнулась, – никому не расскажешь, – Адам любил тебя, когда говорил со мной, то только о тебе. Ни о чем другом он не хотел со мной говорить. Мой мальчик был так далеко от меня, а теперь еще дальше...

– Мне жаль, профессор Хьюз, но вы не должны делать все это. Это неправильно. Он... – голос Суви дрогнул, – он умер. Уже так поздно спасать...

Уэни лишь мотнула головой, отгоняя не прошенные мысли. Суви попыталась сотворить заклятие, но ничего не работало, ее запястий касалась тонкая жемчужная нить.

– Я призову Адама. Дам ему твое тело. Ему будет непри-
вычно... но, он любил тебя, он будет рад!

– Думаете, он скажет вам спасибо? – выкрикнула Суви.

– Пускай говорит, что хочет, если сможет говорить! Вер-
но?

– Адаму будет больно. И вы не медиум, профессор, вы
можете умереть сами. Или того хуже. – Уже мягче сказала
Суви, стараясь подбирать слова.

– Куда уж хуже?

У ног Уэни Хьюз появился кот. Глаза ее фамильяра за-
светились.

– На этом острове не нужно быть медиумом, – Уэни резко
схватила Суви за руку, проткнула ее палец, капля крови упа-
ла в ступку. Тогда Уэни выпила всю жидкость. Суви ощути-
ла у губ рвоту, – Суви, хорошая моя, не сопротивляйся ему.

Уэни положила пальцы на ее виски. Пальцы засветились.
Фамильяр Уэни шипел, желая кинуться на свою ведьму, но
стоя на месте, продолжал выполнять работу.

Уэни выкрикивала древние слова. Суви ощутила резкую
слабость и закрыла потяжелевшие веки.

Суви оставалась окаменевшей, когда внутри все билось
от ужаса. Не приходя в себя, Суви пронзительно закричала.
Что-то холодное и чужое не хотело покидать свой дом, вце-
пившись из-за всех сил в юную ведьму. То, что никогда не
должно и не хотело пробираться в этот мир сквозь завесу, в
истерике забилося внутри Суви.

Голос Уэни стал грубее, пронзительнее, наполняясь новыми тонами.

Все что могла Суви, это молить природу о помощи. Комнату покрыл черный ядовитый плющ, сделав еще щель в окне. Стебельками он потянулся к Уэни, мечтая доползти до горла. Уэни перестала читать древнее заклятие, напряглась, смотря на плющ.

– Как...

Уэни пробила крупная дрожь. Ее тело ныло, раздираемое невидимыми тисками. Кровь пошла из носа, из вдруг появившихся ран. Уэни скрутилась на полу, тяжело дыша. Но нужно было продолжать. Собравшись с силами, Уэни выпрямилась и продолжила читать заклятие. Плющ окутал ее ноги.

Вдруг Уэни отбросило к стенке. Легко разбив защищающее заклинание, Винцент кинулся к Суви. Пришедший с ним профессор Моен грозно посмотрел на коллегу и сцепил ее окровавленные руки тонкими серебряными бусинками. Измотанный кот Уэни исчез.

– Я не закончила! – выкрикнула Уэни, – что вы наделали? Уэни четко пыталась разорвать оковы.

– Это ты что наделала? – с жалостью спросил Рене, – как ты могла так упасть?

Суви лежала на полу. Хрупкая, холодная и бледная, как первый ноябрьский снег. Не двигаясь.

Рядом с ними сел Ахон. Вскоре воронов стало больше сотни, они теснились на полу, в панике кружились над голо-

вами чародеев. Глаза размноженного фамильяра загорелись белым светом. Винцент с грустью смотрел на него.

Теперь скрытая от чародеев способность фамильяра понабилося Винценту не только для удобной слежки за миром вокруг. Винцент вздрогнул.

– Вы же не хотите забрать... – начал Рене. Голос его стал увереннее, – Все шаманы, которые практиковали это заклятие, умерли – никто не выжил, профессор!

– А есть выход? – Винцент измученно улыбнулся, – не хотел произносить этих слов. Но, вы знаете, древние заклятия должны быть озвучены. – Винцент взял Суви за руку и сжал в теплых ладонях, – Адалина, Нельке... Фрейр, Летиция, Амброс... Зузанне, Мекон, – Его голос на миг дрогнул, – Лили, Невена, Роза, Цинния, Хёнд, Мальва, Линус, Белладонна... Флориан, Туоми, Георгина, Тереза, Веса, Астрид. – Имена чародеев рода Адельхейд отзвуком стали отражались от стен, заставляя их содрогаться. Серые волосы Винцента стали медно-рыжими. – Защитите ее, прошу, – Винцент скрутился от боли, читая древнее заклятие. Сердце рвалось на части.

Он повторил это много раз. Темная сущность прошлась по руке Суви и заняла свое место в теле Винцента.

Шатаясь, Винцент встал. Внутри него kloкотало, бурлило нечто холодное и обиженное. Что-то темное желало вырваться, желало отомстить. Прорвать оболочку человека.

Стремление познакомиться с этим поближе, изучить, пре-

парировать брали внутри ученого верх. Он слышал неразборчивые голоса. Голоса эти манили сладким холодом.

Рене кинулся к Суви и поднял ее на руки. Суви все еще была холодной, но выглядела живой. А вот Винцент побелел. Он увидел Суви и твердо решил, что от знаний придется отказаться.

С трудом профессор Вальден подбирал слова, обращаясь к Уэни:

– Кто ты такая? Кто дал тебе право поступать так с другой ведьмой... с ребенком?

– Если бы вы дали мне шанс, вы бы увидели, что я могу и, как мать, имею полное право!

Мертвенно холодный голос Винцента разлетелся по комнате:

– Как мать ты не имеешь право ни на что! – Винцент начал кашлять, в горле резало и клокотало возмущение.

Вороны закричали в истерике, бились о стены, разделяя с чародеем его боль.

Винцент упал на пол, скрутился. Вороны кинулась на него, цепляли когтями, рвали кожу. Вырывая из-под нее нечто живое и черное, как сама ночь, они сгрызали это. Уэни с ужасом и восторгом смотрела на них. Рене отвернулся, подавляя отвращение.

Винценту было больно, но куда больнее оказалось прощаться с тем, что он мог препарировать и изучать, открыв много новых тайн.

– Там был Адам? Вы почувствовали его? Отвечайте мне! – до хрипа кричала Уэни.

– Нет. Его там не было. Это даже не был чародей... ах... – Винцент зажмурил глаза и на миг потерял ощущения пространства, он даже не был уверен, как долго не открывал веки.

Уэни поджала губы. Ее растерянный взгляд заметался по комнате.

– Как так... я же все правильно сделала... как же...

Когда Ахон остался снова один, Винцент с нежностью погладил его дрожащей рукой. Раны на теле начали заживать. Винцент уткнулся головой в холодную стену и простонал. Восстанавливаться всегда больно. Да и внутри было слишком много повреждений, чтобы все быстро прошло.

Волосы его медленно возвращали седину.

Найдя в себе силы, Винцент отошел от стены. В этот момент в подвал вбежал профессор Реген. Он сказал Рене унести Суви, но тот не смог сдвинуться с места, не смог оторвать взгляд от Винцента.

Уэни тоже не сводила с Винцента взгляд.

– Что вы сделаете со мной, профессор?

– Сдам. – Его голос был таким же бледным, как и он сам.

– Если вы меня сдадите, об этом узнают, и тогда пострадает ваш ребенок, ваша Академия. Я знаю, как вы относитесь к Академии, как к дочери, которой не было... – истерично усмехнулась Уэни, а Парцифаль взволнованно покосился на

друга. Взгляд Уэни упал на кольцо на пальце профессора. Винцент Вальден всегда уходил от ответа, когда кто-то интересовался личностью жены. – Но, быть может, у вас были и дети... Так что вы понимаете меня. Вы подвергните своего ребенка опасности или защитите?

Винцент потер большие виски. Он медленно, точно разрывая заклятие оцепенения, повернулся к Суви. Она лежала, вымотанная и печальная, на руках у остолбеневшего Рене. Ее светло-рыжие волосы казались яркими на фоне мертвенно бледной кожи.

Грозный голос Винцента раздался в повисшей тишине:

– Если я сдам тебя, Фрида не оставит от тебя живого места. Фрида сожжет каждую клеточку твоего тела, пробудит своих демонов, продемонстрирует все знания темной магии в полной силе. Она отомстит за племянницу, забыв о твоих больных мотивах. Забыв о благородстве. – Винцент вздохнул. – Ты права, Уэни, я должен позаботиться о своих детях, защитить их! – В глазах Винцента горела злость. Он обратился к Парцифалю, не сводя с Уэни взгляд, – ее не будут судить, я сам устрою суд! Смотри, от чего я спас тебя, Парцифаль! И пусть уже Рене унесет Суви!

Тут Рене подчинился. Он уходил, чувствуя, что произойдет. Все быстрее и быстрее он неся к лазарету. Дальше от тьмы. От мыслей.

Уэни напряглась, не понимая, что именно происходит, а ошарашенный Парцифаль бросился к другу.

– Не делай этого! Даже ты не вправе судить!

Пришедший в себя ворон сел на плечо ведьмака.

– Тебя я судил, хотя был не вправе, и спас! Не мешай мне! – В голосе его слышались раскаты грома.

Парцифаль вздрогнул.

Уэни прижалась к стене, желая впиться в нее. Страх, неведомый и древний окутал ее. Магия в истерике забила внутри ведьмы.

– Смотри, Парцифаль, смотри внимательно, и не смей мне мешать! – Винцент снова обратился к Уэни, – мы скажем так: ты хотела лишиться себя жизни, а Суви спасла тебя. Глупо и безрассудно, но самоотверженно. Суви попала в лазарет, а ты... – Винцент осекся, – сделала то, что и хотела, пока тебе не подсказали идею с рождением ребенка.

Уэни рыкнула, словно дикий зверь.

– Я доверила вам секрет!

– Теперь у нас будет общий секрет, Уэни Хьюз, – Винцент дотронулся до головы Уэни.

– Я... я расскажу вам, как поддерживала в Адаме жизнь, как помогла ему пережить шесть, потом тринадцать лет... только, прошу, не делайте этого!

– Это уже не важно, – покачал головой Винцент. – В конце концов, я узнал все сам. – Винцент с улыбкой заметил потухший блеск в ее глазах. – Секрет в том, что его нет. Ты не делала ничего... это Адам... на самом деле, он всегда был очень сильным чародем, одним из самых сильных, которых

я когда-либо встречал, – с восхищением сообщил профессор, – и только это помогло ему. Сам того не осознавая, он поддерживал себя, тратя всю свою силу на жизнь, подобно тому, как медиумы отдают магию, рождаясь. Он сам спасал себя, а не твои пустые действия. Вот и узнан твой секрет.

– Нет! Нет! – Уэни в отчаянии замотала головой. – Нет! Это Я! Я!

– Ты, ведь, сама себе не веришь.

Уэни затряслась, то ли плача, то ли смеясь.

– У вас хватит сил, профессор? Откуда вы знаете, что делать? – из последних сил Уэни продолжила.

– Я знаю так много вещей, о которых никому лучше не знать, Уэни. Так бывает, когда живешь слишком долго. Но жаль, я еще не знаю всего, и отказался от новых знаний, – Винцент наклонился к Уэни и коснулся пальцами ее лба, – спи, засыпай. – Сладко пропел он, – засыпай ведьмой последний раз.

Винцент сел рядом с уснувшей ведьмой. Глаза фамильяра снова засветились. Винцент читал старое заклятие на древнем языке, на котором говорили в те времена, когда слова еще имели значение. Пальцы его лишь слегка касались запястья Уэни.

Тело ведьмы дергалось во сне, изнывая от жгучей боли. Уэни снились кошмары. Искры, выходя из пальцев Уэни, входили в пальцы Винцента и растворялись в нем. Винцента трясло, но лицо оставалось жестким и спокойным.

Парцифаль с нескрываемым ужасом смотрел на то, как магия переходит от одного чародея к другому. Леденящий душу пот прошелся по спине Парцифалья. Лишение магии – наисложнейшая, крайняя мера. В Совете ее применяли редко и силой сразу всех чароделов Высшего и Низшего Советов.

Парцифаль учувствовал в таком обряде один раз. После этого они с Космеей долго отсыпались. Винцент же был один, окруженный своими тяжелыми думами.

Винцент чувствовал, как чужая магия проникает в него. Необузданная и темная, непокорная, магия Уэни с трудом давалась самой ведьме. Но оказавшись в объятиях силы Винцента, она легко покорилась и расплавилась внутри его сути, точно капля воды в огромном море.

Винцент ощутил горький вкус страха и дурманящий вкус магии.

Практически лишенный сил, Винцент Вальден просидел всю ночь у кровати Суви. Он смотрел на семнадцатилетнюю девушку с рыжими волосами, наследницу своего рода и думал, как же давно он не был так встревожен. И что она права, это так не правильно, что он может вот так видеть ее и сидеть рядом.

Винцент вспоминал о дочери. Его Роза, милая Роза. Так безмерно рано покинувшая этот мир, когда-то не справилась, и та ночь тяжелым грузом давила на Винцента. Теперь он думал, что будет, если история повторится?

Как пережить эту ночь?

Когда Эйрлис Корсен зашла в лазарет, она увидела картину, которую не сможет забыть: у кровати Суви, прижавшись к стене, спал директор. Его тонкие веки подрагивали во сне и еле шевелились губы. Длинные пальцы запутались в волосах Суви, точно он успокаивал ее, напевая далекие колыбельные. И его седые волосы отдавали медным блеском.

Глава 16. Темное дерево слова

Май пролетел чьей-то далекой жизнью. Суви десятого числа исполнилось восемнадцать. Но она не была рада. Ведь праздновать что-либо Суви не хотелось.

На занятия Суви ходила редко. С заданиями ей помогали то Инна, то Прия, иногда Иоланда, которая теперь не ворчала, а предлагала помощь даже больше, чем подруги. Давида перевели в другую комнату, но он все равно, раз за разом, возвращался в ту, где на стенах были нарисованы узоры и картины, оставленные Адамом. Он лежал на кровати, уставившись на стены. Сердце жгло.

На смерть Адама Давид отреагировал спокойно, но, только увидев, как земля покрывает могилу, осознал смерть друга. Давид понял, понял до того сильно, что закружилась голова, Адам был мертв. На самом деле мертв. Как умирали те драконы. Давид плакал всю ночь, успокаиваемый Прией.

Профессор Вальден применил заклятие, не выпускающее Уэни из комнаты. Да и самой ведьме не хотелось выходить. Без магии в ее душе воцарилась зудящая, пожирающая все

вокруг пустота. Адам все еще был мертв и похоронен. Навсегда.

Наступил жаркий, душный июнь. Уставшая от тоски Суви, Инна все чаще задерживалась на пирах у Анемон, усердно следя за временем. Компанию ей составлял Адар. Суви не винила ее. Суви проводила много времени в комнате, редко ходила в лес и больше не посещала самое любимое место – оранжерею. Профессор Ланская все понимала и не снижала балы.

Все курсы разъехались, кроме последнего. Их ждали выпускные экзамены. Но главное, решающее значение несла работа на протяжении учебного года и всех лет.

Профессор Дюбуа попросил, еще в начале семестра, сделать проекты на тему «Утерянные рукописи чародеев Помпеи», для особо ленивых, а для тех, кто хотел большего, на выбор: «Влияние чародеев и жрецов Древнего Египта», «Верховные Чародеи – пережиток прошлого?», «Была ли инквизиция?» и многие другие темы. Проекты представляли собой трудную работу, проверку материалов. Выйдя перед всей группой, нужно было защитить проект. Экзамены длились долго, некоторые использовали зелья для ораторского мастерства, Гаспар Дюбуа делала вид, что не замечает.

Ученики работали в паре. Суви была с Лаурой. Все время помогавшая с заданиями Лауре, Суви бы не справилась сейчас без нее.

Профессор Реген требовал найти на ночном небе все указанные звезды, созвездия и спутники, и описать влияние звезд, луны на магию чародеев, ши и духов. Задание оказалось очень простым. Те, кто за учебный год сдал проекты о создании первых магических обсерваторий и о вкладе Верховного Чародея Линуса в человеческую астрономию получили более высокие результаты. А те же, кто хотел дальше идти на астронома в магические обсерватории, должны были дополнительно решить очень сложный тест.

Рене Моен попросил учеников продемонстрировать все чары, которые они проходили за этот год. Фамильяры преданно сидели рядом с чародеями.

Мелисса призвала ящерицу, а Филикс ворона.

Хлоя призвала свою крысу, Азоулус сову, а Хортензия и Виде кошку. Крепко держа их в руках, они нервно смотрели на Суви.

Профессор Моен, каждый раз смотря на Суви, вспоминал ту ужасную ночь. Его тело била дрожь. Он думал о холоде, который пронзил юную ведьму, об ужасе, который навсегда закрылся в ее голове, и его черные волосы покрывались сединой.

Что случилось на самом деле с Уэни, Рене давно догадался, но решил тактично поддерживать общую мысль: Уэни Хьюз, не выдержав потерю сына, хотела лишиться себя жизни, а лишила магии. И стала просто тенью жизни. Как это вышло никто не спрашивал.

На экзамене по зельям каждый работал в одиночестве. Задали сварить выпавшее тебе зелье, описать подробно его рецепт, потом определить уже готовые зелья по запаху и виду, где какое.

Суви пришлось приготовить зелье для защиты дома, смысл которого заключался в том, что лишь знающие о зелье, могут обнаружить место. Главными ингредиентами служили первоцвет и чертополох. Астрид часто варила его и Суви с легкостью могла приготовить зелье. Мысли о маме чуть не испортили всю работу.

По рецепту нужно было размолоть в ступке ягоды рябины, и добавить туда немного протертых веток ольхи. Количество зависело от площади поверхности. Потом нужно было добавить сок мандрагоры, постоянно помешивая до однородной темно-зеленой жидкости. Только тогда можно было ставить будущее зелье на огонь. Варить нужно было ровно час. Ни секундой больше или меньше. Остывшее зелье нужно нанести на пороги дома.

Кабинет наполнили запахи различных зелий, вызывая у Суви приступ тошноты. Инна же, наоборот, точно пришла в элитный парфюмерный салон. Лаура, как и другие ученики с аллергией, писал тест в соседнем кабинете.

На травологии профессор Ланская задала сдать тетрадь, в которую все время обучения ученики записывали травы, деревья, кустарники и мхи. Нужно было указать место произрастания, сроки сбора плодов, листьев, коры и указать их

применение в зельеварение, целебных искусствах и магии жрецов.

Нужно было описать цветы, ствол и листья, а также их зарисовать. В тетрадах у Суви от каждой страницы пахло тем цветком или деревом, о котором на них говорилось.

– Ты так хорошо работала все время, столько выиграла конкурсов, – Ванда Ланская слегка пролистая одну и из тетрадей, – у тебя красивый почерк. А рисунки, они прекрасны!

Рисунки с каждым разом становились все лучше, чем Суви могла гордиться. Особенно сейчас, когда Адама не было. Рисуя свои цветы, Суви точно была рядом с ним.

– Я не буду спрашивать теорию. И так все понятно.

– Но я допустила ужасную ошибку, не так уж я и разбираюсь... – голос Суви дрогнул.

Профессор Ланская сочувственно улыбнулась и прикрыла ее руку своей.

– В этом абсолютно нет твоей вины. И даже если была ошибка, разве можно не допускать ошибки? Думаешь, наш директор не делал ошибок? – Суви вздрогнула, – но он все еще один из самых великих чародеев за все времена!

– Даже Винцент Вальден не застрахован от фатальных ошибок, – отстраненным голосом подытожила Суви.

Экзамен по геологии проходил очень просто. Ученики должны были найти в горах указанные породы, описать их, а потом рассказать для чего они могут пригодиться в зельях. А в какие зелья лучше не класть. После экзамена Сигве уго-

стиль всех ромашковым чаем и леденцами.

Последним оставался экзамен по изучению магических и обычных существ. Профессор Блэр ждала учеников в загоне. Гилл приветливо замотал хвостом, увидев Суви. Джасмин задала каждому на выбор несколько существ, которых нужно было описать.

Суви достался Кракен. Это огромный кальмар, древнее существо, живущее на глубине морей. Много спит, наедаясь перед сном. Малоподвижен, но очень силен. Может влезать в чужой разум. Поэтому чародеи всегда защищали специальными чарами свои корабли. Говорят, где-то под островом плавал такой. Но был это лишь вымысел.

Так же Суви нужно было описать чудеснейшую птицу Феникс. Это древняя самовозрождающаяся из огня птица, внешность которой трудно описать, даже увидев ее. Фениксы живут рядом с ши и едят лишь из их рук, других редко подпускают к себе. Они чувствуют намерения и силу чародея, очень умные и своенравные, воплощая собой саму суть магии. Если такие птицы спокойно сидят рядом с чародеем, значит он заслужил их уважение.

Кроме них, Суви нужно было описать церберов, трехголовых псов, созданных алхимиками для охраны сокровищ, а также лепреконов. Лепреконы небольшие существа, чуть выше цвергов. Они опасны и своенравны, но, если чародей понравился им, они будут благосклонны. Впрочем, даже им не стоит брать у лепреконов золото – сведут с ума.

Рассказав про существ, ученики должны были еще ответить на множество вопросов, так или иначе касавшихся всего обучения. На каждого тратилось очень много времени, так что экзамены растянулись на пять дней. Суви повезло сдать экзамен в первый день.

Магическое право и целительство можно было сдать как экзаменом, так и просто получить зачет, но тогда сложнее было бы пойти работать в Совет или Союз целителей. Инна, Лаура и многие другие, выбравшие целительство, должны были выполнить практические задания. Прию, Давида и остальных ждал огромный тест.

Суви разместились под сенью огромного дуба рядом с Хлоей, Инной, Лаурой и Мелиссой. Девочки обсуждали прошедшие экзамены, а Суви представляла, что мог бы сказать Адам. Воспоминания о его голосе вызвали у Суви теплую улыбку.

Инна хорошо держалась, только все думала, как будет сдать целительство. Но доносившиеся звуки флейты Адара придавали уверенность. Инна никогда не мечтала стать целителем до того дня, пока ее ши чуть не умер. Суви же, наоборот, раньше рассматривала такой вариант, но теперь он казался ей злой усмешкой, и она отказалась от экзамена.

Она совершенно не знала, что будет дальше. Но это не тревожило ее.

Вместе с Иоландой Прия и Давид гордо шли к ребятам. Их лица оставались спокойными. Прия и Иоланда вовсе не

походили на людей, сдавших только что магическое право. Лишь лицо Давида отражало безмерную усталость.

– Он бы сейчас готовился к целительству, – вдруг сказала Суви.

Девочки и Давид с печалью посмотрели на нее.

Через три дня после окончания экзаменов, Парцифаль Реген вызвал к себе Прию и выдал ей результаты экзаменов всех ее одногруппников. Не выходя из кабинета, Прия открыла свои документы. Лицо ее осталось прежним. Прия лишь надавила очки поглубже на переносицу и вздохнула.

– Примите мои поздравления, – улыбнулся профессор, – вы достойная выпускница Академии.

– Дстойная, – безжизненным голосом ответила Прия. В голове крутилось «не лучшая».

На руках Прии лежали самые высокие баллы по всем предметам, благодарственное письмо и переливающаяся золотом медаль, показывающая весь путь ученика к ней. Таковую же медаль получит не только она.

– Мы выдаем ее всем, кто принес школе победы на соревнованиях. – Парцифаль Реген задумался, а потом произнес, – уверен, вы и ваши подруги добьетесь великих успехов. Но прошу, поверь мне, награды и титулы ничего не стоят, когда отдаешь им слишком много себя. Мечты и цели прекрасны, но душа дороже, я знаю цену, – Прия увидела в его строгих глазах мягкость и печаль, – однажды мне помогли и так же я хочу помочь тебе, только раньше.

Прия не знала, что ответить.

Еще немного проговорив с профессором, Прия попрощалась с ним. Молча она дошла до загона, где Давид ухаживал за вивернами. Хитер спокойно подставляла чародею свои крылья и лапки, чтобы тот их почистил.

Увидев Прию, Давид подошел к ней. Прия выглядела бледной и измученной.

– Все в порядке?

Прия кротко кивнула, но как ни пыталась, не смогла улыбнуться. В ее черных глазах отразился покой. Хитер немного заскулила, бодая ведьму в бок, пока та не улыбнулась. Дул прохладный летний ветер. Вокруг пели птицы и посапывали виверны.

– Я справилась, – тихо сообщила Прия, – я справилась.

– Я горжусь тобой!

Давид радостно рассмеялся и крепко обнял свою девушку, утыкаясь носом в ее острые плечи. Хитер заворочалась в сене, с интересом наблюдая за чародеями.

– Хочешь полетать? – спросил Давид.

Только поднявшись в воздух, цепляясь руками за рубашку Давида и пряча лицо в его спину, Прия смогла улыбнуться. Ее тело заболело от усталости, но это не имело значения. Виверна заурчала, закрывая крыльями облака, и тогда рассмеялся Давид.

Рядом летела вероника, расправив свои мощные орлиные крылья. Больше всего она любила быть в образе птицы, ведь

занятия лучше, чем полет, она нее могла представить.

Солнце приветствовало их.

Проходя мимо кабинета мамы Адама, Суви каждый раз забывала, как дышать. Ее сердце сдавливалось от тоски, когда она вспоминала Адама, и от жгучей боли в теле, когда она воспитала ту самую ночь.

Суви стояла перед уже несколько месяцев пустующим кабинетом. Вздохнув, Суви схватилась за ручку и резко открыла ее. Суви окутал прохладный воздух из открытых окон. В кабинете стояли одинокие парты, на столе профессора были разложены вещи, точно вот-вот Уэни должна войти и сесть за стол.

Суви прошла вглубь кабинета. Все казалось таким неживым, нарисованным в порыве грусти Адамом. Лишь свежий ветер из окна напоминал о жизни.

Холодный пот пробежался по спине Суви.

– Суви?

Суви вздрогнула. В дверях стоял профессор Моен.

Суви ничего ему не ответила. Рене подошел к Суви и присел на край парты, внимательно смотря на ученицу.

– Ты в порядке?

– Нет. – Честно ответила Суви. – Но я обязательно буду.

– Я не сомневаюсь в этом. – Мягко сказал Рене. – Я так и не поговорил с тобой о той ночи, когда...

– Я знаю, что вы и профессор Вальден спасли меня, – пе-

ребила его Суви, улыбнувшись, – я, правда, благодарна, но не хотелось бы обсуждать это. Мне и так было трудно.

– Я понимаю.

Суви посмотрела в окно. Она слышала шелест листьев, шум сотни голосов. Где-то там, не здесь, была жизнь.

– Профессор, вы теряли близких?

Рене натянуто улыбнулся и кивнул. Он молчал минуту, а потом тихо сказал, точно сам не верил, что все это произошло с ним:

– Я похоронил пять слишком много братьев и сестер, когда мне было тринадцать. Я единственный выживший ребенок. Это было трудно, да... но куда труднее было то, что я остался один, не кому было меня поддержать, успокоить. Однажды твоя тетя заметила странное состояние неприметного ученика. Так, потеряв близких, а нашел подругу.

Увидев безмерную печаль в глазах профессора, Суви почувствовала желание его обнять. Но она просто тепло улыбнулась. В ее же глазах загорелся огонь, он не был создан для жизни, в нем не было силы, но легкое тепло, плескаясь, озарило лицо ведьмы.

Последний вечер июня наградил выпускников ливнем. Они, сдавшие экзамены, теперь ждали прощания, бесцельно бродя по коридорам Академии. Прощаясь с ней и не желая уходить. Академия стала для всех вторым домом, местом, где им давали возможность быть собой, теплые стены и нужные

знания.

Прия Хатри стала лучшей ученицей, Лаура Селланд и Давид Олсон разделили награду за лучшие успехи в спорте. Узнав об этом, Прия не почувствовала печали. Закрывая глаза, она думала о полете на виверне. Иоланда Линдберг заняла одну строчку с Инной Ортега. Прию уже перестало раздражать, что Инна, особо не стараясь, считалась одной из лучших учениц. Баллы Суви и Давида слегка уступали им. Из друзей Лаура была на последнем месте.

На оценки Суви уже стало все равно. Она перестала искать в толпе Адама и больше он ей не снился.

Зал украсили сотней зачарованных огоньков. Они кружились, метались по залу, доставали до самого потолка. Каждый, кто смотрел на зеркала, появившиеся на стене, видел все положительное, что случилось с ним в Академии. Суви старалась не смотреть, но иногда с болью замечала не только подруг, но и Адама.

Зачарованные Сигве музыкальные инструменты играли легкую мелодию. Столы ломились от еды: от пирогов с лесными ягодами, яблоками и грушами, от пирогов с рикоттой, тимьяном и гвоздикой, от кексов с календулой, георгинами и васильками, от засахаренных тюльпанов и роз, от обжаренных цветов бальзамина, фуксии и сирени, от печенья с липовым и вересковым медом, пирожков с крапивой и черемухой, с лесными ягодами. По бокалам были разлиты вина из акации и одуванчиков, соки из мяты и жасмина.

На празднике присутствовали цверги, ориады и дриады.

Прия шла, точно плывя, в элегантном красном платье, украшенном золотыми нитями. Если бы выбирали королеву бала, выбор оказался бы слишком очевиден.

Давид выдохнул и мечтательно улыбнулся. Он взял руку Прии и поднес к своим губам.

– Вы прекрасны, моя королева, – подмигнул ей Давид.

Зеленый костюм Инны из лучшей ткани ши, подаренный Адаром, переливался легким внутренним блеском. Суви заметила, что Инне и не нужны были такие эффекты, Инна сверкала бы и в льняном сарафане.

Адар шел рядом с Инной, держа ее за руку. Чародеи обочивались, перешептываясь. От Адара веяло древней магией, она клекотала, пронизывая тело. Его золотые глаза блестя, точно огоньки хищника в сумеречный час.

– Сегодня будут говорить только о ней, – заметила Иоланда.

– Они хорошо смотрятся, – радостно захлопала в ладоши Рамуне, вызвав смех Иоланды.

Лаура надела нежно-голубое платье, напоминающее всплеск теплых волн. В волосах ее сотней капель блеснул жемчуг. Лаура шла под руку с Суви. Лаура улыбалась, с беспокоем ощущая, как подруга дрожит.

Суви надела очень простое, но милое черное платье. Она хотела не выделяться. Но вдруг в ее волосах появились бутоны роз и ромашек. Суви сразу нашла причину. Стоя у ин-

струментов, ей улыбались Антея и Дафна. Суви ответила им искренней улыбкой.

– Я столько раз хотела ускорить приближение этого дня, а теперь я здесь стою... и ох, Суви, – Лаура крепко обняла Суви, – обещай мне, что, попрощавшись с Академией, мы не расстанемся!

– Конечно, – Суви нежно поцеловала Лауру в лоб, окинула взглядом танцующих Прию и Давида, Инну и Адара, они смеялись, не сводя друг с друга глаз, – вы все мои близкие люди, как я могу забыть о вас?

Суви осталась одна. Она не отказывала тем, кто приглашал ее на танец. Лишь, закрывая на миг глаза, представляла, что это были теплые руки Адама и это он стоял перед ней. Он бы щекотал волчьим дыханием и тихо так, чуть заметно, смеялся.

Когда все учителя произнесли речи, и сам Винцент Вальден вручил ученикам их дипломы, те, кто еще не плакал, разрыдались. Теперь они окончательно покидали стены Академии. Суви, принимая диплом, одарила директора многозначительным взглядом. Его последние слова не выходили из головы, но заговорить об этом Суви не решалась.

– Я рад был быть вашим директором, – сказал профессор, он посмотрел на Суви и растерянно улыбнулся, точно не зная, как реагировать, – мне жаль, что не все дошли до конца. Мы будем помнить Адама Хьюза. – На потолке звезды выстроились в портрете Адама. У Суви ноги наполнились

ватой, – те, кто знал Адама, те, кто видел, те, кто проходил мимо...

Дальше Суви не слушала директора. Она выбежала на улицу, где свежий сырой воздух, с зависшей моросью, немного привел ее в чувства. Суви прижалась к вышедшей следом Лауре, пряча красное от слез лицо.

– Я хотела простоять до конца, но...

– Я знаю, – прошептала Лаура, чуть покачиваясь, – я понимаю.

Скоро к ним вышли Давид, Прия и Инна. Они стояли, слушающая долетающую музыку и пение сверчков. Суви повернула голову, смотря, как луна отражается в глазах Прии. Такая далекая и одинокая луна.

Суви крепче прижалась к Лауре.

Глава 17. В розах золото лучей

1431 год.

Адалину вели на костер. Ей исполнилось всего девятнадцать, а мир лишь вступил в пятнадцатый век. Но кого это могло волновать? С перевязанными руками, босиком по первому снегу, ведьма шла вперед. На казнь ее вели двое. Они сжимали руки Адалины до синяков на коже, но боялись взглянуть в ее пронзительные глаза.

Холодный ветер трепал огненные волосы ведьмы. Когда кудри закрывали лицо, гордая ухмылка искажалась усталостью и страхом. Но серые глаза призывно горели.

– Не думал, что доживу до сожжения ведьмы. Я привык, что просто отправляют на работы. – Заметил один из палачей.

– Показательно, – зевнув, ответил другой.

Точно Адалины и не было рядом.

Адалину привязали к столбу. Хворост под ее промерзшими ногами был сырым и долго не хотел разжигаться. Но недовольный гул толпы подгонял его.

Советник по допросу свидетелей отвернулся, чтобы не видеть ведьму. Он знал, что она не виновна, что Адалина одна из лучших людей в деревне. И что это она, не испугавшись, вернула к жизни целый лес.

– Ради чего все это, магистр? – спрашивала Адалина каждый раз, когда тот приходил к камере.

– Вы – настоящая ведьма, вас ненавидят пуще прежнего! – Лоренц Форст повернул голову, проверяя, есть ли кто рядом, – дорогая Адалина, вы же можете сбежать!

– Могу? Может, я и попалась, только чтобы ко мне хоть кто-то так уважительно обращался, – хотя Адалина и ядовито смеялась, в ее голосе сквозила искренность. Светлые глаза отразили печаль.

Советник присел рядом. Он взял ведьму за грязные руки. Они оказались так холодны, что магистр вздрогнул, но не выпустил их.

– Я видел, как вы воскресили лес. Этими руками. Вам ничего не стоит уничтожить тюрьму, пробив под землей пару

зернышек. Или призвав те старые терновники за стеной. – Советник говорил еле слышно, точно боялся своих же слов.

– Я дала обещание лесу, – прошептала Адалина, – я сделала это ради животных, чтобы они вернулись домой. Лес, лес погубили люди. – Адалина сделалась очень серьезной, – обещайте и мне, – она положила руку к его груди и чуть надавила, – обещайте, Лоренц, позаботиться о моей дочери. А о лесе мой дух позаботится сам.

– Я знаю это заклятье, – Лоренц убрал ее руку с груди и поцеловал, чуть замерев, – я и без этого обещаю вам. Я позабочусь о вашей дочери. Я приведу ее как незаконнорожденную наследницу. И расскажу ей о вас. Даже оставлю это смешное имя и дам фамилию в вашу честь – Нельке Адельхейд.

– Красиво, – безмятежно улыбнулась Адалина, точно ее не ждал костер.

Адалина повращалась со своим фамильяром, пришедшем в форме змеи, и только тогда была готова сгореть.

Адалина закрыла глаза. Она чувствовала, как местные ведьмы осторожно посылают заклятия, лишая ее боли. Адалина видела в их глазах чувство вины и не держала зла. Лишь одно волновало ее, что она больше не сможет смеяться и видеть улыбку дочери.

И все же ее смех, как белый снег, как пепел от сожженного тела, не покидали деревню никогда. А род Адельхейд начал свое великое путешествие к славе.

1953 год.

Парцифаль спокойно сидел за полупустым столом директора. На полу кучей валялись свитки, книги и документы. Точно в суматохе мыслей их хозяин что-то искал. За окнами стояла тишина. Пока не было ветра, стая опавших листьев спокойно отдыхала на земле.

Черный ворон удобно разместился на подоконнике, от-
вернувшись от чародеев.

– Я, как видишь, не готовился к гостям, – заявил Винцент, рассеянно улыбнувшись.

Парцифалью стало неуютно видеть директора Академии таким. Да и привыкнуть к тому, что он, Парцифаль Реген, теперь не член Совета тоже оказалось не просто. Еще недавно он был женат на Георгине Адельхейд, растил сына и с нетерпением ждал своего победного часа.

Уже давно он ходил по этим коридорам, совсем юным и готовым покорять этот мир. Юный Парцифаль мечтал дотянуться до звезд, впитать их холодную магию без остатка. Или вовсе стать ей. И было все равно, что люди вокруг косились, боялись пронзительных черных глаз и их блеска, шептались, пророча ему беду.

А теперь он снова был здесь, испуганный и одинокий. Но глаза, сотканые из тьмы и непомерной жажды, блестели недобрым огнем.

– Пришлось уволить профессора Коллена Гарднера, но

ничего, – Винцент пожал плечами, – я не дам его таланту пропасть.

– Как и моему?

– Изволь не ерничать, – укоризненно произнес Винцент, точно Парцифаль все еще был ребенком, и положил перед ним кипу бумаг. – Все нужно подписать, профессор Реген, бумага и ручка зачарованы.

Парцифаль закатил глаза и грозно выдохнул. Взгляд его пронзил директора, но тот лишь лениво улыбнулся в ответ.

– Я смещу вас с поста, а потом оттуда уже и доберусь до Верховного Чародея. Они не лишат меня звезд и магии, но звезды подарят мне власть над ними. Вы это понимаете? – С вызовом спросил Парцифаль.

Винцент махнул рукой, отправляя книгу на место, и невзначай указал на открытый шкаф.

Парцифаль подошел к шкафу. На полке завис в воздухе прозрачный шарик, слегка касаясь подушки. Внутри блестяло что-то серебряное. Завороженный игрой бликов, Парцифаль практически пропел:

– Я помню его. Я держал его в руках, когда поступил сюда. Он так светился.

– Ты это помнишь? – заинтересованно спросил Винцент, хмыкнув. – Возьми его.

Парцифаль повиновался. Шарик оказался не из стекла. Он был сделан из тончайшей материи, точно одежды дриад. Шарик пульсировал в руках чародея. Под пальцами билось

теплое сердце. Его ритм, успокаивающий и мерный, вводил в транс.

Парцифаль и представить себе не мог, как можно было теперь отпустить шарик. Это тепло стало самым важным в жизни. Его звездами. Его властью. Его именем. Всем, что имело значение.

– Попроси его показать тебя, – тихо сказал оказавшийся рядом Винцент, – просто подумай.

И Парцифаль подумал. Шарик завибрировал, засветился. Его свет напоминал белые огни гигантских звезд, зажжённые внутри маленькой сферы. Огни скапливались в галактики, рождая сотни гигантских звезд. Шарик превратился в яркий фонарь, наполненный мощным светом. Казалось, тысяча лампочек загорелась в кабинете.

– Он показывает магический потенциал. Так я определяю, в какую группу отправить ученика. В разных группах разные программы и системы и, по итогу, все занимаются в нужных им ритмах и показывают прекрасные результаты. Мои профессора помогают в этом. Поэтому Академия Чародеев острова Туле является самой лучшей из всех школ. Ни одна академия и школа не выпускала столько талантливых ведьм и ведьмаков. – Винцент говорил это с нескрываемым блаженством. – Интенсивность света разная, форма света разная, у кого звезды, у других лучи, свечи. У тебя звезды, и очень сильные, у твоей пока-еще-жены солнечные зайчики.

– Увлекательно, – протянул Парцифаль, разглядывая ша-

рик, – но методика преподавания не мое.

– А что твое? Уверен, из тебя бы вышел отличный учитель, Парцифаль Реген.

Парцифаль практически оскалился.

– Мой испуг прошел. А вы заблуждаетесь. Вы всего лишь обычный старый чародей, не более того.

Винцент встал.

– Ты веришь, что я научился магии ши? Ходят легенды...

Взгляд Винцента был похож на раскаленную сталь. Казалось, если он захочет, весь мир взорвется, развалится на части. Древняя магия бурлила в воздухе, проникая во все уголки кабинета. Древняя магия подступала к горлу Парцифалья, лишая воздуха.

– И что? – выдавил Парцифаль, отдавая голосу всю силу и спокойствие.

Профессор Вальден не ответил, лишь осторожно взял шарик из холодных рук Парцифалья. Отдав шарик, Парцифаль ощутил пустоту.

Шарик в руке Винцента забился в конвульсиях. Внутри зажглось Солнце. Оно клокотало, билось, стремясь всеми протуберанцами достичь земли. Свет, безмерно яркий, озарил кабинет.

Шарик пульсировал, взрываясь все еще большими вспышками света, желая поглотить в себя кабинет, Академию, остров Туле, Землю.

Парцифаль вжался в стену, ожидая, что от него останет-

ся лишь тень. Ему ничего не оставалась, как, собрав все силы, ослепить самого себя. В глазах потемнело, уши наполнил пронзительный шум.

Очнувшись, Парцифаль обнаружил себя в кресле. Через размытый фокус он видел, как Винцент пьет чай с черничными пряниками и размеренно беседует о чем-то с фамильяром.

– Хочешь чаю? Иван-чай, вечнозеленая жимолость, красный кизил и боярышник. – Винцент встал и положил в трясущиеся руки Парцифалья чашку. – Старайся больше не смотреть на солнце так близко, а то можно умереть, ладно? Когда хочешь приступить к преподаванию?

– С-сегодня, профессор Вальден. – Еле проговорил Парцифаль и залпом выпил горячий чай точно рюмку виски.

1992 год.

Горький отвар из корня боярышника, выпитый рано утром – вот был весь завтрак. Гаспар слегка касался пальцами век, желая тактильно убедиться в их наличии, и только тогда заходил в аудиторию.

В кабинете было душно, хотя все окна были открыты. Гаспар шел не спеша, чтобы не ускорять и так разволновавшееся сердце. Дикий ужас накрывал его волной, раз за разом.

Приветственные голоса казались глухими, отдаленными. Все ученики были рады видеть нового учителя, но он никак не мог по-настоящему ответить им взаимностью.

– Сегодня практическое занятие, это все помнят? – Гаспар говорил ровным голосом, скрывая дрожь. Но ему казалось, что его голос – медвежий рык.

Гаспар смотрел на учеников, проглатывая сильное желание сбежать. Он всегда любил быть в центре толпы. Ему нравилось сама мысль учить. Но на практике все оказалось иначе.

Это то, что представляла из себя жизнь. Без предупреждения, без видимой причины. В окружении учеников становилось дурно лишь от того, что они могли узнать. Узнать, что глаза профессора становились золотыми, точно липовый мед, а тело покрывается бурой шерстью.

Предательски, злобно смеясь, буквы расплылись по листу, превращаясь в пятна чернил.

«Просто дыши, – уговаривал себя Гаспар, – просто дыши».

Профессор Дюбуа перевел взгляд на ученицу, посмотрел пронзительно, в упор. Будто руки не тряслись, будто шерсть не покрыла их под рубашкой, будто лицо девочки было четким и ясным.

– Увлекательно. Вам понравился доклад? – Спросил Гаспар у зала, с облегчением слушая положительные ответы.

Пары Гаспар заканчивал намного раньше положенного срока. И быстро, не помня себя, добегал до учительской. Сердце колотилось внутри.

Вокруг шумел лес. А он тут, в пустой учительской, у ок-

на, ровно дышал. Шум доносился с улицы, будто издеваясь. Сменяющиеся голоса, листва, ветер. Все спешили по делам, и кто бы поднял взгляд, взглянул в окно.

Шум еще сильнее мог свести с ума, но Гаспар открыл окно, чтобы окунуться в него. Забыть в шуме о ворохе острых мыслей. Заботливые руки отодвинули его и разместили в своих объятиях.

– Что случилось, Гас? – осторожно спросила Ванда, обняв друга.

Гаспар прижался головой к ее голове и заплакал. Страх, копившийся в груди так долго, вырвался на свободу. В руках Ванды Гаспар больше не мог его удерживать.

– Сейчас мы пойдем погулять, ладно? На улице такая хорошая погода, так солнечно и тепло. Потом поедем, нужно хорошо поесть, верно?

Плача, Гаспар кивнул. Сердце все еще бешено билось. Ванда погладила его по спутанным волосам.

– Потом снова погуляем, дойдем до твоей любимой беседки. Потом вернемся и займемся чем-то полезным, что бы ты хотел? Выберем во время прогулки, а потом снова поедем, да?

Гаспар кивнул, крепко сжимая в объятиях подругу. Он думал о предстоящей прогулке, еде, беседке и занятиях. Медленно его сердце успокоилось. Гаспар повис в ее руках.

2008 год.

Старый хрупкий дом на окраине Финляндии отзывался скрипом на каждый шаг незваных гостей. Намокшие одежды мешали идти. Илари, моментально втянув клыки, прижался к холодной пыльной стене.

– Это старый дом семьи Койвисто, тут жили мои покойные родители, – Илари Койвисто выровнял дыхание, – тут нас не найдут. Но лучше бы ты обратилась к Фриде или позволила бы мне!

– Нет! – рыкнула Астрид.

Как она ни пыталась, клыки не убирались. Лишь касались раздраженной кожи губ.

– Оставь меня и иди.

Илари взглянул на поднимающуюся луну. Уже слишком давно они переживают эти жуткие ночи в полнолуние. Каждый раз Астрид было все хуже. А Илари не знал, как помочь.

Илари заботливо укрыл Астрид найденным в шкафу старым плащом. Астрид пробила сильная дрожь. Она сжала поцарапанными пальцами грязную ткань и выдохнула. С воздухом горло покинул очередной рык.

Оборотни молча сидели друг напротив друга вечность, пока Астрид не нашла в себе силы.

– Обещай ничего не говорить обо мне. Обещай никогда не говорить обо мне с кем-либо, – Астрид прижала ладонь к его груди, ощущая, как бьется сердце оборотня.

– Астрид...

Астрид снова рыкнула, взглянув в его синие глаза свои-

ми черными. Илари видел в них силу, неуправляемую, похожую на готовый проснуться гейзер. Ее когти проткнули кожу Илари. Тот не поморщился.

Илари мог бы давно оттолкнуть любого, но ведьма смотрела в его глаза и Илари, ощущая под ее пальцами тьму, не мог не подчиниться:

– Обещаю.

Астрид надломлено усмехнулась. Она нажала ладонью на грудь оборотня и по ней, вслед за сильным толчком, пробежали серебристые волны. Астрид направила на это весь остаток магии, который помогал ей сдерживаться. Ее лоб потрескался, сквозь миллиарды трещинок сочился свет.

– Я думаю, нужно начать изучать в Академии черные заклятия. Видишь, как помогает? Но профессор Вальден не слушает, хотя и сам... сам очень хорош в темной магии, я знаю.

Илари смотрел на нее стеклянным взглядом. Его связали с Астрид сотня нитей, они касались шеи оборотня. Вот она – цена обещания.

– За это ты боролась, Астрид? – Илари окинул взглядом дрожащую фигуру двоюродной сестры в проеденном молью плаще, а потом чахлое, пыльное убежище, – как же мы оказались здесь? Ты, такая сильная и талантливая чародейка. И теперь ты тут. И теперь ты заставила меня дать обещание против воли, ты использовала на брате темную магию. Ради чего? Чтобы Фрида и Тильда не узнали, почему ты проигра-

ла? А Суви? Оно стоит того?

Грудь Илари нестерпимо жгло, но эта боль была ничем рядом с той, которую он раньше переживал в полнолуние. С возрастом обращенные простые люди учатся бороться и справляться. Илари еще никогда не благодарил судьбу, что не получил магию.

Астрид выпрямилась, чуть ослабив руки. Она не осознавала, сколько бы отдала, чтобы услышать это от родителей. Они всегда говорили лишь о Фриде и Матильде.

– Я думала, что справлюсь. Я хотела помочь таким. Я хотела на своем опыте понять, как помочь и вылечить оборотней, – Астрид сдержала крик, но ударила рукой по полу. От ее удара образовались трещины на полу. – Ты не имеешь право осуждать. – Астрид через боль выдавила улыбку.

Тело Астрид местами покрылось шерстью, и прорезались клыки. Астрид подавила крик, до крови закусив губу. Ее тело пробили конвульсии, стягивая нервы в одну сплошную боль. Ведьма выгнулась, цепляясь когтями за все, что попадалось под руку. Трещины пошли по всему лицу. Черные глаза последний раз стали фиолетовыми. Илари инстинктивно сделал шаг назад. Он знал, что ничего не может сделать. Но все равно совесть грызла оборотня.

Хруст костей оглушил Илари. В каждом звуке ощущалось, как ломается магия. Магия, проходя через Астрид, прорывала голову, нестерпимым зудом покалывала в ладонях. Астрид глухо закричала и в этот момент, Илари мог поклясться

– магия стала видна в пространстве.

Астрид, похожая одновременно на непропорционального волка и человекоподобное существо, тяжело дыша, уставилась на Илари тусклыми глазами.

Проснувшись рано утром, Тильда поцеловала мужа в лоб, встала, спустилась вниз. Кухню обычно уже наполнял запах утренней выпечки, но пока Эди спал. Суви тоже спокойно спала в своей комнате.

Зелья сна уже не действовали. Тильда подозревала у себя много плохих диагнозов, но решительно закрывала на них глаза – потом подумает, ведь нужно еще позвонить клиентам, обратиться, заняться другими делами и, в конце концов, встретиться с подругами.

Свернувшись в клубок, на полу мирно ждала змея. Тильда слегка дотронулась до ее бархатной чешуи и Филлис подняла на ведьму глаза. Глаза фамильяра загорелись белыми огоньками.

Тильда уже поняла, зачем пришла змея. Филлис зашипела и исчезла, оставив после себя небольшую записку. Тильда спокойно приготовила себе завтрак, хотела позвать домового, но не смогла. Как ему сейчас? Как сейчас вообще быть?

Позавтракав, и не обнаружив желанья спать, Тильда решила обратиться в доме. В этот раз предметы не летали по дому, выполняя свои функции, Тильда сама тщательно выдраивала каждый уголок, каждую и без того чистую вазочку.

После Тильда спустилась в мастерскую и не выходила оттуда, занимаясь росписью. Аккуратные, маленькие и точные до тошноты движения вызывали покой.

Эди к тому времени давно проснулся. Когда же Тильда закончила, а это был уже конец дня, Эди обнял жену и, уткнувшись в ее темно-рыжие растрепанные волосы тихо спросил:
– Поделишься?

Тильда прижалась к нему и, не говоря ни слова, положила голову на его плечо. Эди чувствовал, как намокает рубашка и как дрожит ее тело.

– Как мне сказать Суви?

Эдвард судорожно выдохнул.

2013 год.

Сосны, ели и березы Финляндии уже два года принимали своих путников. Их было немного – чародеи – Суви Адельхейд и Инна Ортега, и ши – Адар и Туиджа. Они долго были в дороге, обходя все леса, возвращаясь обратно и находя новые тропы. Когда хотели бросить, верили, что идут к верной цели.

Суви чувствовала, что подводит всех, но продолжала упрямо идти. Проснувшись ночью, она услышала разговор Адара и Туиджи. Ши не нуждались во сне и каждую ночь вели очень похожие беседы, но эта отличалась от остальных:

– Почему ты помогаешь этим... ведьмам? – сморщила нос Туиджа.

– Я полюбил их. – Что-то блеснуло в глазах Адара. – Думаю, мы зря так отгородились от чародеев. В конечном итоге, ведь в них течет и общая с нами кровь.

Туиджа зашипела. Ее уши задрожали. Золотые глаза увеличились.

– Все совершает ошибки, и кто-то из наших сородичей не был исключением, – Туиджа практически рычала, напоминая дикую кошку, – даже не смей, не смей никогда так говорить! Предатель... Все, подобные тебе, предатели!

Адар лишь устало улыбнулся.

– Почему-то именно ты пошла с нами. Не только ты знаешь тайные поляны и тропы.

Туидже стало некомфортно под напором его внимательных глаз. Видя ее замешательство, Адар наклонился вперед. Он смотрел Туидже прямо в глаза и ждал.

– Не все жалуют тебя, Адар с острова Туле. – Туиджа заметила в глазах Адара печаль, – Как и я. Но я не могу позволить, чтобы один из нас пострадал из-за ведьмы!

Адар кротко кивнул и отвернулся. Ши думал об острове на краю мира с его таинственной, но холодной и безмерно красивой природой. Он дотронулся до земли, чувствуя, как она пульсирует под его пальцами. Тонкие прутьики молодого терновника потянулись к нему.

– Если бы я мог помочь Суви, найти этот цветок...

Адар бы с радостью нашел заветный цветок и избавил ведьм от мучений, но ни он, ни другие ши не чувствовали

цветы, созданные древними ведьмами. Они понимали лишь те, что рождались с их магией и цвели в их легендах.

– Мало кто из чародеев знает о цветке, еще меньше в него верят, и только треть таких верующих отправляется его искать. Но в твоей ведьме слишком много скорби, она не слышит лес. – Туиджа коварно улыбнулась. – Я решила вам помочь, чтобы убедиться, что ведьмочки не совершат своих глупостей.

Адар зарычал. Он гордо и властно посмотрел на Туиджу. Она видела в его глазах желание напасть. Вокруг поднялся ветер, зашумели листья дубов. Испуганные кедровые деревья закачали кронами.

Туиджа хотела ему сказать пару едких слов, но во взгляде Адара было нечто настолько хрупкое и величественное, что Туиджа лишь потупила взгляд.

Тем утром Суви ушла от всех, выбрав для удобства одну из ближайших полян. Туман покрывал траву, пробирался между деревьями. Так тихо, что Суви без магии могла слышать, как просыпается лес. Ведьма упрямо убеждала себя, что дрожит от холода.

Она села на холодную землю и закрыла глаза. Под ней пролегали корневые системы, и Суви говорила с ними. Каждый день она просила их о помощи, слушала их истории и отзвуки ветра между ветками.

Трава оплетала тело ведьмы, на тоненьких стебельках распускались сладко пахнущие цветы.

Но это все еще не помогало.

Не открывая глаз, Суви призвала фамильяра. Тару села рядом. Ее глаза засветились. Расправляя магию по телу, Суви подумала, что зернышко волчьего цветка – сердце. Бьющееся, пульсирующее и живое.

Трепетный голос сердца цветка заполнил ее. Почувствовав этот голос, трава покорно отпустила Суви.

Соединяясь разумом со всеми корневыми системами, ведомая далеким биением сердца, Суви искала нужную дорогу. Она спрашивала, сама не понимая, что идет следом за поступающими импульсами. Деревья и трава ловко вели ее, не позволяя врезаться и упасть.

Тару бежала следом.

Суви открыла глаза на поляне, спрятанной от людских глаз за колючими кустарниками. Они расступились, пропуская Суви.

Голова Суви закружилась от восторга.

На поляне росли причудливые цветы, напоминающие собой птицу. Голубую птицу, подсвеченную изнутри мерцающим блеском. Цветы пахли весенним дождем, зимним холодом и горечью.

Суви присела и осторожно, боясь испугать, дотронулась до лепестков. На пальцах Суви покалывал холод.

Тару, опьяненная запахом, упала на спину, приминая траву, и закрутилась, выворачиваясь во все стороны. Она мурчала, довольно поджимая ушки. Ее черная шерсть вся по-

крылась голубоватой пылью.

Смотря на своего фамильяра, ведьма ощутила покой. Впервые за долгие годы мягкое блаженство тронуло ее лицо. Суви рассмеялась. И мысль, которой Суви так противилась, окутала ее: продолжать использовать способность. Но нет, Суви четко решила, что это – последний раз.

Немного отдохнув, Суви направилась назад, прихватив с собой несколько цветков. Только сейчас она заметила орла, тревожно кружащегося над ней. Его золотые глаза всполохами огня отражали солнце.

– Спускайся!

Орел послушно спикировал вниз. Через секунду рядом с Суви стоял Адар. Он порозовел и не поднимал взгляд.

– Я просила не делать так, помнишь?

– Прости...

Суви мягко улыбнулась и взяла друга за руку. Адар наконец поднял глаза.

– Ты ведь мог обратиться в полевку, я бы не заметила...

Адар нервно усмехнулся. До лагеря Суви и Адар шли молча.

– Ты нашла их! – Инна кинулась к подруге и крепко обняла ее.

– Да, – рассмеялась Суви.

Она держала в руке то, ради чего ее мама провела свои последние тяжелые годы в беспросветной боли – голубой цветок, маленький и изящный, уместился в Суви руках. Но Аст-

рид не суждено было их увидеть. Осознание, что Астрид и не могла найти цветок, лишь сильнее ударило по Суви.

Но Суви вдруг улыбнулась, предчувствуя, что Инна сможет сделать из его нескончаемого сока эликсир для оборотней.

Глава 18. Листва колючая жестока

2022 год

Если бы Суви спросили, где она окажется в тридцать лет, она бы сказала, что видит себя где-то в саду, полном диких роз. А потом бы смутилась этой мыслью. Потому что это не значило ничего, ни кто она, ни что делает, ни с кем. Но она упорно видела она только это.

Но вот недавно ей исполнилось тридцать. Суви все еще не могла ответить на эти вопросы. И теперь она не понимала, какой станет к сорока годам.

Сейчас над Суви горело испанское солнце. Суви часто смотрела на горы и будто зачарованный, сказочный лес. На древние замки под полной луной.

– Когда я уже стану таким же большим и поступлю в Академию? Мне надоела эта простая школа, – проворчал в очередной раз Крисанто, садясь напротив Суви, – мне уже девять!

Суви лишь рассмеялась. Чем больше она смотрела на маленького мальчика перед собой, тем сильнее понимала, что жизнь полна чудес. В его янтарных глазах горело нестерпи-

мое желание вырасти, но Суви чувствовала, детский задор из них не уйдет никогда.

– Слишком скоро, Чанто.

Крисанто недоверчиво сощурил глаза и рассмеялся.

Они сидели на залитой утренним солнцем веранде, вдыхая запах примулы и роз. Все виделось Крисанто легким и спокойным, но сердце Суви сжималось в тревоге.

Крисанто был так похож на свою мать, с оливковой кожей, вьющимися каштановыми волосами и даже черты его лица напомнили ее. Вот только глаза, янтарные, подсвеченные теплым золотом, говорили какой он особенный и кто его отец.

Увидев, что идет прабабушка, Крисанто быстро надел очки, которые очень не любил носить.

– Слишком, слишком скоро, – подтвердила подошедшая Даля.

Бабушка Инны, Даля Ортега, которой недавно исполнилось девяносто, оставалась статной и подтянутой женщиной с пышными белыми волосами, контрастирующими с оливковой кожей.

Даля задорно рассмеялась, от чего ее серьги из сотни бус зазвенели в такт, а Суви печально улыбнулась. Бежавший за Далией хорек блеснул белыми глазами. От них обоих пахло зельями и сажей. Кажется, Суви уже знала, какой будет Инна в старости.

– Но зачем же из-за этого грустить?

– А можно я летом пойду в Академию? – с надеждой спросил Крисанто Ортега, округлив глаза.

– Спроси у мамы, – подмигнула ему Далия.

Вскоре спустились Анфиса и ее дочь Инна. В доме Далии семейство Ортега приезжало часто. Вот и сейчас, в разгар лета, они гостили здесь. Инна отменяла все свои планы и оставалась дома с семьей. Бабушка и мама часто спрашивали, кто отец мальчика, но Инна отмалчивалась. Впрочем, они уже знали ответ, смотря на глаза Крисанто и то, как часто их навещал Адар, но все еще ждали признания от самой Инны.

Суви смотрела на трех женщин семейства и удивлялась, как Инна, одновременно, была похожа на их обеих. Две разные крови идеально слились в ней.

Когда на день к ним приехала Суви, Далия уговорила ее остаться на неделю.

– Ты никогда полноценно не была в Испании, – строго замечала Далия Ортега.

Суви решила это исправить, раз выдался шанс. Вдалеке от дома, под теплым солнцем Испании, все проблемы казались такими блеклыми, маленькими. Дом, наполненный множеством амулетов, сушеных трав и благовоний, защищал, казалось бы, не только от тьмы, но и от самой себя.

Далия продолжала традиции предков, добавляя в еду полынь и другие защитные травы, особенно рябину, она верила, что так можно всегда чувствовать себя в безопасности. Инна тоже верила в это. И теперь верила Суви.

К обеду в дом Далии прибыли еще двое: Давид и Прия. А позже и Лаура. Друзья долго обнимались, точно не виделись с Академией и не поддерживали связь. Но на самом деле они старались встречаться очень часто, чтобы не потерять свою дружбу.

Забрав Крисанто, Анфиса и Далия оставили друзей одних. Они сели за небольшой столик под туюй.

– Нужно будет приезжать сюда чаще, – с восторгом сказал Давид, осматривая прекрасный пейзаж.

– О, бабушка будет в восторге, – подмигнула Инна.

– Только где теперь найдешь время? – серьезно спросила Прия, – забот станет больше.

– Инна же находит, – Давид обнял жену, поцеловав ее в макушку, – и мы тем более найдем. Не волнуйся.

На веранде сидели старые друзья. Они смеялись и шутили, обсуждая прошедшие недели. Но каждый раз, отстраняясь от диалога, Суви чувствовала укол совести. За тринадцать лет ее друзья изменились.

Прия Хатри стала, к своим тридцати, членом Совета, отвечая за вопросы спорта и образования, так же вела прекрасную колонку в журнале, критикуя команды и соревнования в различных видах магического спорта. Мнение Прии считалось самым уважаемым и ценным среди других критиков. Из всех молодых членов Совета именно ей пророчили пост Великой Чародейки.

Давид Олсон стал мастером спорта и тренером команды

Дании по стрельбе. Однажды он обязательно станет главным тренером, но самой большой заслугой Давид считал не спорт: все деньги семьи Лунд, перешедшие к нему после смерти дедушки, Давид хотел сжечь, но одумался и направил их на помощь магическим существам и, в частности, драконам. Именно благодаря его помощи и заботе о драконах, создании заповедников и пунктов помощи, драконы больше не были вымирающим видом.

Недавно в семье Давида и Прии родилась девочка по имени Падма, которую оставили на дядю. Дядя Чандан обещал быть самым лучшим дядей-ведьмаком за всю историю. И ему было трудно не поверить.

Лаура Селланд, как и Давид, стала тренером. Она занималась с детьми, живущими в пансионатах и приютах для чародеев. Лаура жила с отцом и мужем Стефаном, которого она встретила недавно. Стефан тоже занимался плаванием. Правда он больше любил экстремальные виды, и Лаура присоединилась к нему. Она редко общалась с Деметрой. И каждый день, в трудные моменты, она думала о поступке Инны и об обещании, которое она дала профессору.

Инна Ортега, кроме рождения прекрасного сына и успешного его воспитания, пусть и благодаря помощи мамы, Аадара и бабушки, совершила еще и невероятное открытие. Инна смогла создать эликсир для оборотней-чародеев, помогающий им сдерживать волка внутри и колдовать. Суви завидовала ей, и жалела, что не могла воспользоваться ее талан-

тами в годы учебы. Но она забывала в этих мыслях, что Инна никогда не приготовила бы зелье, если бы не сама Суви.

На днях Инна и Суви получили премию от Верховной Чародейки и Союза целителей за вклад в целительство и мир. Давид так же получил свою награду за спасение животных. Прия очень гордилась ими.

Но, главное, они были счастливы, и Суви видела это в их горящих огнем глазах.

Суви помогала Инне, занимаясь всякого рода бумажной работой, консультацией и поддержкой обратной. Каждый день она отводила душу, стреляя из лука, и мечтала бросить все, уехать подальше и не возвращаться. Но она слишком сильно боялась подвести девочку с копной рыжих волос и темными глазами. Дома, помогая Эди готовить торт к приезду мамы, ее ждала шестилетняя Холли Адельхейд.

Холли стала единственным, что радовало Суви в личной жизни. Отношения у нее никак не складывались. Все постоянно не те, или же Суви не та.

– Вы смотрели вчера новую серию? Я всем скидывала? – Спросила Инна. – Розмарин такая прелесть. Простые люди многое теряют, не имея возможности его увидеть. – Инна мечтательно улыбнулась.

– У меня нет времени смотреть сериалы, – ответила Прия. Инна закатила глаза, а потом хищно улыбнулась.

– Я его для тебе найду.

– Скоро выходит сериал про спасателей драконов, – пре-

рвала их Лаура.

Давид улыбнулся.

– Да, и угадай, кто консультировал!

– Ого! Поздравляю! – Лаура приобняла Давида.

– Это, правда, замечательно, – солнечно улыбнулась Суви.

– Я им очень горжусь, – солнечно улыбнулась Прия.

Вероника, фамильяр Давида, села на его плечо и протянула привязанную к лапке записку. Последнее время молодые чародеи пользовались своими волшебными каналами связи на простых телефонах, но оставались те, кто предпочитал отправлять фамильяра, как было раньше.

Джасмин Блэр, занимающаяся вместе с Давидом волонтерской деятельностью, путешествовала с Гаспаром, который обучал детей в бедных деревнях, и баловал их магией, точно фокусами. Вместе с Вероникой Джасмин отправляла не только свое письмо, но и печальные новости с острова Туле.

Давид произнес не дрогнувшим голосом:

– Инна и Суви, вас приглашают на похороны Анемон.

Инна выронила бокал. Красная жидкость растеклась по скатерти.

Суви тяжело вздохнула:

– Она была еще так молода для цверга.

С того дня, как пути Парцифалья и Винцента разошлись, прошло слишком много лет. И все же старые друзья не пере-

ставали писать друг другу. Но каждый день Парцифаль чувствовал безмерную тоску.

Тот день, о котором даже страшно вспоминать, дался Парцифалю нелегко. Парцифаль оказался во тьме, в которой трудно было сделать шаг.

– Если ты уйдешь, я снова стану прежним. – Каждый день выкрикивал Парцифаль, – я пойду с тобой, куда бы ты ни пошел!

Глаза Винцента становились грустными. Обычно он молчал, но в тот день спокойно ответил:

– Если твои изменения так поверхностны, что держаться лишь за меня, то и хорошо, что они исчезнут. Я бы хотел, мой сердечный друг, верить, что я и Академия повлияли на тебя намного больше.

Бархатный голос Винцента эхом разносился по округе, вторя печальному крику ворона.

– Куда ты пойдешь? – Парцифаль отвел взгляд. – Даже если я и останусь таким, но куда ты один? Кто позаботится о тебе и уберезет от рокового решения?

Винцент рассмеялся. В его тонкой улыбке играло солнце, пойманное между страницами книг.

– Меня никто уберечь не сможет. – Винцент стал серьезным, – Пора тебе взять ответственность за себя и принять все то, от чего ты убежал на Туле. Как и я приму свою ответственность.

Парцифаль и Винцент крепко обнялись. Парцифаль смот-

рел ему в след, замечая, как гордо Винцент идет по залитой солнцем дорожке и мысль, пугающая и страшная, заметалась в его голове: мы не увидимся больше, мой верный друг.

Парцифаль остановился у дома на краю Баварии. Тут, окруженные всеми благами, жили двое мужчин. Хорст Буш и его старый отец Сильвестр Адельхейд, один из видных деятелей магического сообщества Германии.

Сильвестр недавно отпраздновал семьдесят восемь лет. Он уже плохо ходил и все еще не видел. Наследственность отца в виде долгих здоровых лет жизни ему не досталось, к радости Сильвестра.

С двоюродными сестрами Сильвестр практически не общался, не приезжал на праздники. Он не хотел говорить с ними с тех пор, как Фрида и Астрид стали тесно общаться с его отцом, восхищаться им.

Парцифаль замер у двери из грецкого ореха, нерешительно постучал. Но он уже проговорился о своих намерениях новой помощнице Иоланде Линдберг, поэтому пути назад не было.

Иоланда часто уговаривала Парцифалья попробовать стать Верховным Чародеем. Но Парцифаль оказался равнодушным к этой мысли. Его волновали лишь звездное небо и то, что с его юной помощницей все будет в порядке. Парцифалю больше не хотелось власти, и он был несказанно этому рад.

«Ты можешь мной гордиться» – так однажды началось его

письмо Винценту.

Дверь Парцифалю открыл Хорст Буш. Он был очень похож на бабушку, особенно ярко-рыжими волосами. Парцифаль вздрогнул, увидев лицо внука, и надломлено улыбнулся.

– Здравствуйте. – Сдержанно сказал Хорст. – Вы что-то хотели?

Вид статного гостя его ничуть не удивил. Такие часто приходили к его отцу по работе, получить совет. Но в строгих чертах его лица что-то Хосту показалось знакомым. Лишь только Парцифаль улыбнулся, хозяин дома понял, что именно.

– Отец говорил, что ты придешь, – сказал Хорст.

Парцифаль ничего не ответил. Хорст молча отошел, пропуская дедушку в дом.

– Я слышал и о твоих заслугах, – сообщил Парцифаль.

Хорст совершенно без злобы улыбнулся. Смотря на дедушку, он понимал еще более ясно, чем прежде, почему многие восхищались им, пусть и зная о темной магии и прошлом. В таких людях было слишком много силы и магнетизма, чтобы устоять, даже если человек тебе отвратителен.

Претензий к дедушке у Хорста не было. Ему не нужно было его внимание, школу магии он закончил местную. Иногда общался с двоюродной тетей Фридой, чисто ради статусной переписки, а остальное его не волновало. Свою принадлежность к роду Адельхейд при этом Хорст не скрывал. Его это

забавляло.

– А я слышал, ты вернулся в Совет, – Хорст провел де-душку на верхний этаж, – тетя Фрида помогла?

– Твоя тетя прекрасный друг, но она тут не причем, – до-статочно мягко ответил Парцифаль.

Парцифаль чувствовал себя чужим в этом доме. Доме, принадлежавшем слепому старику, скрючившемуся в кресле – его сыну.

– Парцифаль Реген, – раздался из глубины комнаты хрип-лый голос.

Там сидел тощий старик, весь исполосованный морщина-ми, но волосы его, медно-рыжие, были сильно тронуты се-диной. Казалось, сто двадцать два тут именно Сильвестру, а Парцифалью только семьдесят восемь.

– Сили, – ласково произнес Парцифаль, точно говорил с восьмилетним мальчишкой. Впрочем, Сили и почувствовал себя таким в его присутствии.

– Ты давно потерял право ласково называть меня, Парци-фаль, – сухо заключил Сильвестр.

– Я знаю.

Парцифаль встал перед сыном на колени и взял его дрожа-щую жилистую руку. Сильвестр не отдернул ее, но напрягся.

– Я присылал письма, сначала. На каникулах не решался приезжать, да и обещал. А потом... потом я решил, что не могу быть тебе нужен.

– Это оправдания. Ты боялся, что я прогоню тебя. А сей-

час... – Сильвестр подавил кашель, – сейчас вдруг пришел.

– Я перестал бояться. Я больше не могу убегать и не должен. – Парцифаль сжал руку сына, – и в тот ужас, что тебе пришлось пережить, я не хотел верить. Я должен был забрать тебя к себе.

– Ты должен был много чего, – Сильвестр с невероятной для своего тела силой сжал руку отца, – не ври мне, что не знал. Ты посылал своего фамильяра проведать меня, я чувствовал твою птицу. Да и мой ворон чуть не вонзил когти в твоего пестрого друга. И ты был на похоронах матушки, стоял в дали. Никто кроме меня не мог увидеть тебя. Тоже мне, скрылся закланием.

Не обращая внимания на боль в руке, Парцифаль встал и дотронулся пальцами до лба сына. Парцифаль пробила дрожь.

– От тебя и от ведьмы Адельхейд не мог родиться кто-то еще. Но моя редкая сила слишком непомерна.

– Даже ши плохо справляются с ней, да и для них такая сила тоже редкость, а ты видишь. Ты видишь больше.

– Я вижу, что было, есть и могло бы быть. Это не та сила, которая должна быть у ведьмака, да даже у ши. Непомерный дар, – Сильвестр истерично улыбнулся потрескавшимися губами, – и он достался мне. В тринадцать я проснулся слепым, как думаешь, каково это, Парцифаль? – выплюнул последнее слово Сили. – Твой старый друг приходил ко мне, просил совета. Я никогда не отвечал. – Сильвестр сдвинул

рыжие брови, – но я жалею, что не дал один. Передай моей бедной племяннице, что я мог помочь, но не стал. Раз уж убрали с родословной его, то и меня должны. И я, признаться, я не лучше тебя, как человек... Но моей доле слишком много всего. Я бегу от кары нести крест за людей. Но я лучше тебя, как отец. Я не бросил сына, даже будучи слепым. Так зачем тебе прощение? – Сили нервно вздохнул, – Я не дам его.

– Мне не нужно твое прощение, – ответил Парцифаль.

– Я знаю, – чуть слышно сказал Сили, – но мне больно.

– Я все равно люблю тебя, мой маленький Сили, – Парцифаль поцеловал сына в исцарапанный морщинами в лоб, – я вернусь на выходных, ты не против?

Сильвестр ничего не ответил. Но он будет ждать, не решившись увидеть, придет отец или нет.

Утро выдалось туманным. Винцент Вальден зашел во двор на краю небольшого городка. Мир погрузился в еле заметную, сладкую тишину. Винцент остановился у двери и постучал. Стук глухим эхом разнесся по сонной улице.

Профессору открыла дверь Линнея Риис. Она только включила радио и поставила чайник.

– Профессор? – Линнея растерялась, – так рано?

– Можно войти? – мягко спросил Винцент.

– Да-да, конечно! Пора пить чай! Я ждала не вас... или вас?

Винцент сел за стол и чуть распустил галстук. Линнея не могла не заметить, как красиво Винцент выглядел. Он постарел, точно вернув назад все свои триста лет. Линнея подумала, что такой возраст очень идет Винценту.

В его темно-карих глазах отразился белый туман за окном.

– Вы могли себя омолодить, но не стали, – заметила Линнея, наливая чай – Все не решалась спросить, почему? Но раз вы так бесцеремонно пришли рано утром...

– Мне не нужно это, – сообщил Винцент, благосклонно улыбнувшись, – мне даже идет. Верно?

Линнея нервно рассмеялась. Винцент рассмеялся в ответ. Его баритон мягко разнесся по кухне, заполняя все пространство: щели, трещины, просветы между вещами. Линнея поняла, что эхо его голоса навсегда будет бродить на кухне, отскакивая от штор, стенок шкафов и посуды.

– Что вы хотели, профессор? – серьезно спросила Линнея.

– Передай кое-что Суви, – грустно улыбнулся Винцент, – выполнишь мою небольшую просьбу?

– Конечно!

Линнея Риис пила чай, спокойно слушая просьбы Винцента. Винцент тоже пил свой чай, в нем были шиповник, иссоп и бузина. Особый чай, который Линнея заваривала своим гостям, выходящим из тумана.

Винцент посмотрел в окно. Окутанная туманом, его ждала молодая прекрасная девушка с коричневыми волосами.

Она с теплотой улыбалась Винценту. И взгляд ее говорил: «я так долго ждала тебя». Винцент выдохнул, коснулся обручального кольца, последние сомнения ушли с появившейся нежностью в ее взгляде.

Перейдя за калитку и взяв Невену за руку, Винцент Вальден растворился в белой дымке.

Глава 19. Там, где калина цветет

Каждый шаг по промерзшей земле отзывался в ней болью. Ученики, выстроившись у стен Академии, смотрели, как на камне цверги несут небольшое тело. Медленно, шаг за шагом, процессия продвигалась.

Юные чародеи никогда не видели хозяйку гор. Анемон давно перестала приглашать к себе на пиры редких ведьм, никто не мог заменить ей полюбившуюся Инну Ортега. Теперь же чародеи провожали ее в последний путь.

Цверги никуда не смотрели, уперев взгляд в пустоту. Лишь тихо, но раскатисто и глубоко, они напевали незнакомые чародеям мотивы. Заиграла музыка с печалью и отчаянием. Цверги шли, не поднимая голов. Их вела земля.

За ними шли директриса Академии Ванда Ланская, приступившая к должности два года назад, ее заместитель Рене Моен, приглашенные Инна Ортега, Суви Адельхейд, Верховная Чародейка Фрида Адельхейд и учителя, среди них оказался Иво Тамме. Иво недавно начал работать учителем в Академии. Анемон нравилась его любовь к камням. Среди

учителей шла и мама Виде, Блумма Бьйорк. Суви покрылась дрожью, встретившись с ней взглядом.

Рядом брел Лютик в белом кафтане. Это был его лучший белый кафтан, Лютик готовил его для похорон Винцента. Но Анемон тоже заслуживала лучших почестей.

На Инне блестели украшения с камнями из личной сокровищницы королевы цвергов. Инна то и дело касалась их, вспоминая громкий голос хозяйки гор.

Суви стало дурно. Она закрывала глаза, не веря, что откроет их не на похоронах Адама. Инна взяла подругу за руку и ободряюще улыбнулась, но вышло тоскливо и беспомощно.

Когда процессия зашла в лес, скрываясь от учеников, к ним присоединились ориады, дриады, ши и Амарант. Суви никогда еще не видела столько ши. Они шли, словно держа огоньки, и шептали древние слова, которые остров не решился переводить. Их голоса сливались с шумом листьев.

Ши точно плыли, слегка касаясь земли. Каждый из них был одет в траурные мантии. Адар находился чуть рядом, искоса смотря на сородичей. Ши были похожи на античные статуи, зачем-то плывущие по земле. Но их золотые глаза горели жизнью вопреки настроению всей процессии.

Когда Анемон несли рядом с деревьями, они кланялись ей, касались могучими листьями ее кожи. Анемон вынесли к пристани. Ши положили свои дары, а цверги драгоценные камни из ее короны.

Фрида встала рядом с хозяином леса. Она видела ни одного хозяина леса, с какими-то даже дружила, но его видела впервые. Амарант был особенным, не таким, как другие лешие. Он всегда отказывался поговорить с Фридой, и теперь она видела его. Амарант повернул голову и взглянул в глаза Верховной Чародейке. Фрида услышала, как бьется сердце острова, почувствовала, как по корням спешит вода, трава прикасается к телу.

Анемон опустили на воду.

– Фрида! – Несколько раз прошептала Ванда. Все было бес толку.

Понимая, что до Фриды не дозваться, Ванда Ланская взяла ее за руку. Через тело Ванды начала циркулировать магия Фриды. Ноги Ванды подкосились от неожиданной мощи, но она устояла. Огнем, забившимся в ее венах, Ванда зажгла свечи.

– Ты осмелела, Ванда, – хищно прошипела Фрида, – давно без проса используешь свою способность на других?

Огонь в свечах зашевелился. Травы рядом с Анемон загорелись, следом загорелся и камень. Огонь плавно перешел на тело Анемон. Ши не отрывали взгляд от королевы гор и без слов читали свои древние заклятия. Когда вода окутала пепел и унесла его с собой, лесные и горные жители начали расходиться. Но чародеи остались на месте.

– Завтра будут отменены занятия, – сообщила профессор Ланская.

– Жаль, профессор Вальден не приехал, – ответил на это Рене Моен, – я никак не могу поверить, что он пропустил это. Что-то случилось, Ванда, – Рене закрыл глаза и его волосы стали такими же, как у Винцента, темно-рыжими, какими он их помнил, – все же хоть так, Анемон заслуживала этого. Она прославилась прекрасной хозяйкой гор. Достоянейшей из цвергов.

– Это очень мило, Рене. – Ванда улыбнулась ему, решив не сообщать, что он, по ее мнению, перепутал цвет.

Первый раз за все тринадцать лет Ванда смогла назвать его не Гаспаром. Ванда рассмеялась этому. Но смех не казался неуместным, наоборот, горы точно ответили ведьме, ответила сама Анемон, и она была рада, что кто-то смеется на ее похоронах.

Пока Инну успокаивал Адар, а остальные были заняты обсуждением случившегося, Суви ушла. Земля вела ее. Суви оказалась у ухоженной могилы, усыпанной астрами. Суви села рядом и положила руку на землю, провела по ней, глядя ее.

Суви закрыла глаза. Крепко, до боли, зажмурила их и наклонилась, вдыхая аромат цветов. Холодный день стал теплым. Ей казалось самым естественным, что рядом раздался родной голос и теплые руки коснулись шеи:

– Суви, – Адам повернул ведьму к себе, заставив открыть глаза.

– Ты? – Суви крепко обняла его. Адам оказался таким теплым, таким настоящим и таким живым, – ты так вырос.

Адами правда вырос. Он выглядел на тридцать, как и Суви. Его черты стали четче и скулы острее. Подобно ши, он напомнил Суви античную статую. Но только живую, не из мрамора, а из плоти.

В его серых пронзительных глазах отражались белые блики.

Суви обдало волной жара. Сердце застучало в груди так близко к горлу, что захотелось кричать.

– Я скучала по тебе, – еле прошептала Суви.

Адам заправил прядь ее рыжих волос за ухо, и Суви потянулась за лаской. Адам с теплотой улыбнулся.

– Я скучал. Я ждал тебя.

– Сколько тебе лет? – сдерживая жар, Суви попыталась ухватиться за реальность.

– Не знаю. Тридцать три года. Или тридцать три тысячи лет. Разве это так важно?

– Н-нет, наверное... – Суви нахмурилась, потрясла головой и все же прижалась к Адаму. Жар захватил ее. Пряный запах полевых трав и сладкий запах астр.

Суви сделала то, что так часто снилось – поцеловала Адама. Адам замер, потом ответил ей. Внутри Суви нарастало нестерпимое, еле сдерживаемое возмущение, резкое и яркое, как полет выпущенной стрелы.

Суви пробила крупная дрожь. Она еще ближе прижалась

к Адаму, впиваясь в его шею пальцами. Его руки казались диким виноградом, затягивающим вглубь мироздания. Суви не сопротивлялась их аромату древнего вина.

Но Суви захотелось вырваться их тисков своих костей и мышц, скрыться. Убежать. Покинуть тело, оставив его где-то там, с Адамом, а всей своей сутью унести прочь. Дрожь увеличивалась и становилась болью. Суви точно знала, что скоро осуществит нестерпимо нужное – покинет тело.

Адам выпустил волчьи клыки, вгрызаясь в губы ведьмы. А потом остановился. С трудом он отстранил от себя Суви. Ведьма выглядела потерянной и разбитой, тепло резко ушло из мира.

– Нет. – Твердо сказал Адам. Серые глаза сильнее отличали белым.

– Я нужна тебе, а ты мне, – собирая мысли в кучу, напомнила Суви. – Я так скучаю по тебе, я... я так хочу обнять тебя, прижаться, и больше ничего не чувствовать. И пускай весь мир разрывается вокруг, пускай! – Суви трясло. Из ее глаз медленно текли слезы. – Мне будет все равно, Адам. Потому что за пределами твоих объятий начнется мир, к которому я не готова. Такой жестокий мир. Я не смогла тебя заменить. Не смогла. И, черт, даже не пыталась! Посмотри на меня, – Суви в упор посмотрела в его бездонные глаза. Сердце замерло. – Посмотри и скажи, что все это имело хоть какой-то смысл!

Адам печально улыбнулся.

– Туле будет вечно. Пока остров есть, буду я. Хозяин Леса не хотел принимать меня, а теперь я навечно часть Туле. – Адам усмехнулся. – А тебя ждут великие дела и Холли.

– Холли? – озадачилась Суви. Она пыталась вспомнить, что значит это слово и почему оно кажется таким родным. Но безуспешно.

– Твоя дочь, – с улыбкой напомнил Адам, – Холли Адельхейд.

Что-то взорвалось вокруг Суви. Она услышала детский плач и крик. Тело ответило ноющей тяжестью внизу живота.

– О боже! – Суви согнулась, надрывно заплакав.

Адам спокойно смотрел, как она плачет. Когда Суви успокоилась, он сказал:

– Извини меня, я не должен был приходить, но не мог устоять. Я так и не смог разлюбить, мы этого не можем. Мы лишь чувствуем сильнее.

– Но ты настоящий, а я не медиум и...

– Если похоронить в зачарованном месте, то такое может случиться, – глаза Адама засверкали, как монетки из белого золота. – Я часть острова... его дух.

– Мне жаль, – Суви хотела дотронуться до его руки, но не стала. Боясь ощутить все тот же жар.

– Ты больше не колдуешь свои чудесные цветы, – с горечью заметил Адам.

– Я не могу. Я закончила дело матери и отказалась от да-

ра. – Твердо ответила Суви. – Я больше не умею колдовать цветы и...

– Или боишься? – перебил дух острова. – Пообещай мне, дорогая Суви, никогда не переставать создавать цветы. Ты есть в каждом из них, а они в тебе. «Они напоминают в стужу и мороз, о том, что лето было на земле». – Мягко улыбнулся Адам.

Суви, тяжело вдохнув, все же коснулась его руки. Такой прохладной и одновременно теплой. Лишь слегка поколело на кончиках пальцев. Видя его белые глаза, Суви, наконец, решилась.

– Я отпускаю тебя, Адам Хьюз, но все равно буду помнить, – улыбаясь, пообещала Суви.

Адам мягко поцеловал ее в уголок губ. Суви последний раз обдало запахом астр.

Суви тут же оказалась в объятиях Фриды. Над ними стоял испуганный Иво. Змея Фриды и крыса Иво испуганно бегали вокруг них. Суви перевела взгляд на могилу. «Адам Коннелл Хьюз. 18 февраля 1992 – 23 апреля 2010» и прикоснулась к ней. Только тогда она заметила лианы дикого винограда, обвившего ее тело. Он дотронулась рукой до губ, ощущая пальцами кровь из небольших ранок.

– Амарант сказал, что ты вот-вот умрешь, мы тут же прибежали, – забормотал Иво, не в силах пошевелиться.

Фрида никак не могла найти слова, прижимая к себе племянницу. Она сама напоминала холодный труп. Одарив лоб

Суви сотней поцелуев, Фрида отпустила племянницу из объятий.

– Как там Холли? – спросила Суви, – она беспокоится.

Фрида и Иво переглянулись, но решили не задавать вопросов.

Перед отъездом Суви без всякой магии посадила у могилы Адама чудесные фиалки. Они никогда не перестанут расти.

Корабль ждал ведьм. Суви и Инна шли впереди вместе с Иво. Иво и Инна делились своими историями о Анемон, Иво даже обещал отправить Инне немного редких камней для зелий, а Суви молча слушала их. Она думала, что будет ревновать, смотря, как отец и Инна весело беседуют так, как никогда не могли они даже в тех письмах, что присылали друг другу. Но в ее душе удивительно рождалось безразличие.

Однако Суви заметила, что никогда так много не слышала голос отца даже на Рождество, которое он изрядно праздновал с семьей Адельхейд. И никогда не могла заметить, как увлекательна его речь.

Пусть Иво Тамме и не оказался лучшим отцом, но дедушка из него вышел прекрасный. На каникулах он всегда старался увидеть внучку, не слишком баловал ее и трепетно заботился.

Фрида и Рене шли сзади них. Фрида то и дело взволнованно поглядывала на Суви. А Рене на Фриду. Фрида чув-

ствовала это так отчетливо, что ее щеки стали розовыми.

– Никогда не думала, что мне будет пятьдесят, – разрушила их молчание Фрида, – и что тебе тоже.

– Я здесь уже двадцать лет, – глаза Рене блеснули золотым цветом, как у ши, – так что то, что мне... сколько ты говоришь? Нет, я не уверен, что мне, и правда, пятьдесят. Я остановился где-то на четыреста пятом году, не пойми превратно...

Фрида рассмеялась и мягко коснулась его руки. Воспоминания все более явно сплетались с реальностью, задерживаясь где-то на периферии сознания. Фрида поняла, что не хочет останавливаться.

Все эти годы они часто переписывались, и все больше Фрида думала об одном. Она сожалела.

– Мне жаль, что мы... что все так вышло...

– Мы выбрали разный путь, – Рене отвернулся, чуть покрывшись краской. Его волосы стали красными, и Фрида рассмеялась.

– Помнишь, что мы хотели пожениться?

От смущения у Рене стали красными даже глаза.

– Нам тогда не исполнилось и двадцати пяти, знаешь... но все еще, спустя столько лет, никак не могу разлюбить тебя. И как ни пытался, не мог полюбить другую. Даже когда был женат. Я любил ее, правда, но не так... Ты и сама это знаешь, Фрида.

– Знаю. – Серьезно сообщила Фрида. – Я жалею, что бро-

сила тебя. Я жалею, что не сделала ничего раньше. Я никогда не пойму, почему ты так предан нашей любви столько лет... но Рене Моен, ты станешь моим мужем?

Лишь по инерции ноги Рене двигались вперед. Шум листьев затих. Рене казался себе не пятидесятилетним, а все тем же юным парнем, имевшим безумные планы на жизнь.

Ближе к порту волосы Рене снова стали черными, а глаза светло-голубыми. Он остановил Фриду, притянул к себе, уткнувшись носом в ее волосы, вдохнул горький запах помегранца с медовой сладостью.

– Слишком много лет назад я уже говорил тебе подобное, и ты ответила «да». Думаю, настало время для безумных поступков: я согласен, Фрида Адельхейд, – чуть слышно сообщил Рене.

К острову неся филин Парцифалья, рассказать о новой трагичной смерти. Весь волшебный мир ожидал долгий траур.

Суви и Фрида прибыли к Эдварду и Матильде в растерянном расположении духа. Мир бушевал. Ветер стремился снести все вокруг и казался самым холодным в мире. Но Суви не замечала этого. Все ее мысли были направлены на человека, которого она когда-то уважала, потом презирала, потом приняла и даже привязалась. И теперь эта привязанность отвергала новую смерть.

– Ты знала, кто нам профессор Вальден? – спросила Суви,

заходя в дом.

Суви долгие годы не решалась заговорить об этом с тетями, но теперь уходить от разговора не осталось смысла. Ей нужно было о нем поговорить.

– О чем ты? – лениво спросила Фрида.

– Мама! – Холли кинулась к Суви.

Суви крепко обняла дочь, уткнувшись в ее темно-рыжие волосы. В первый раз после встречи с Адамом она ощутила покой.

Втроем они зашли в гостиную, где их ждали Эди и Матильда. У Эди появилось еще больше солнечных морщин. А Тильда будто и не изменилась вовсе.

А еще рядом с ними сидел двенадцатилетний мальчик со строгим взглядом, серыми глазами и светло-рыжими волосами. Он улыбнулся Суви, и ей показалось, что веснушек на его щеках стало больше.

Эдвард ласково погладил сына по голове. Ивар Адельхейд рассмеялся.

– Мы с Холли тебе рисовали подарки, – гордо сообщил Ивар, – ты посмотришь?

– Обязательно, – серьезно ответила Суви.

Ивар родился недоношенным, и лучшие лекари пытались ему помочь. Смотря на этого крепкого, активного и любознательного мальчишку, нельзя было поверить, что свой путь он начал болезненным и слабым.

Суви не возвращалась к разговору про Винцента до вече-

ра. Фрида объявила Тильде печальные новости, и тогда Суви заговорила:

– Мы будем распоряжаться похоронами профессора Вальдена, – сообщила Суви, сдерживая нарастающий от мыслей ком в горле. Никто не удивился ее словам, – вы, и правда, не хотите узнать, почему не профессор Реген?

– Кончено, – согласилась Матильда, – мы думали, Винцент так и не рассказал тебе...

– Вы знали? Знали, но молчали? – Суви сжала кулаки и покраснела.

– Как и ты нам, – мягко напомнила Фрида.

Суви кротко кивнула и уперла взгляд в пол.

– Винцент Вальден рассказал мне об этом, когда умер Адам, – Суви произнесла это на удивление спокойно, – Я не могла найти силы заговорить об этом... Однажды он написал, что больше не будет уходить от смерти, но, когда я захочу поговорить с ним, я успею. Он ждал. Когда родилась Холли, я нашла его... – Суви замолчала, собираясь с силами, – он начал часто приходить, играть с Холли. И мы много говорили, переписывались. Я никак не могла сказать, что простила его, все продолжала делать вид, что злюсь... а он смотрел своими пронзительными глазами, читал меня. Он все знал, ждал пока я задам вопросы... а я не решалась задать.

Суви замолчала, и комната погрузилась в тишину. Тильда и Фрида переглянулись. Они согласились молчать, когда

Винцент просил ни о чем не говорить малышке. Он хотел, чтобы Суви чувствовала себя в Академии спокойнее.

– Хочешь, чтобы мы вернули его имя в древо? – настороженно спросила Тильда.

Руки Суви задрожали. Эди крепко обнял племянницу, Суви уткнулась лицом в его плечо, набираясь сил.

Тильда сказала:

– Нужно было сделать это при его жизни. Винцент Вальден не был идеальным, и многие его поступки сомнительны, но он достоин быть принятым обратно. Все эти века он оставался рядом с родом, старался помочь и молчал. В память о Розе.

– Прости, что не говорили раньше, – сказал Эди. – Я говорил им, что эта глупая затея, этот ваш Винцент так погряз в тайнах, что создавал их на пустом месте.

Молча Адельхейд поднялись на чердак. Матильда щелкнула пальцами, и на стене появился огромный гобелен, вышитый нитями, дарованными ши. Портреты на нем шевелились, как и узоры. Его можно было двигать, смотреть пришитые рода и изучать каждого.

Суви замерла, увидев под именами Хёнда и Циннии молодого парня, который умер, совсем не дожив до двадцати. Хилюр Адельхейд смотрел болотными глазами на нее сквозь время. Суви показалось, будто он был жив, будто он знал, какая судьба настигла его, и какая сила объединяла его и Суви. Он знал.

Суви остановилась взглядом на Зузанне Адельхейд. Рядом с ней горело много выжженных точек, но главная, самая черная с датой тысяча шестьсот семьдесят второй год шла к одному из ее детей. Суви коснулась этого пятна. Оно было холодным и безжизненным.

– Винцент скрывал свое происхождение. Многие до сих пор верят, что он воспитан ши, и даже наполовину их сын. На самом деле Винцент, по рождению Адельхейд, родился у ведьмы по имени Зузанне. Так же у нее родилась долгожданная дочь Лили.

– Зузанне сделала так, чтобы все думали, что у Лили родилась Роза, продолжившая род Адельхейд. А ее сын, чье имя уничтожено, не оставил потомков. Но это было не так...

– Закончила за нее Матильда.

Фрида продолжила:

– Всю жизнь Винцент Вальден боялся, что, узнав, мы – все Адельхейд, осудим его и опорочим память Лили. До тебя, последний, кому Винцент рассказал правду, был дедушка Флориан, тетя Георгина и мама поняли все сами из его разговоров. Ну а мы выпытали все у мамы. – Фрида тепло улыбнулась.

– Но он ошибся, – выдохнула Тильда, – никто его не осуждал. Не думаю, что за все триста лет нашелся кто-либо, кроме Зузанне, кто осудил бы его.

В глазах Суви блестели слезы. Она крепко держала дочь за руку, представляя на месте Розы и Винцента себя и Холли.

– Я хочу вернуть его на гобелен. – Строго сказала Суви.

Фрида призвала Люпина. Домовой, одетый в белый кафтан, удивленно взглянул на ведьму, перевел взгляд на гобелен и побледнел. Его взгляд метался от одной выжженной точки к другой. С того дня, как матушка привела его в семью Адельхейд, Люпин помнил каждого чародея и скорбел обо всех. И молчал об их тайнах.

А потом Люпин понял, что происходит, и легкая улыбка тронула его морщинистое лицо.

Все члены рода Адельхейд взялись за руки. Маленькая Холли весело запрыгала, сжимая руку Суви, А Ивар, стоявший между Суви и мамой, гордо выпрямился. Фрида вышла вперед. Еще юной она была счастлива узнать, что в их роду есть еще один восхитительный чародей, но никогда не думала, что наступит этот момент.

Фрида положила руку на гобелен. Линии, соединяющие портреты, засветились. Фрида закрыла глаза. Ей нужно было лишь только очень сильно захотеть и попросить. Всем сердцем, всей душой.

Фрида шептала имена предков и умерших близких. Голос дрожал на именах родителей и сестры.

Матильда, Суви, Холли и Ивар ощутили покалывание в руках и теплоту. Эдвард, державший Холли за руку, вздрогнул, магия прошла сквозь него. Он узнал ее восторг и власть, ее пленительную сладость. Но Эдвард не расстроился от того, что потерял. Ведь главного, своей любви, он не

терял никогда.

Гобелен задрожал. Переплетаясь, линии меняли свое положение. Фрида, поддерживаемая силами Тильды и Суви, захотела так сильно, что начал затягиваться и обретать прежние черты не только портрет Винцента, но и портреты всех других, стертых с лица гобелена.

Холли со смехом наблюдала за происходящим, а Ивар с трудом дышал от восторга. Вдруг у них засветились руки теплым, серебристым свечением. Такими же стали руки Тильды, Суви и даже Хорста и Сильвестра. У всех далеких родственников руки покрылись искрами.

Линия Розы оторвалась от Лили и встала рядом с портретами Винцента и появившейся на гобелене Невены. Внизу высветились имя и даты жизни. Винцент счастливый улыбался им. Теперь он был рядом с Розой и Невеной, и бежать уже не хотелось.

Хотя Винцент ушел, Суви казалось, что он стоит рядом. Весь величественный, переполненный магией и уставший. Всю жизнь бежавший за знаниями, бежавший к себе и от смерти, он принял ее, как друг. И духи приняли его как равного себе.

– Добро пожаловать домой, – сказала Адалина, приветствуя своего потомка с гордостью в глазах.

Ведьмы не могли видеть призраков, но чувствовали, как они становятся рядом. Те, кто был до Адалины и те, кто был после. Суви была уверена, что это покалывание на руке от

маминых пальцев. Она тихо прошептала, не сдерживая слез:

– Ты пришла ко мне, мама.

Люпин неустанно заливал слезами белый кафтан. Его уши подрагивали над рыжей копной.

– Я б-был еще подростком... я п-просил ее не д-делать, я всегда д-держал его п-потрет в ч-часах, чтобы за у... ужинами он был с нами, В-винни так любил рябиновое варенье... – еле слышалось за всхлипами.

Холли кинулась к домовому и крепко обняла его. Люпин уткнулся в плечо Холли, продолжая бормотать сквозь слезы. Ивар последовал ее примеру.

Остальные остались стоять, наблюдая за появляющимися именами. Иногда их охватывал ужас от того, кто был в их роду, иногда они не понимали, за что человек был лишен своего места.

Вечером Суви уложила дочь спать. Холли лежала на бывшей кровати Суви, мечтательно смотря на украшенный звездами потолок.

– Значит, дедушка Винцент больше не придет? – с грустью спросила Холли.

– Нет, милая, но он всегда рядом, – Суви растрепала волосы дочери и печально улыбнулась.

– А ты приедешь?

– Кончено, Холли, я обязательно вернусь, – Суви поцеловала Холли в лоб, – в каждой цветке я буду возвращаться, пока не вернусь сама. А теперь закрывай глаза.

Холли поворчала что-то во сне и заснула. Суви укрыла ее одеялом, отложив «Сказани про драконов для юных чароде-ев» Хлои Даль и зажгла звезды под потолком. Холли сладко спала.

Суви закрыла дверь и зашла к Фриде. Ее всегда светлая комната наполнилась полумраком.

– Ты все решила? – Фрида выглядела озадаченной.

– Да, я хочу этого! – твердо заявила Суви.

Фрида ободряюще улыбнулась племяннице и обняла ее. Теперь она боялась отпускать Суви, будто той было шесть лет, а не тридцать. Но раз ей так хотелось, Фрида решила не мешать.

– Будь осторожнее, дорогая. Возьмешь с собой Холли?

– Пока не закончиться лето, потом отвезу ее к отцу в Девоншир. – Иногда Суви думала, что случилось бы, останься она с Гленном Торндайком, но эти мысли казались чем-то неправильным, пусть он и был хорошим, и даже замечательным, но он, как и все, казался слишком непохожим на Адама, – Холли поучиться в местной школе год, потом приеду и заберу ее. Пойми, тетя, я должна найти себя. Так же, как Винцент.

– Я понимаю, – Фрида снова обняла Суви.

Суви подумала о Гленне и Адаме, и о других мужчинах, которые были, пусть и не долго, в ее жизни. Но вдруг она осознала, что больше не хочет искать в других черты Адама. Пришло время распустись и новым цветам.

Осталось сообщить Тильде и Эди.

Эди учил Матильду готовить ее любимый тыквенный пирог с лепестками тимьяна. Они смеялись, о чем-то шутя, и бросали друг на друга нежные взгляды. Суви прижалась к стене и мечтательно улыбнулась.

– Хочу так же, – прошептала Суви.

Скоро придется ехать на похороны, потом долго прощаться с дочерью и идти в путь. Смотря на освещенных теплым светом Тильду и Эди, Суви окончательно поняла, что должна это сделать. Дорога звала ее.

Перед отъездом Суви оставалось сделать еще одно дело. Долгие годы она откладывала поход к могиле метрии и вот, наконец-то, собралась с силами.

На кладбище стоял величественный склеп, уютно спрятавшийся под сенью огромной пихты. Склеп и цветы вокруг него были ухожены, так как Люпин каждый день заботился о состоянии склепа семьи Адельхейд.

Суви была здесь лишь один раз, когда Астрид хоронили. Она шла, ведомая под руку Прией, не чувствуя ног. Силы покидали ее с каждым новым шагом.

Внутри склеп был намного больше, чем снаружи. Внутри он напоминал целый дом, с искусно украшенными комнатами и коридорами, где поились члены великого рода. В одной из основных частей, где, по поверьям, хранился и прах самой Адалины, были ее дочь Нельке и пока единственный

простой человек во всем склепе – советник по допросу свидетелей Лоренц Форст. Там вечно горели свечи.

Рядом с Розой и Лили Адельхейд поместят и Винцента, когда его тело прибудет для похорон.

Суви остановилась у ближайшей комнаты, там были Верховный Чародей Флориан, его жена Туоми и их дочь Тереза с мужем. Там была похоронена даже сестра Весы, Киело. Илари было десять лет, когда он потерял свою мать. Рядом было и место для Георгины, Хорста, Сильвестра и Кроссандры, покойной жены провидца, куда их могилы перенесут после смерти Сили. Тут же будет похоронен и Парцифаль.

Суви долго стояла, думая об их судьбах. Тяжело вздохнув, она направилась дальше. В соседней комнате, пока в полном одиночестве, покоилась Астрид Адельхейд.

У могилы Астрид сидел мужчина. Он развернулся и отрезанно посмотрел на Суви. Его лицо было покрыто мириадами морщин, но оставалось все таким же красивым, сотканным из самых потусторонних тайн. Его лицо было мягким, но все еще сильным. Его голубые глаза были холодны и пронзительны, но за мерным отблеском будущей луны скрывалась печаль. Суви видела, как в его голове несутся мысли, собираясь в тяжелую правду. Тогда взгляд его стал теплым.

Он убрал пряди черных волос, тронутых сединой, от лица и улыбнулся.

– Рад снова видеть тебя, Суви.

Суви узнала его. Илари минуло за пятьдесят. Суви вдруг

показалось, что она провела с Илари всю жизнь. Яркую, смешную и полную приключений, в тайне от горя и забот. Жизнь, которую он избрал, убегая от прошлого.

– Вы раньше избегали встречи со мной, – напомнила Суви.

Илари покраснел под напором ее строгого взгляда.

– Когда я начал помогать твоей маме, я отдалился от остальных Адельхейд, а после ее смерти и вовсе... нет, я писал иногда письма, все такое, – Илари грустно улыбнулся, – я оправдывал себя тем, что связан чарами. Но не было условия не быть рядом с людьми, которые приняли меня и стали мне домом, когда мои родственники отвернулись от меня. Я был связан чувством вины.

Суви села рядом и взяла его за руку. Теплые пальцы оборотня ласково сжали ее руку. Суви хотела сказать так много. Но слушая горькие речи Илари, смотря в его глаза, Суви ощущала лишь желание обнять.

– Спасибо, что были рядом с мамой.

Илари наклонился и осторожно поцеловал Суви в лоб. Суви вспомнила себя в пять лет. Из тех времен, которые она старалась не вспоминать. Это был летний вечер, она гуляла в парке с мамой и каким-то мужчиной с длинными черными волосами, и он так же наклонился к ней и поцеловал в лоб. И улыбнулся так, словно владел самой сокровенной тайной.

Илари Койвисто рассказал ей, что встретил прекрасную девушку, ставшую его женой. Что они счастливо живут в

Финляндии и растят дочь Орвокки. Но жизнь Илари омрачало лишь давяще чувство вины, обида за жизнь родного человека, которую он не смог спасти, не смог пойти наперекор ее разрушающей силе.

Суви слушала голос Илари, и ей казалось, что мама сидит рядом с ними.

– Она была моим самым близким другом. Астрид часто злило, что Тереза любит меня, чужого мальчика-оборотня больше, чем родную дочь. Я не знал, было ли это так, но всеми силами старался убедить, что я люблю ее. Что у нее есть я – ее брат. Астрид была бойкой и смелой, она верила в справедливость и честь, она стремилась к ним. Но зависть, едкая, жгучая зависть всегда губили ее. Астрид безуспешно пыталась опередить сестер: пошла стрелять вслед за Тильдой, вышла замуж за чистокровного, родила дочь... – Илари осекся. – И пыталась достигнуть большего, чем могли сестры. И все ради одобрения той, которой было все равно.

– Я знаю это о ней, – мягко сказала Суви, – и что она увлекалась темной магией.

– Он хотела доказать, что можно использовать темную магию и быть добрым, хорошим человеком, сделать великое. Что она может это...

Суви наклонила голову, тяжело вздохнув. Они сидели так часами, говоря об Астрид. Перед тем, как Илари ушел, оставив Суви, она сказала ему:

– Приходите к нам вечером, вам не за что себя винить.

Тети будут очень рады снова видеть вас.

– Я приду, – поджал губы Илари и рассмеялся, его смех, такой неуместный в склепе, но такой теплый, заполнил душу Суви. – Я обязательно приду.

Суви еще долго сидела рядом с могилой Астрид. Она говорила с ней, рассказывая обо всем, что пропустила в ее жизни мама. Она рассказывала о радостях и боли. И надрывно плакала, как тогда, в день похорон.

Она думала о том, какой была бы жизнь, будь мама жива, будь мама рядом. И эти мысли больше не отзывались болью.

– Ты никогда не боялась подвести наш род, – прошептала Суви, – а я так хотела стать достойной, стать сильнее.

– Ты всегда такой была, дорогая Суви, – послышалось в шуме за окном, маминым голосом.

Суви долго еще сидела так, не желая больше уходить.

Вернувшись домой, Суви зашла в комнату дочери. Холли уже собрала вещи и сидела ровно на чемодане, точно кукла. Суви нежно обняла ее.

– Я буду самой лучшей мамой, обещаю, – прошептала Суви.

– Ты и так самая лучшая, – улыбнулась Холли.

Суви засмеялась и растрепала рыжую копну ее волос.

– Вечером у нас будет гость, а пока, поищем троллей в саду?

Илари остановился у порога. Как же давно, как нестер-

пимо давно он не стоял здесь. Дрожащими пальцами Илари коснулся стен, пропитанных магией. Вдохнув и выдохнув двести раз, он позвонил в дверь.

Тильда открыла дверь и замерла. Илари смущенно улыбнулся ей и помахал рукой.

– Я... я знаю, ты не очень рада, но...

Илари замолчал, когда Тильда резко обняла его.

– Добро пожаловать домой, – прошептала она, пока слеза катилась по ее щеке.

Глава 20. Листок дубовый, ржаво-медный

1690 год.

Зузанне Адельхейд нашла своего сына в домашние библиотеке. Винцент, которому только исполнилось восемнадцать, сидел на полу, сгорбившись над книгами. Он жадно впивался взглядом в каждую строчку. И так хотел слиться с буквами, что касался их тонкими пальцами. Его рыжие длинные волосы были неряшливо завязаны в хвостик. Да и сам он был одет неряшливо, точно одевался в спешке, забыв зажечь лампу.

Вокруг Винцента горели огоньки, освещая ему заветные страницы.

– Ты слишком много учишься, – напомнила Зузанне.

Винцент даже не посмотрел на нее. Слова матери он находил абсурдными: разве можно учиться слишком много? Это вырвалось на его лице усмешкой.

– Я серьезно с тобой разговариваю, Винцент! Ты ничем не лучше своего отца! Так и знала, что за человека с именем Мекон выходить точно не стоит! – Зузанне направилась на сына. Она взяла первую попавшуюся книгу и замахнулась ей. Винцент наконец посмотрел на мать и дернулся.

– Учителя не жалуются на меня. В чем ваша жалоба, матушка? – Вежливо спросил Винцент, подавшись вперед, точно желая поклониться. Глаза его беспокойно бегали по лицу и рукам матери.

– Изволь заметить, наше поместье бедствует! После смерти твоего глупого отца нам остается только просить помощи у других! А ты что и делаешь, то учишься! Занялся бы, право, лучше делом, кому есть прок от твоих книг, если ты только и сидишь в библиотеке!

– Вы хотите все оставить на Лили. – Вдруг Винцент сказал то, о чем хотел бы промолчать. – Но я родился на десять минут раньше, вы боитесь, что домовой не послушает вашей воли и выберет меня. Меня, которому вы даже не дали нашу фамилию. Верно, матушка? Может, вы решительно боитесь, что из Лили так ничего не выйдет, а я, с фамилией, доставшейся мне от нянечки, прославлю наш род?

Лицо Зузанне сначала побагровело, а потом сделалось красным. Она моментально вытянула руку, бросив на пол книгу. Винцент было кинулся ее поднять, но его голову наполнил шум. Глаза накрыла белая пелена. Все, что он мог чувствовать – боль, левой растекающаяся внутри черепа.

Когда боль ушла, Винцент ощутил гулкую, липкую пустоту.

– Когда Лили, наконец, родит от своего мужа ребенка, я отправлю тебя куда подальше и сожгу все твои книги! Если отвергнет нового жениха, я насильно ее выдам, малость побесится и приживется.

Лили сидела на старой кровати Винцента, вдыхая ее плесневелый запах. От этого у нее кружилась голова, но лучше бы она спала здесь, а не на своей мягкой перине, если Винцент терпит такое.

– Не уезжай, прошу, – который раз повторяла Лили.

– Ох, моя дорогая Лили, – Винцент оторвался от сбора вещей и мягко приобнял сестру за плечи. Он смотрел в ее такие же темно-карие глаза, рассматривал светло-рыжие волосы, – Я задыхаюсь здесь, ты ведь видишь. Решительно чахну, как самый маленький, жалкий цветок в тени огромных терновых кустов. Мне свет нужен, душа моя, пойми меня!

– Что же ты будешь делать?

– Изучу страны, манускрипты и речи шаманов, впитаю первородные знания и найду затерянные книги. – Глаза Винцента горели жадным, испепеляющим огнем.

– Но зачем они тебе?

– Прощу, Лили, поддержи хоть ты меня!

Лили кивнула и уперла взгляд в пол. Она поджала тонкие губы и выдохнула. Ей было восемнадцать лет. Многие ее

подруги были давно замужем, но Лили отвергала всех. Она так хотела, чтобы ее жених своим умом, отвагой и благородством понравился Винценту. Ведь только ему она могла доверять.

От мысли, что Винцента не будет рядом долгие годы. Лили становилось дурно. Быть может, она больше не увидит его. Из какой-нибудь далекой страны, за мглистыми горами и черными лесами, привезут его холодное тело. Лили вздрогнула.

– Ты будешь мне писать?

– Конечно, – Винцент заботливо поцеловал Лили в макушку и улыбнулся, – Обещай принять любой выбор матушки, ладно?

– Если ты так хочешь.

Винцент подошел к двери. Несколько раз дернул ручку. Ничего не произошло.

– Отопри дверь! – Приказал Винцент.

– Можешь кричать сколько угодно, я не могу тебя отпустить. – Вдруг Лили спрыгнула с кровати и захлопала в ладоши, – Возьми меня с собой, братец Винцент, будет весело. Ты будешь читать свои книги, а я... тоже их прочту или еще чем займусь. Забота матушки губит меня, она и шагу ступить мне не дает. Только твоя комната, где можно накладывать чары, дает мне право свободно говорить!

– Я знаю, но так надо. Ты не можешь уйти. Матушка пойдет за тобой... Тебе нужно выйти замуж.

Лили кинулась к Винценту.

– Да к черту их, Винни! Не оставляй меня здесь!

В взгляде Лили горела решительность. На ее шее, под рыжими волосами появилась маленькая ящерка, блестя белыми глазами. Она повела руками, обдумывая чары.

Винцент мягко улыбнулся и дотронулся до виска Лили. Лили ощутила легкое покалывание. Ее голова закружилась, тяжелые веки закрылись.

Винцент поймал сестру и аккуратно положил на кровать, снял с шеи мгновенно уснувшую ящерку и так же аккуратно положил ее на подушку.

– Мы еще увидимся, Лили.

1722 год.

С каждым годом писем от Винцента становилось все меньше, пока и вовсе он не перестал отвечать Лили. Лили продолжала писать еще очень долго, но последнее письмо от нее было шесть месяцев назад. Несколько писем от матери Винцент даже не стал читать – просто сжег.

Сейчас Винценту, как никогда раньше, хватало Лили. Она бы обняла его и подобрала самые нужные слова. И Лили бы обиделась на брата, за то, что тот скрыл от нее свадьбу и ожидание ребенка.

Может, Лили дала бы совет, как быть дальше?

Винцент не знал, что ему теперь делать.

С утра далекий сербский городок, скрытый от многих лю-

дей, орошал дождь. Он нещадно лил, стремясь затопить все вокруг. Винцент хотел бы пойти ко дну вместе с этими каплями.

В люльке у окна спала новорождённая девочка, которую Винцент назвал Розой. Она больше не плакала и мирно спала, еще не зная, что на кровати сидит, сторбившись, ее отец, сжимая еще теплую руку ее матери.

Невена Вальден, лучезарная молодая девушка из глубинки Сербии. Бойкая, чистая кровью, готовая покорять этот мир, впитывать его без остатка. Как она не могла не покорить Винцента?

Винценту было уже пятьдесят. Его рыжие волосы еще не тронула седина, но лицо исполосовали морщины. Он был старше Невены на двадцать лет. Но он знал, что она любит его: за его ум, за его магию. То, в каком роду Винцент родился, Невена не знала. А если бы знала, это не значило бы ничего.

Винцент любил ее. Ее улыбку, шрамы, граничащую на грани дерзости честность. Винцент никогда не любил до этого, и не сможет полюбить вновь. Его разбитое сердце заживет, но больше не сможет болеть от невыносимой тоски любви.

Ахон сидел на окне, вздыхая. Он чувствовал тоску ведьмака каждым перышком, но и скучал по филину Невены, с которым любил летать под просторными небесами Сербии.

Винцент погладил жену по каштановым волосам, аккурат-

но уложенным на плечи. Ему сейчас было все равно, как жить дальше, он даже не знал, как пережить похороны.

Винцент подошел к Розе. Он аккуратно взял ее на руки и прижал к себе. Одно Винцент знал точно – в Сербии он оставаться больше не мог. Здесь все цветы дышат ей одной, здесь все лица видели ее глаза, здесь все ветра приносят ее имя.

С малышкой на руках Винцент прибыл в родной Майнинген. Город приветствовал его солнцем. На улицах было нестерпимо пусто. Воспоминаний о детстве то и дело одолевали Винцента. Он ближе прижал к себе дочь.

Винцент и Роза остановились в небольшом, забытом богом постоялом дворе. Пока малышка спала, Винцент садился за стол и писал Лили письмо, с просьбой о встрече. Вот только нужные слова никак не приходили. Вокруг полуразвалившегося стола валялись обрывки бумаги, скомканные черновики.

Каждый шаг по родному имени отдавался в сердце Винцента нестерпимой болью. Так и не сумев написать письмо, Винцент шел поговорить с сестрой лично, надеясь, что нужные слова придут сами и тогда она, может быть, сможет его простить.

У дверей Винцент встретил ту, кого видеть совсем не хотел – Зузанне Адельхейд. Она, пусть и постарела, была все той же. Только когда-то рыжие волосы стали белее снега.

– Посмотрите, кто явился. – Во взгляде Зузанне горел огонь.

– Матушка, мне нужно поговорить с Лили, – спокойно сказал Винцент.

– Тридцать лет прошло с того дня, как ты сбежал! Первые годы бедная Лили места себе не находила! Ты бросил нас, Винцент!

– Мне нужно поговорить с Лили, – повторил Винцент.

Зузанне сжала кулаки, желая впиться в шею сына. Винцент сделала шаг назад. Зузанне вдруг улыбнулась. От ее улыбки холод прошелся по спине Винцента.

– Хочешь увидеть ее? Пошли...

Там, где кончалась липовая аллея, стоял старый семейный склеп, принадлежавший еще Форстам. Сердце Винцента сжалось в груди. На ватных ногах он шел за Зузанне. Точно сквозь воду, Винцент слушал ее.

– Как ты сбежал, бросил нас, я нашла Лили отличного мужа. Я так и думала, что из-за твоего дурного присутствия, бедная Лили никак не может построить своего счастья... только отчего она так страдал все тридцать лет не пойму, все спрашивала, присылал ли ты весточку. – Зузанне неодобрительно покачала головой, – дурно ты на нее повлиял, Винцент. Только вот детей, моя милая Лили, так и не родила.

В шелесте листьев лип раздавался теплый смех Лили. Винцент вспоминал, как беззаботно в детстве они бегали по этим аллеям. И осенью их волосы сливались с опавшей лист-

вой.

Зузанне и Винцент остановились у склепа.

– Вот там сестра твоя лежит.

Не чувствуя под ногами землю, Винцент упал на колени.

Зузанне вошла в склеп и Винцент, ведомый чужой силой, пошел вслед за ней. Одинокий свет попадал в склеп через окно. Винцент хорошо видел свежие буквы «Лили Адельхейд», выведенные самим временем на мраморной доске.

– Лили. – Еле слышно сорвалось с губ Винцента.

Казалось, после потери Невены, Винцента уже невозможно ударить больнее. Но жизнь быстро показала, какие грани ада есть в сердце Винцента.

Взгляд Зузанне напоминал взгляд хищной птицы, пикирующей на добычу.

– Кто ты такой, чтобы таким тоном произносит ее имя?

– Брат. – Раздалось гулким эхом.

– Брат? Тогда слушай, братец. Ты не просто бросил нас, оставив одних в долгах и вынудив Лили выйти за богатого, но нелюбимого и не способного дать потомство чародея, ты и жизни нас лишил. Душа и тело Лили покинули этот мир, и моя душа оставила тело, способное теперь лишь грузом ходить по земле. – Зузанне обвела руками склеп. – Ты видишь, что тут не одна свежая надпись? Лили, ее муж, семь его дядей, их жены и их дети покоятся теперь здесь. Я одна осталась во всем мире – Адельхейд, нет больше нашего рода! И все потому, что ты не смог просто ответить на письма своих

сестры и мамы! – Зузанне сладко упивалась бледным цветом лица сына. – Да, я писала тебе. Говорила, что твоя сестра умирает от огня виверны. Жуткое заболевание, верно? Ты и сам мог видеть таких... Тело Лили, как и тела остальных, пришлось сжечь. Все чародеи в городе тоже пали от дурной болезни... я одна осталась.

– Огонь виверны? – Бледным голосом спросил Винцент. – Это не совсем верное название... оно совсем неправильное. Но... но шаманы из южной Африки научились его лечить. Это не так уж сложно, я знаю рецепт... – Винцент осекся под взглядом Зузанне. Тут он понял, что сказал и попятился назад, упираясь спиной в холодный мрамор. Его мрачный голос не отразился от стен. – Я мог помочь, матушка, мог, если бы я ответил...

– Если бы, – грозно выкрикнула Зузанне. – Я знала, всегда знала, что ты виноват в ее смерти, да так и оказалось, жалкий мальчишка! Ты ничем не лучше своего мерзкого отца, чтоб ты... – Зузанне схватила Винцента за руку и потащила за собой.

Запястье Винцента горело под рукой матери. Но вырваться, оттолкнуть ее он не смел. Винцент не понял, как Зузанне привела его в дом, как они поднялись на чердак, где на стене висел зачарованный гобелен. Такие были в моде у чистокровных семей.

Зузанне положила руку на портрет Винцента, и под ее рукой разгорелся голубой огонь. Зузанне читала заклятие. Ря-

дом сидел, плача, юный Люпин.

Винцент упал на пол от боли под ребрами.

– Ты больше не часть нашего рода. Убирайся! – Зузанне замерла. Дрожащей рукой она коснулась портрета младенца под портретом Винцента и незнакомой ей девушки. – Ты тайно женился?

– И что с того? Невена все равно мертва...

– Роза. Ты назвал ее Розой? Лили хотела назвать так дочь...

Зузанне направила на сына руку и голову того наполнил шум. Винцент почувствовал, как кости скручивает от адского огня, пущенного по венам. От боли слезы потекли из его глаз. Физическая боль заменила горечь от утраты любимых людей.

Винцент смог вздохнуть.

– Значит, я не одна... значит у нашего рода есть шанс? Прекрасная Роза. Моя милая Роза! Но как же она будет расти без матери? Ты не сможешь о дочери заботиться, признай! Ты оставил малышку на какую-нибудь девку, а сам ушел! Ты вечно в книгах и не замечаешь ничего, даже свою сестру и ее смерть не заметил! Ты виноват в смерти всех чародеев города и Лили. Разве такой ей нужен отец?

Винцент в упор смотрел на гобелен. В его груди разрасталась ярость. Будь его воля, он бы сам выжег свое имя.

– Оставь Розу мне и иди путешествовать. Я выращу ее достойной ведьмой, какой ты не сможешь, Винцент.

1757 год.

Сумерки опустились на сонный Майнинген. В своей крови лежала девушка по имени Роза Адельхейд. Она была молода и прекрасна. Ее темно-рыжие, пышные волосы были раскиданы по подушке. Только что ушла служанка, которая увела ее младшую дочь.

Из открытого окна на Розу дул холодный ветер, остужая ее горячую кожу. Роза то и дело приподнимала руку, пытаясь призвать своего фамильяра, но филин, как бы ни хотел, но мог ответить на ее призыв.

– Как твоя школа?

Винцент вздрогнул, а потом сдавленно улыбнулся.

– Чародеи все еще не верят, что я нашел остров Туле. Хотя прошло уже пятнадцать лет... Учеников пока мало, но они довольны. Я разработал отличную систему обучения... – Винцент запнулся, уперев взгляд в первую попавшуюся точку. – Ты никогда не спрашивала, мой свет.

Роза привстала, раздираемая новым огнем боли. Винцент кинулся к ней и приобнял за плечи.

– Твои знания всегда были тебе важнее меня, Винцент!

Винцент прижал к себе дочь. Роза согнулась под властью кашля. В горле оставалось мало воздуха. По ее телу прошелся холодный пот, тут же согретый от жара кожи.

– Ты всегда была важна для меня, моя душа.

– Разве? – Еле произнесла Роза. – Ты отдал меня бабуш-

ке, ты позволил ей сказать всем, что я дочь тети Лили. И все поверили, что я родилась у больной Лили, чудом не заразилась, но шесть месяцев меня скрывали, чтобы надежда рода окрепла... Ты не пришел за мной. Ты ушел искать свой чертов остров.

Роза выпрямилась, смотря на мокрые полосы на щеках отца.

– Я сделал это ради тебя. Чтобы из-за меня больше никто не умер: твоя мать, Лили, наш род... Но я пришел к тебе. Пришел, как смог найти... я пришел слишком поздно, – Винцент опустил голову, пряча лицо в длинных седых волосах. Надломленным голосом он продолжил, – Я скучал, так скучал, мой свет. И боялся приблизиться. А приблизился, ты умираешь...

Роза погладила отца по голове, убирая мокрые пряди с лица. Ее суровый взгляд вдруг стал мягким:

– Я не из-за тебя умираю. Я не из-за тебя пришла к темной магии. Это давно у нас в роду. Вспомни, бабушка не первая, и пойми, я не последняя. Но, право, будь ты рядом, может бабушка не научила бы...

– И не подари я тебе те книги, узнав о твоих увлечениях, ты бы не прочла заклятие алхимиков... нельзя, ты была не готова. Нужно лет сто тренироваться.

Роза хотела улыбнуться, но зашлась очередным кашлем. Тьма проступила в венах, протекая по ним вязкой болью. Роза выгнулась, не сдерживая крик.

– Позволь тебе помочь, дорогая моя!

– Нет, в книге написано, что ты тоже умрешь! Не смей!

Тут Винцент не выдержал. Он схватил дочь за руку и поцеловал ее.

– Позаботься о Циннии и Мальве, прошу! У них больше никого нет. – Роза собрала последние силы, – я заключила сделку с Линусом, когда Мальва станет взрослой, ты должен выдать ее за него. И нет, это не обсуждается! И позаботься, чтобы замуж никогда не вышла Цинния, – Роза раскашлялась и потом продолжила сухим голосом, – я не хочу, чтобы дети родились с дефектом.

– Хорошо, – холодно ответил Винцент, – но ты и сама за этим проследишь!

– Мне жаль. Правда, жаль, папа. – Тихо сказала Роза, и Винцент вздрогнул.

– Я не смогу жить, если и ты умрешь. – Винцент взял дочь за руку, произнес слабым голосом, – Адалина, Нельке... Фрейр, Летиция, Амброус... Зузанне, Лили, – гулко звучало в комнате. – Защитите ее, предки, прошу! – Так повторял Винцент и с каждым разом голос его становился сильнее.

Винцент задрожал. Огонь и тьма перешли по руке Розы в ладонь ее отца. Винцент упал, сгорая от боли. Он кричал, моля о смерти. Винцент чувствовал, как тьма поражает сердце и его медленный, тихий стук превращается в тугую нить. Вот она – сладкая смерть. Тьма сожгла его без остатка.

Стоя у приоткрытой двери за Винцентом и Розой наблю-

дала пятнадцатилетняя Мальва. Она с ужасом смотрела на происходящее, дрожа всем телом. И все же она умудрялась обнимать семнадцатилетнюю Циннию, которая не нуждалась в этом. Циннии было холодно. Ее кожа, отливающая зеленым оттенком, слабо блестела в темноте.

Молодая Роза была заражена во время беременности из-за темной магии, от чего девочка родилась с заражением – болезненной и с зеленым оттенком кожи. Второй дочке повезло больше, она мать была здорова, вынашивая ее.

Цинния злилась. Мало того, что мать всячески избегала ее, отдавая предпочтение Мальве, так еще и считает ее кровь дурной. «– Ну уж нет, – думала Цинния». У нее на примете давно был один чародей, которого она встретила в компании дедушки.

Мальва сильнее прижималась к сестре. Когда дедушка и мама долго не просыпались, Мальва с криками кинулась к ним.

– Мама, дедушка, Мама! – Со слезами на глазах кричала она, безуспешно тряся их.

Винцент открыл глаза в гостевой комнате. Голова кружилась так сильно, что Винцент не мог понять, что происходит и где он. Когда взгляд сфокусировался, Винцент увидел служанку.

– Проснулись, господин? – Кирше Вальден заботливо вытерла пот с его лба и мягко улыбнулась, но Винцент почув-

ствовал, что ее сильные старые руки тряслись. В глазах служанки, суетливо рассматривающих Винцента, горели не добрые знаки. – Только я верила, что вы то очнетесь! Но они говорили, что я просто служанка и о настоящей магии ничего не знаю. Но я верила, что вы-то нас не оставите...

– О чем ты?

Кирше неуверенно посмотрела по сторонам, точно их могли подслушать. Сердце служанки непослушно билось в груди. Она тяжело вздохнула и заговорила шепотом, сбиваясь:

– Мы п-прибежали на крик юной Мальвы. Вы лежали на... на полу, ваше сердце не с-совсем билось... вернее с-совсем не билось.

– Не билось? – Перебил ее Винцент. – А Роза? Как Роза?

Кирше была готова забиться в дальний угол, убежать, сделать что угодно, лишь бы не говорить. Дрожащим голосом она выпалила:

– Р-роза умерла. – И быстро добавила, не давая господину вставить хоть слово, – Не сразу. Ее сердце еще билось, когда нашли... Но, умирая, госпожа Роза сказала «я не чувствую боли, папа», с улыбкой умерла, право же, радовалась.

Служанка поклонилась и вышла, сопровождаемая истошным криком Винцента.

Редчайшая способность была в его руках. Сколько знаний он мог получить, впитать? Вот только сейчас это не имело никакого значения. Он остался в этом мире один.

1975 год.

Юг Франции залило дневное солнце. Винцент шел глубоко в лес, перчась от назойливых лучей. Здесь, где он думал, развеется его печаль, не осталось следа для радости. В этот день умерла Невена, его единственная жена, как бы он ни пытался убежать от этого факта.

Винцент не заметил, как вышел на небольшую поляну. Под сенью кипариса лежал медвежонок. Шерсть его была всклочена и испачкана землей. Он подрагивал, казалось, от ветра, что удивило Винцента. Винцент направился к нему.

Вдруг медвежонок преобразился. Под кипарисом сидел уже не испуганный медвежонок, а испуганный тринадцатилетний мальчик, прижавшийся к прогретой солнцем земле. И он дрожал. Слезы стекали из его глаз, капая на поцарапанные руки. Исцарапан мальчишка был весь: ссадины, синяки и ранки, следы от земли украшали его руки, колени и шею. Он тяжело дышал, пытаясь успокоить буйное сердце.

Дыхание Винцента перехватило. Винцент осторожно подошел к мальчику.

– Такие, как ты, малыш, не рождались со времен да Винчи.

Мальчик поднял на него испуганный взгляд. Он прижал колени к себе и заявил:

– Я не малыш, – возразил Гаспар, – Я – Гаспар Дюбуа! И я могу вас съесть!

Винцент засмеялся, от чего его строгие черты лица стали мягкими. Немного южного солнца попало в его покрытую туманом душу.

– Конечно. А я – Винцент Вальден, – Винцент протянул Гаспару руку. Мальчик, чуть подумав, ответил. – Сколько тебе лет, Гаспар?

– Уже тринадцать! – Гордо заявил Гаспар.

– Да уж, – деловито вздохнул Винцент. – И правда, не малыш совсем. Но что же с тобой могло случиться? Ты мог бы покорять миры, быть великими медведем!

Гаспар печально усмехнулся.

– Люди теперь бояться меня... те, с кем я дружил, бросают в меня камни и убегают, точно я их съем. А когда я колдую, то обрастаю шерстью, в моей будущей школе чародеев в Арле надо мной будут смеяться. Гаспар опустил глаза в землю.

Он никак не мог понять, почему рассказывает все незнакомцу, имя которого где-то слышал. Но он верил Винценту, ведь всепоглощающая мощь исходила из него, покоряя каждую часть воздуха, кипарис рядом с ними, травинки.

– Школа в Арле хорошая, но... – Винцент наклонился к Гаспару и прошептал, – я знаю, где тебе будет самое место!

– Где же? – Так же шепотом спросил Гаспар.

– В Академии Чародеев острова Туле, – с нежностью сообщил Винцент.

– Она же далеко! – Удивился Гаспар. – И я язык не знаю... хотя говорят он там не нужен...

– Не нужен, – согласился профессор Вальден, – но нам нужен ты.

Гаспар смущенно улыбнулся, и Винцент ответил ему взаимной улыбкой. Вот бы никогда не покидать этот момент, эту тень кипариса и французское солнце, имя которому Гаспар.

1994 год.

Винцент улыбался, смотря на играющую на полу двухлетнюю девочку. Ее светло-рыжие волосы то и дело липли к лицу. Когда Суви ловила взгляд Винцента, она улыбалась, заливая комнату звонким детским смехом.

– Так, о чем я? – Астрид недовольно посмотрела на своего предка. – Суви не будет учиться в Академии. Вы собираете нас всех?

От взгляда Винцента Астрид стало дурно. Она почувствовала себя маленьким ребенком, который говорит смешные и глупые вещи, потому что еще так наивен и молод.

– Чем же Академия тебе не угадила?

– Ничем, – смутилась Астрид, – просто там все учились, тошно...

Винцент встал, подошел к Суви и взял ее на руки. Малышка тут же захлопала в ладоши и снова залилась смехом.

– Ты ведь понимаешь, дорогая моя, что, если у Суви будет сильная способность, такая же редкая, как моя, или появляющаяся чаще, я сделаю все, чтобы она оказалась у меня. –

Винцент с нежностью смотрел на ребенка, но в голосе его звенела сталь.

Астрид хотелось возразить, кинуться на Винцента и не подпускать к дочери, чтобы даже не думал ставить над ней эксперименты. Она никогда не понимала, почему все, а особенно профессор Реген, по ее мнению, прекраснейший во всей Вселенной человек, так слепо доверяет Винценту.

Но люди шли за ним, летели, как мотыльки и мухи к липкой, прозрачной паутине, из которой уже невозможно было выбраться.

– Да, конечно, вы всегда обращаете внимания только на лучших, собираете их в свою коллекцию. Фриде не тесно там?

– Там разные есть, – спокойно сказал Винцент, прижимая к себе Суви с такой властью, что Астрид не смогла бы кинуться, чтобы вырвать дочь из его рук.

Во взгляде Винцента бурлила древняя, непокоренная сила. На руинах сломанных, погибших алтарей был возведен один единственный храм, посвященный магии. И никто не смел нарушить его покой.

– Главное, – напомнил Винцент, – Суви не следует знать, кто я. Ничем хорошим это не заканчивается.

Астрид с готовностью согласилась.

Маленькая Суви сладко заснула на его руках.

Глава 21. Ветер приносит дыханье цветов

2022 год.

Давид ждал Суви в одном из баров, в который могли зайти лишь те, кто обладал магией. Простые люди не обращали на него внимания и проходили мимо. Иногда кто-то краем глаза замечал, но никак не мог понять, что увидел, и тоже шел дальше.

В баре было не так шумно, как обычно. Волшебный мир увлеченно шептался или боялся высказать свои мысли. Их волновало, почему же вдруг умер чародей, живший так много. В конце концов, когда умирает великий человек, это всегда трудно принять, даже если его жизнь никак не касалась твоей.

Бывшие ученики Академии и вовсе сидели мрачнее тучи.

Давид с легкой улыбкой наблюдал за небольшой компанией в углу. Они перешептывались и смелись, чуть тихо, чтобы не разрушить своим миром весь чужой. Одну из девушек Давид узнал сразу. Рамуне тоже заметила его и радостно замахала рукой.

Случайно использовав чары, собеседник Рамуне направил чашку в окно. Чашка с грохотом вылетела на улицу. Люди проходили мимо, безразлично перешагивая через осколки.

Рамуне, ничуть не смутившись, щелкнула пальцами, и осколки вернулись обратно, соединившись так, словно и не разлетались. Глаза Рамуне, как и у ее собеседника, загорелись фиолетовым. Ведьмы и ведьмаки не перешептывались

о возникшем блеске в их глазах.

Давид не заметил, как подошла Суви.

– Они прекрасно выглядят, – с такой же улыбкой заметила Суви, садясь рядом с Давидом.

– Без вас не получилось бы ничего этого, – с восхищением заметил Давид.

– Это все Инна, это она приготовила эликсир из цветка, – вздохнула Суви, а потом строго добавила, – не нужно снова говорить, что и я многое сделала.

Давид лишь покачал головой. Суви предпочла этого не замечать.

– Я и к вам заеду, во время путешествия, – вдруг сказала Суви.

– Мы будем рады видеть тебя.

Давид с похорон Винцента все никак не решался спросить. Но вдруг выпалил, заливаясь краской:

– Что ты будешь делать с наследством?

Суви пробормотала что-то неразборчиво. Она и думать не хотела, что будет делать со всеми этими деньгами, вещами и имением в Германии.

– Я понимаю, что это другое, но, когда родителей казнили, я только и мечтал уничтожить деньги. Тот их дом, где мы жили, я снес. А деньги... ты знаешь.

Суви заботливо прикрыла его руку своей рукой и улыбнулась.

– Я бы тоже все уничтожила... Но лучше я превращу дом

Винцента в самую большую и редкую библиотеку. Только нужно подумать об охране и все такое... Ведь он собирал эти книги не для того, чтобы читать самому. Читать и читать. Он хотел делиться знаниями, а так будет делиться ими вечно, – получив одобряющий взл, Суви продолжила, – а с деньгами поступлю, как и ты. Не против?

– Нет, – рассмеялся Давид.

Суви посмотрела на Рамуне. По ее сердцу разлилось тепло. Она представила в их компании Адама, так же весело смеющегося и творящего магию, свободно и легко. Рядом появилась Астрид. Она с нежностью посмотрела на дочь и рассмеялась, отвечая на что-то Адаму.

Давид заметил ее взгляд и приобнял Суви. Суви положила голову на его плечо и вздохнула. Посреди общего траура жизнь продолжалась, это было для Суви лучшей наградой, чем все эти премии и звания от Совета и общества.

Потом они долго гуляли, вспоминая школьные годы. Давид шел в футболке с короткими рукавами, открывая миру свои шрамы. Суви с восхищением смотрела на него. Давид заметил ее взгляд и смущенно улыбнулся.

Они проходили мимо лужаек и там, задетые мыслью Суви, распускались цветы. По телу Суви пробежался ток, останавливаясь на кончиках пальцев. Суви рассмеялась так сильно, что из глаз покатались слезы.

– Я тоже горжусь тобой, – сообщил Давид.

– Рано еще, потом похвалишь.

Рене Моен и Гаспар Дюбуа встретились в одном из кафе для чародеев. Они постарели и, все же, будто совершенно не изменились. Черные волосы и борода Гаспара практики покрылись сединой, а волосы Рене оставались все еще черными. И его тонкое лицо было слегка тронута морщинами.

Вокруг Рене и Гаспара бегала двенадцатилетняя девочка. Она радостно смеялась, смотря на отца, на которого была так похожа.

– Урсула, – Гаспар мягко схватил дочь за руку и улыбнулся, – садись, скоро принесут поесть.

Урсула Блэр-Дюбуа повиновалась, задорно улыбаясь.

– Скоро в Академию, – заметил Рене, – не волнуешься, нужно отпустить ее надолго.

– Я доверю ее тете Ванде, безоговорочно, – улыбнулся Гаспар. – С ней мой медвежонок будет в безопасности и получит множество знаний, – Гаспар погладил дочь по голове. – Помню, как я первый раз отправился в Академию. Остров Туле казался таким таинственным и далеким, а я был маленьким и чужим. Но я так хотел быть здесь, мне обещали...

– Успех?

– Счастье. – Гаспар рассмеялся, смотря на Урсулу, – и я его получил сполна.

Рене с улыбкой смотрел на них. Он думал о том, какими были бы его дети. И эти вызвали в его светлых глазах печаль.

– Как Фрида? – Серьезно спросил Гаспар, – снова не от-

менит свадьбу?

Рене пожал плечами, уставившись взглядом в стол.

– Больше нет. Я не знаю почему, но я уверен в ней. Конечно, это глупо, – Рене горько усмехнулся, – Фрида бросила меня так давно, разбила сердце. Уже двенадцать лет мы просто дружили и...

– Я все это знаю, и это я двенадцать лет назад сидел с тобой три дня, насильно вливал в тебя зелье, чтобы ты хоть поспал! – Гаспар мягко улыбался, но глаза его горели злым огнем. – Если так хочется, обратил бы внимание на Ванду или вообще...

Рене снова пожал плечами. В его светло-голубых глазах плескалось бесконечное северное море. Такое теплое, но невозможно холодное, скрывшее в себе своды великих тайн. Голос его, мерный и тихий, звучал ярче всех в шуме чужих голосов.

– Я люблю ее, дорогой друг. Люблю столько долгих лет. Я знаю ее всю, полностью, знаю то, что другим немислимо. Фрида боялась меня разбить, каждый раз, убежденная, что делает мне лучше. – Рене поджал губы. – Ты можешь не верить мне и считать наивным. Это твоя правда. В конце концов, сколько бы я не ждал, Фрида приходит ко мне. Самая молодая верховная Чародейка, любимица народа, жемчужина семьи. Моя.

Зачарованный поднос мягко опустился на их стол. Урсула, замороженная, наблюдала за ним, раскрыв рот. Точно ви-

дела это впервые. Все интереснее, чем странные разговоры взрослых.

– Если она отменит свадьбу, поверь, я не посмотрю, что она тетя Суви, твоя любовь и все на свете... – С рыком сообщил Гаспар. Урсула рассмеялась. Гаспар обратился к ней. – Медвежонок, не хочешь еще добавки? – Положив дочери часть рябинового желе и рулет из тимьяна из своей тарелки, Гаспар вернулся к Рене, – Тебе придется долго умолять меня не злиться.

– Ты думаешь, я идеализирую ее? Думаешь, веду себя не так, как подобает взрослому профессору?

– Да.

– Это не важно. Но важно знать, что ты готов вступить за меня. Но пока поверь во Фриду.

Гаспар покорно кивнул. Смотря в глаза Рене, он всем сердцем хотел, чтобы тот оказался прав.

Спустя месяц Суви оказалась у небольшого особняка где-то посреди огромного леса в холодной от ноября России. Окруженная криком ворон и шелестом сухой травы, Суви медленно шла по территории. Подначиваемые ветром, голые ветки неустанно скрипели.

Суви подошла к старой кованой двери. Узоры на ней сплетались в далекие, неизведанные символы, отражая отблеск металла. Суви узнала руку цвергов и улыбнулась, вспоминая далекий пир.

Как только пальцы ведьмы коснулись звонка, дверь бесшумно открылась, точно она была сделана из перьев.

На пороге стоял высокий, бледный мужчина с рыжими, выжженными на солнце волосами. Его мягкие глаза горели фиолетовым огнем. В его тонких, еле различимых чертах глаза казались единственным доказательством жизни.

– Фирс Карпович Левандовский к вашим услугам, – почтительно поклонился Фирс, улыбаясь. Суви не вздрогнула, увидев, как свет отразился от его белых клыков. Фирс рассмеялся, и, казалось, был готов запрыгнуть на месте. – Ведьма? Адельхейд?

– Верно, – подтвердила Суви.

Фирс глубоко вдохнул воздух и только тогда кивнул. Он открыл шире дверь, и Суви вошла в темное помещение. Вампиры прекрасно видели в темноте, но очень плохо и болезненно видели мир днем.

Вампиры, как и оборотни, были созданы алхимиками. Ходила легенда, что когда-то жили два брата, мастера алхимии и некромантии. Когда всю их деревню уничтожили, они решили вернуть дорогих сердцу жителей. Вот только, если возвращаешь мертвых к жизни, всегда будут последствия: Совет Чародеев казнил братьев и предал их имена забвению. Но плоды их трудов до сих пор ходят по земле.

Средний срок жизни обычного вампира составлял триста лет. Фирс шел к своему двести девятьсот восьмому дню рождения.

Вампирам нужна была чужая кровь для поддержания жизни, но они не выпивали всю кровь. Они не боялись чеснока, но заколдованным чародеями оружием их очень даже можно было убить.

Суви с восторгом осмотрела старые картины, антикварные вазы и персидские ковры. Все это покрылось пылью времени.

– У вас раньше были слуги? – спросила Суви.

– Слуги? – Рассмеялся Фирс, – я уже и забыл, что такое слуги. Из-за ваших предков нас осталось всего лишь двести по всему миру, какие уж тут слуги! Слава Фриде Адельхейд, великая Верховная Чародейка, она-то вступилась за нас, запретила гонения...

Фирс провел Суви в комнату, напыленную приятным полумраком, и предложил на выбор любое кресло: мягкое, твердое, старое и новое. Суви осталась стоять.

– Что же вы хотели? – Фирс удобно устроился за столом.

– У вас было предложение ко мне. – Напоминал Суви.

– Конечно! – Фирс хлопнул в ладоши и вскочил со стула. В одно мгновение он оказался у книжного шкафа и взял самую потертую и старую книгу. – Я был давним знакомым вашего бывшего директора, Винцента. Мы много путешествовали вместе. Он поставлял чародеев, которые согласились бы помочь мне с работой. Перед свой безвременной и трагичной кончиной он послал мне письмо с просьбой обратиться к вам... сказал, что у вас есть опыт.

– Я пока не находила артефакты, только цветов.

– А? Слышал-слышал. Ши были в ярости. – Расплылся в улыбке Фирс. – Хорошо, что вы помогли оборотням, очень люблю оборотней. Есть одна знакомая стая на севере России... знаете, раз вы уже здесь. Как вы думаете, кому повезло больше: чародеям-вампирам или чародеям-оборотням? Со мной все устали говорить об этом, все, кроме вашего покойного предка... – у фиолетовых глаз Фирса скопились слезы. – Из-за того, что в отличие от оборотней, они уже мертвы, чародеи-вампиры теряют свою магию и сходят с ума... ни один еще не дожил до пятидесяти лет новой жизни... Ну а оборотни: вы знаете. – Фирс подмигнул Суви, – конечно, сейчас оборотням-чародеям живется лучше. И все благодаря вам, юная леди.

– Думаю, даже с лекарством, лучше простым людям, обращенным или рожденным оборотнями. Или рожденным вампирами. Разве кто-то из обращенных в вампиров обычных людей доживал до ста?

Фирс поджал губы и вздохнул. Его взгляд упал на фотографию на столе.

– И детей от них не заведешь. А вампирам не то, чтобы часто удавалось заводить потомство.

Суви мягко улыбнулась, вспомнив Холли. Сейчас она была с отцом, в Англии. Гленн писал, что хочет отвезти ее в Лондон. Суви знала, что он позаботится о дочери, но все равно волновалась.

Фирс внимательно смотрел на ее лицо.

– У вас есть дети?

– Да, дочка. Ее зовут Холли.

– Холли? Хорошее имя, живое, – Фирс снова взглянул на фотографию, в его фиолетовых глазах отразилась тоска, – уверен, она тоже скучает.

– А у вас есть ребенок?

– Может к делу? – В добродушном голосе Фирса проблеснула сталь.

– Почему вы сами не можете справиться?

– Потому что чародеи справляются лучше всего. – Пожал плечами Фирс. – Да и от солнца голова кружиться, а работать ночью не по мне.

Вампир протянул ведьме книгу.

– А почему вы решили найти такую работу? – Фирс сжал пальцы на книге. – Как же целительство?

– Я решила последовать за своей страстью.

Фирс разжал пальцы и поклонился. В руках Суви оказалась тяжелая книга, от которой веяло холодом и дальними уголками старых сундуков. Книга податливо легка в руки Суви, ожидая, когда ее откроют.

– Мы сработаемся, юная ведьма. Мне осталось не там много, я хочу дополнить свою коллекцию парой экземпляров.

– Что вы хотите, чтобы я нашла?

Фирс похлопал в ладоши и подался вперед, еле слышно шепча:

– Все, что есть в этой книге, дорогая, и еще пару томов.

– Остался меч, и ты покончишь с этой книгой, – заметил Олеандр, изучая в зеркале свое отражение, – может мне прическу поменять? Люди изобрели такие хорошие лаки для волос – дивная магия.

В его голосе затерялся звон золотых монет, падающих из ловких рук, блеск драгоценных камней на краю радуги и мольбы, которые люди шепчут, в надежде на везение.

Суви бегло взглянула на лепрекона.

– Не стоит.

Лепреканы по росту были ниже цвергов. Олеандр обладал аккуратно уложенными рыжими волосами и искусно подстриженными рыжими усами. Одет он был, как и положено на работе, в зеленый костюм, исшитый причудливым узором из золотых нитей. Сам же Олеандр дома ходил исключительно в белом.

Вместе они путешествовали уже две недели. Олеандр увязался за ведьмой, как только узнал, что она ищет выкованный цвергами меч в дар ши. Меч этот светился всеми цветами радуги. Суви не доверяла лепрекону, но взяла с собой. Ведь лучше так – пусть будет на виду.

Суви ткнула пальцем в карту и улыбнулась. Нужно место покалывало, грело палец. За эти месяцы Суви прекрасно отточила заклятия поиска. Если лепреконе захотел бы что-то украсть, Суви найдет его. Она нашла бы и маму, сейчас...

– Нашла! – Суви посмотрела на сидящую рядом Тару, – сообщи Мел.

Через час они уже были в пещере на острове. Олеандр сидел у воды, разглядывая в ней свое отражение. Суви же смотрела на пещеру. Стены словно светились от бликов, падающих от воды. А вода, темно-синяя, холодная, жадно звала к себе.

Мелуин вынырнула из глади воды так, что ни одна волна не сдвинулась с места. Она шевелила хвостом под водой, чтобы удержаться на месте, но гладь воды была недвижима.

Суви не могла точно разобрать черты ее бледного лица. Они словно расплывались, уплывали, не желая сохраняться в памяти. Но она была уверена в одном – лица красивее она никогда не видела. Олеандр терял из виду другие черты морской девы, но тоже находил их самыми прекрасными.

В полумраке хитро горели ее золотые, как и у Олеандра, глаза.

– Меч там, где она указала? – Кинулся к воде Олеандр.

Суви схватила его за ворот, не дав приблизиться к Мелуин. Лепрекон протестуяще замотал руками. Морская дева рассмеялась, озаряя пещеру звонким смехом, напоминая журчание ручейка, перелив жемчуга, падающего обратно в воду.

– Там, ведьма. Блестит, как коралловый риф. – В голосе морской девы разбивал корабли дикий шторм, изнывали моряки от долгого штиля, плескались в гавани дельфины и пе-

ли величественные киты.

– И ты веришь ей, но не мне? – Возмутился Олеандр.

– Морские девы не предают ведьм, – серьезно сообщила Мелуин.

Суви ответила ей улыбкой.

– А лепреконы предают? Ты эгоистка, ведьма, оборотни не такие уж плохие, на вампиров работаешь, русалки хорошие, а лепреконы хитрые лжецы! – Насупился лепреккон.

– Подними его, – попросила морскую деву Суви.

Мелуин медленно опустилась под воду.

Ведьмы всегда защищали места русалок, а русалки спасали ведьм от участи утопленниц. Да и не только ведьм, но и простых девушек. Конечно, не всегда успевали, но...

Суви отпустила Олеандра и села у воды. Лепреккон сел рядом с ней.

– Ты ведь хочешь выменять у меня меч, а как не отдам, так украдешь, обменяешь на золото, которым нельзя расплатиться.

Олеандр усмехнулся.

– Зачем мне это делать?

– Чтобы вернуть меч твоему народу.

– Но он же его. – Пожал плечами лепреккон.

– Фирсу осталось два года. Дай старому вампиру, прожившему хорошую жизнь, наиграться. А потом и забирай.

Олеандр задумался. В его золотых глазах, похожих на две монеты, блеснула мысль.

– Я жду два года, и ты отдаешь мне меч, а взамен я до конца твоего путешествия буду помогать тебе... честно помогать, – Олеандр протянул Суви руку.

– Зачем тебе это?

– Ты мне нравишься, ведьма.

Суви чуть подумала и кивнула.

– Идет, – Суви взяла лепрекона за руку, и их руки обвил золотой свет.

– Лепреконы не предают своих обещаний, данных магией, – напомнил Олеандр, уловив нотки сомнения в голосе Суви.

Мелуин вынырнула из воды. В бледных руках она держала длинный острый меч. Он блестел, переливаясь как алмаз, радугой. Он был идеален и чист, будто не провел тысячелетия под водной гладью.

Суви ждала, что лепрекон кинется к морской деве и забрет меч, не скрывая огонь в глазах. Но Олеандр опустился на колени и поклонился. В его глазах горел другой огонь, не жадный и страстный, а величественный и гордый. Взгляд истинных лепреконов.

– Значит, и правда, здесь умер Элоуэн первый. – Мрачно произнес он.

– Мы изучали его в Академии, он был великим. – Вспомнила Суви.

Олеандр был согласен с ней.

Суви взяла меч и завернула его в плотную ткань. Олеандр

так и остался стоять, напевая песню о подвигах своих предков. Его голос, наполненный звоном монет, полетевших в рукав игральных костей, капель дождя, застывших в предвкушении радуги и холодных волн, омывающих остров, отразился от камней.

Суви и Олеандр спустились по тайному проходу в закрытую от посторонних часть библиотеки Фирса. На полках не помещались книги, от чего они были расставлены огромными стопками по полу.

Суви вдохнула запах сырости и старых книг.

Исторические свитки и документы, хранилища мифов и легенд, старые поверья и дикие первобытные сказки слились на пожелтевших страницах. Свидетельства людей и существ, слова, пронесенные из давних, ушедших времен.

– Я думал тут больше книг, – заметил Олеандр.

– У Винцента Вальдена не было своего дома, те книги, которые он забрал из Академии, хранятся теперь здесь. Это книги, завещанные мне. Те, что достались профессору Регену, у него.

– Только и мог завещать, что книги, – пожал плечами Олеандр, – разве это жизнь?

Суви взяла одну из книг и заботливо стерла с нее пыль.

– Это была его жизнь, – в голосе Суви отразилась печаль.

– Что ты будешь делать с этими книгами?

– Добавлю в библиотеку, нужно забрать их.

– Тебе не кажется, что этот Фирс своровал часть, и это не все?

– Профессор доверял ему. Даже взял на должность учителя. Фирс ушел на пенсию незадолго до моего прибытия... за восемьдесят лет. Он доверил ему книги и порекомендовал меня, точно зная, чем я займусь...

– Раз так, – вздохнул Олеандр, – то и я ему поверю. Я еще молод, только исполнилось сто, может, и бывают вампиры, которым можно верить.

Суви рассмеялась, а Олеандр покрылся густой краской, от чего даже его волосы стали рыжее.

Суви открыла лежащую в руках книгу. Легкий бриз подул с ее страниц.

– Я знаю, кому нужно показать эти книги в первую очередь. – Суви развернулась, радостно улыбаясь. За ее спиной стоял Гаспар Дюбуа. – Профессор.

Суви кинулась к нему и крепко обняла, вдыхая теплый запах леса. Олеандр недовольно фыркнул.

– Ты так выросла, – солнечно улыбнулся Гаспар, – мы с Джасмин очень гордимся тобой.

– А вы не изменились, – сказала Суви, изучая еще большую россыпь морщинок у карих глаз и седину, покрывшую инеем его черные волосы и бороду.

– Если тебе интересно, я слышал, видели книги Сивилл. – Сообщил Гаспар, подмигнув Суви.

– Значит в путь! – Рассмеялась Суви. – Вы отправитесь

с нами?

– Сначала я бы провел пару ночей здесь.

– Кончено.

– Если Фирс проголодается, у него всегда будете вы, – заметил Олеандр, вытирая пыль, чтобы сесть на старый стул.

2023 год.

Год путешествия Суви подходил к концу. Она очень скучала по дочери и знала, что будет скучать по путешествиям и добыче артефактов. Ведь столько всего она еще не успела найти. Но ведьма решила сделать перерыв, пока Холли не подрастет и не отправится в Академию.

Ближайшие пять лет Суви планировала преподавать в обычном университете.

Она сидела в своем новом, еще пустом, кабинете, думая о книге, которую напишет. До начала работы оставался еще месяц.

В дверь постучали.

– Войдите.

В кабинет вошел мужчина. У него были хитрые голубые глаза и небрежно завязанные в хвост каштановые волосы. Он криво улыбнулся, протягивая руку Суви.

– Фабиан Ван Дер Хайде, – представился он, – профессор археологии и палеонтологии.

Фабиан слегка покраснел, продолжая криво улыбаться.

– Приятно познакомится. Я – Суви Адельхейд. – Улыбну-

лась Суви.

– Я слышал о вас. О лекарстве, которое изобрели благодаря вам и об артефактах, которые вы нашли.

Суви сделала шаг назад. Фабиан кивнул и мягко сказал:

– Я не чародей, – профессор поджал губы, – но я медиум. Мои родители были не очень сильными чародеями, но мне, видно, повезло. Я проходил курсы в Академии острова Туле и видел вас там.

– Вы знали профессора Вальдена? – Суви чуть наклонила голову, подаваясь вперед. В ее голову почему-то лезли воспоминания о зимней ночи и бале, но она гнала их прочь.

– Да, но не близко. Немного говорил с ним. Я знал историю вашей семьи, но уже давно хотел познакомиться именно с вами. Я так и не подошел тогда. Помните бал, на который пригласили медиумов, проходящих курсы? Нам тогда было шестнадцать. Вы были так красивы, и...

Суви сощурила глаза, а потом рассмеялась. Она вспомнила мальчика, который так понравился Инне. И вспомнила, что так и не подошла к нему. Ей уже не хотелось просить его связаться с мамой, но вот на танец можно было бы его пригласить.

– Я помню. Вы очень понравились Инне.

– А я все хотел пригласить на танец вас. Но Инна, так ведь ее звали? Инна не отпускала, а потом вы убежали... – Снова покраснел Фабиан. – Чтобы я не чувствовал себя так неловко, вы согласитесь выпить со мной кофе, профессор Адель-

хейд?

Суви благосклонно улыбнулась. За окном мягко шумели деревья и травы. Суви слышала их голоса, их мерный покой и интерес.

– С удовольствием, профессор Ван Дер Хайде.

Август подходил к концу. Год путешествия изменил Суви. Она больше не боялась себя, своей силы и своего рода. И на этом не собиралась останавливаться. Теперь Суви поняла, чего хотела от жизни – быть Суви. И этим она решила поделиться с миром через знакомый и родной язык – через цветы.

Суви шла по огромному полю. Вокруг виднелся лес, а за ним холодные пики гор. На поляне стояла заброшенная, печальная во всем своем одиночестве оранжерея, и не менее печальный коттедж. Под ногами Суви, прыгая за бабочками, неслась черная кошка. А сзади них шли весело смеющаяся Холли, которую за руку держал Ивар, смущенный Фабиан, что-то увлеченно рассказывающий им Гаспар Дюбуа и подозрительно смотрящий на чародеев Олеандр.

Вместе они шли по земле, когда-то давно принадлежавшей предкам Гаспара. Ведьмы и ведьмаки Дюбуа жили здесь, творили магию, но время все изменило.

Над их головами, всегда радующийся светлому небу и яркому солнцу, летел грифон. Гилл гордо расправил крылья, прикрыв фиолетовые глаза. Суви то и дело смотрела на Гил-

ла, в душе завидуя ему. Как же прекрасно летать.

– Как тебе земля? – Спросил Гаспар.

– Она прекрасна. Нужно только немного улучшить ее вид. – Улыбнулась Суви.

Суви остановилась посреди поляны. Тару села рядом и ее черные глаза засветились белым. Суви чувствовала, как пульсирует жизнь под ногами. Как же давно она не ощущала ее, как же скучала по ней. Магия подарила ей боль.

Но теперь все было иначе. В сумке у ведьмы была пара книг ши, взятых из оставленной ей в наследство библиотеке Винцента. Теперь Суви жалела о потраченных годах. Теперь Суви не хотела быть успешной и прославить еще сильнее род Адельхейд.

Тело Суви отдалось болью, магия затекла в ней и расправила свои крылья.

Земля слегка затряслась. Поле украсили выросшие розовые кусты, сирень, маки, хризантемы, разноцветные тюльпаны и лютики. В оранжерее ожили бугенвиллея, папоротники, финики, фуксии и множество цветов. Суви повела рукой, и все палки, и осколки вернулись на свои места, восстановились, сияя прежней красотой, пока растения заполняли поле.

На выросших деревьях появились плоды яблони, слив, груш и персиков. Они наполнились соком, готовые вот-вот упасть. Суви вдохнула запах весны и жизни. На деревья сели прекрасные птицы яркие, серые, юркие и спокойные. За шелестом травы Суви слышала их звонкие голоса.

По одному из кустов Суви провела рукой. Высохшие почки распустили чудесными фиолетовыми цветками, спеша за ее пальцами.

– Ух ты, – практически завизжала Холли, – я не знала, что ты так можешь, мама!

Суви покраснела и сорвала грушу, протянув ее дочке. Холли радостно улыбнулась, принимая чудесный дар.

– А я тоже кое-что умею, мне уже три недели как тринадцать! – Гордо завил Ивар.

Холли закатила глаза.

– И что же? – В очередной раз спросила Суви.

Ивар глубоко вздохнул и вокруг него, поднятые потоком ветра, закружились веточки, камни и травинки. Суви захлопала в ладоши и рассмеялась, погладив двоюродного брата по рыжим волосам.

– Ты молодец. Жаль Винцент не дожил, чтобы увидеть это, – с грустью добавила Суви.

Фабиан с улыбкой смотрел на собравшихся Адельхейд, замечая, какие они милые, и как ему бы хотелось стать частью этой большой семьи. Он знал их только с учебников историй и книг, но сейчас, узнавая их с каждым днем, он видел простых людей. И эти люди, которым суждено продолжать свой великий род, очень нравились ему. Впрочем, куда важнее было то, что ему нравилась одна рыжая ведьма с мягкими светло-кариими глазами.

Суви приобняла медиума и улыбнулась ему. Фабиан акку-

ратно поцеловал свою ведьму в рыжую макушку и рассмеялся. Он, переполненный теплом и раздирающими чувствами, хоть сейчас бы встал на колени. Но он понимал, что могут пройти еще долгие годы, пока она будет готова.

Холли с улыбкой смотрела на них.

Грифон, окруженный щеглами, спустился на землю. Гилл наклонился рядом с Суви и начал рыть землю, радостно виляя хвостом и размахивая огромными крыльями.

Суви присела перед грифоном, смотря в фиолетовые мудрые глаза. У его лапы вырос прекрасный бутон белой розы. Гилл утробно заурчал.

– Мы оставим его, мама? – Холли практически повисла на грифоне.

– Нет, милая, – с грустью сказала Суви под смех Гаспара, – Джасмин Блэр нам такого не простит.

Суви посмотрела на бывшего учителя, поймав его гордый взгляд. Гаспар Дюбуа с нескрываемым восторгом и радостью, не меньше, чем у Холли, осматривал чудесный сад и оранжерею.

Был идеальный день, наполненный смехом и запахом цветов. Южный ветер, предвещая жаркое лето, обнимал ведьму. Суви шла, и от каждого ее шага распускались бутоны, набухали почки и созревали плоды.